

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Учебно-научный центр
изучения этнополитических и этнокультурных процессов

Проблемы адаптации и интеграции
трудовых мигрантов в российских мегаполисах
(Москва и Санкт-Петербург)

Экспертно-аналитический доклад

Москва
2019

УДК 325(042.3)
ББК 65.2(48)
П78

Ответственный редактор
М.А. Омаров

доктор политических наук, профессор,
директор Учебно-научного центра
изучения этнополитических и этнокультурных процессов

Авторы

В.А. Ачкасов, доктор политических наук, профессор
(общая редакция, введение, главы 1–5, заключение)
А.И. Абалян, кандидат политических наук (введение, главы 1–6)
А.А. Андреев, кандидат политических наук (главы 5, 6)
А.А. Никифоров (главы 2, 3, 7)

Рецензенты

Н.А. Баранов
доктор политических наук,
профессор Северо-Западного института
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ

С.А. Ланцов
доктор политических наук, профессор кафедры
международных политических процессов
факультета политологии Санкт-Петербургского
государственного университета

*Работа выполнена в рамках государственного задания
на оказание государственных услуг (выполнение работ) на 2019 год
по организации общественно значимых мероприятий
в сфере образования, науки и молодежной политики № 075-00209-19-03
«Исследование социокультурных и социально-политических аспектов
межнациональных и межрелигиозных отношений в молодежной среде»*

© Ачкасов В.А., Абалян А.И.,
Андреев А.А., Никифоров А.А., 2019
© Российский государственный
гуманитарный университет, 2019

ISBN 978-5-7281-2575-4

Оглавление

<i>Введение</i>	5
<i>Глава 1</i> Межэтническая ситуация в г. Москве и Санкт-Петербурге	28
<i>Глава 2</i> Органы государственного управления, участвующие в реализации политики адаптации и интеграции трудовых мигрантов: оценка результатов деятельности	45
<i>Глава 3</i> Место и роль институтов гражданского общества в реализации политики адаптации и интеграции трудовых мигрантов	73
<i>Глава 4</i> Проблемы в восприятии массовой трудовой миграции членами принимающего общества	83
<i>Глава 5</i> Восприятие иммигрантами принимающего российского общества и выбор стратегии поведения	99
<i>Глава 6</i> Самоидентификация трудовых мигрантов из государств Центральной Азии в новой городской среде	121
6.1. Мусульманские иммигрантские сообщества Москвы и Санкт-Петербурга: проблемы интеграции	121
6.2. Мусульманская наднациональная идентичность: Pro et Contra	127
6.3. Бремя «традиции», или Локальные сообщества в условиях миграции	146

Глава 7

Возможности и ограничения использования цифровых технологий в процессе адаптации трудовых мигрантов	162
---	-----

<i>Заключение</i>	178
-------------------------	-----

<i>Литература</i>	188
-------------------------	-----

Введение

Сегодня в результате «волн» массовой иммиграции, прежде всего из стран бывшего «третьего мира» в Северной Америке и в Западной Европе все в большей степени формируются полиэтнические и мультикультурные общества. Россия же, по определению, является мультиэтнической и мультикультурной страной. По оценкам, опубликованным ООН, число международных мигрантов в мире в 2016 г. составило 258 млн человек – на 100 с лишним миллионов больше, чем в 1990 г. При этом 51% всех международных мигрантов проживают всего в десяти странах. На первом месте – США, где живет 19 млн мигрантов, за ними следуют Германия и Россия, принявшие по 12 млн каждая¹.

Ежегодно более 1,6 млрд человек мигрируют через государственные границы. Поэтому в настоящее время миграционные процессы становятся одним из основных факторов политических, экономических и социокультурных трансформаций современного глобального общества, оказывая влияние на формирование ценностно-смысловых, нормативных и культурно-этических ориентиров, что заставляет экспертов внимательно отслеживать изменения миграционных потоков и предлагать решения возникающих новых проблем, а правительства принимающих стран проводить активную иммиграционную политику.

Обычно выделяют два основных компонента иммиграционной политики:

- *допуск* (политика контроля над иммиграцией);
- собственно *иммиграционная политика* (политика, которая направлена на работу с уже допущенными иностранцами).

Как правило, выделяют три базовые модели иммиграционной политики.

¹ United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division: International migration report 2016.

Первая основана на стратегии сегрегации. «Гастарбайтеры» рассматриваются как явление временное, серьезных шагов по их инкорпорации в общество не предпринимается (ФРГ до начала XXI в.).

Вторая модель действует в рамках стратегии ассимиляции, иммиграция воспринимается как постоянное явление, поэтому правительство пытается включить иммигранта в общественные структуры, но на условиях принимающей стороны (Франция).

Третья модель «мультикультурализма» или «этнического плюрализма» предполагает не только предоставление этническим, религиозным и иным социокультурным группам равных прав и возможностей для экономического, политического и др. участия в жизни государства, но и «права на различие» (Канада). Эти три модели в тех или иных сочетаниях реализуются в иммиграционной политике принимающих государств².

Иммиграционная политика с самого начала двойственна и противоречива. С одной стороны, в демократических государствах должен действовать принцип свободы эмиграции/иммиграции, поскольку согласно статье 13 Всеобщей декларации прав человека: «Каждый человек вправе уезжать из любой страны, включая свою страну, а также возвращаться в свою страну».

Однако, с другой стороны, суверенные государства вправе контролировать потоки мигрантов, отсюда ограничения на иммиграцию, ограничительная или избирательная политика в сфере трудовой миграции, проводимая практически всеми странами мира. В результате массовая нелегальная иммиграция, являющаяся следствием глобализации, «выступает иррациональной формой, в которой находит свое проявление идея свободы передвижения, превращаясь тем самым в квазисвободу»³.

Как отмечает К. Кондатьяне, иммиграционная политика серьезно отличается от других сфер осуществления политики: «Иммиграционная политика в структурном отношении характеризуется уровнем неопределенности, существенно превышающим соответствующие уровни в других областях, таких как политика в области рынка труда, политика в области градостроительства, фискальная политика и денежно-кредитная политика. В то время как последние области весьма стабильны, первая

² Малахов В.С. Интеграция мигрантов: Концепции и практики. М.: Фонд «Либеральная Миссия», 2015. С. 52–54.

³ Тюрюканова Е. Женщины и современный миграционный режим // Космополис: Журнал мировой политики. 2003. № 3 (5). С. 82.

очень нестабильна»⁴. Чрезвычайная сложность и нестабильность объясняются тем, что иммиграционная политика является не только результатом конкуренции, переговоров и компромиссов различных групп интересов внутри принимающего государства, но и согласования транснациональных интересов и международных ограничений с системой внутригосударственных интересов. Поэтому миграционная политика – это и «процесс взаимодействия между государствами, при котором происходит передача юрисдикции, так как мигранты, прекращая быть членами одного общества, должны стать членами другого»⁵.

В результате понятие «миграционная политика» включает в себя регулирование как внешних (эмиграция и иммиграция), так и внутренних передвижений населения. Миграционная политика предполагает не только нормативно-правовое и институциональное регулирование миграций (касающееся вопросов предоставления тем или иным лицам права на постоянное или временное место жительства, контроля над нелегальной иммиграцией, социального обеспечения легальных иммигрантов; политики натурализации, связанной с условиями и процедурой предоставления гражданства легальным мигрантам), но и комплекс инструментов и мер, нацеленных на адаптацию и социокультурную интеграцию, включение мигрантов (в первую очередь – с иными этническими, расовыми, религиозными «корнями») в новое сообщество⁶.

Адаптация и интеграция – это длительный социальный процесс, оказывающий влияние на принимающее общество, требующий реализации определенного комплекса мер, направленных на включение мигрантов в социальное и культурное пространство и на изменение социально-психологических установок иностранных граждан, их отношения к новому для них обществу, на понимание собственной роли во взаимодействии с ним.

В связи с этим можно выделить четыре основных направления или этапа политики интеграции мигрантов.

1. Инструментальная интеграция (знание языка страны пребывания, социальной инфраструктуры, имеющихся предло-

⁴ Кондательоне К. Миграционная политика, как планирование наугад // Иммиграционная политика западных стран: альтернативы для России. М., 2002.

⁵ Zolberg A.R. The next waves: migration theory for a changing world // IMR. № 23 (3). P. 405.

⁶ См.: Сергеева З.Х. Феномен миграции в российских СМИ и оценках экспертов // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2008. Т. 4. № 3. С. 186.

жений для мигрантов в сфере услуг, здравоохранение, образование для детей).

2. Экономическая интеграция, осуществляемая через доступ к рынку труда, системе повышения квалификации или переквалификации и профессиональному образованию в целом.

3. Культурная интеграция – приобщение и восприятие мигрантами базовых элементов культуры принимающего общества (идей, ценностей, норм поведения, его институтов и истории).

Социальная интеграция (разрушение барьеров между группами мигрантов и социальными группами принимающего общества, налаживание контактов между представителями различных социальных групп, изменение идентичности иммигрантов).

Как отмечает известный российский социолог и демограф А.Г. Вишневский: «Смена идентичности никогда не бывает простой и быстрой, это всегда – мучительный и не всегда успешный процесс преодоления разного рода препятствий. Объект политики (интеграции. – В. А.) – именно эти препятствия, она может воздействовать как в сторону их увеличения, так и в сторону уменьшения, и понятно, что направленность политики зависит от ее целей. ... В той мере, в какой государство признает иммиграцию желательной или неизбежной, оно должно направить свои усилия на устранение препятствий для интеграции иммигрантов, в том числе и путем облегчения для них добровольной смены культурной идентичности. А это, в свою очередь, предполагает доброжелательное, терпимое отношение к иммигрантам в пределах общей границы толерантности, исключающей недопустимые, по законам страны, формы и нормы социального поведения»⁷.

По справедливому замечанию другого современного отечественного автора, «этнические миграции, появившись в человеческой истории, создали новую ситуацию, которая в психологическом плане требует от человека (и человечества в целом) трудной работы понимания и принятия как иного взгляда на мир, запечатленного в других этнических культурах, так и понимания этнических основ собственного существования»⁸. Иммигранты по определению люди, которые попадают в ситуацию маргинализации в силу утраты ими привычного окружения и «территориальных корней». Психологами давно установлено,

⁷ Вишневский А.Г. Миграционная стратегия России и политика толерантности // Национальный психологический журнал. 2011. № 2 (6). С. 96.

⁸ Лебедева Н.М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию. М., 1999. С. 192.

что привязанность к определенному «месту» оказывает благотворное влияние на соматическое и психическое здоровье человека, его этические установки, чувство хозяина и т. д. Все это автоматически подвергается разрушению в условиях миграции. Кроме того, добровольная или вынужденная миграция влечет за собой временное либо постоянное «поражение» во многих основополагающих правах. В процессе адаптации мигрантам необходимо в большей или меньшей степени интегрироваться в культуру принимающего общества: достичь достаточного уровня «культурной компетентности», включиться в жизнь нового общества, трансформировать социальную идентичность, преодолев состояние «культурного шока», серьезно изменить образ жизни и мышления.

С другой стороны, «мигрируют только те, кто, как правило, внутренне готов вживаться в новую среду. Этим определяется хорошо известный селективный характер миграции, в ней участвуют наиболее энергичные, предприимчивые и готовые к переменам жители мест выхода»⁹.

По мнению специалистов (в частности, американского социального психолога С. Бочнера), все возможные последствия межкультурных контактов, в том числе стратегий адаптации иммигрантов и иммигрантских общин, можно поместить в континууме геноцид–ассимиляция.

Геноцид – это экстремальная форма взаимодействия с «другими», результатом которого является намеренное уничтожение членов другой группы.

Сегрегация – раздельное существование и развитие культурных групп. Под сегрегацией сегодня понимается прагматическая (реактивная) адаптация мигрантов, представляющая либо этап, либо результат процесса адаптации, при котором иммигрантская община предпочитает существовать изолированно от принимающей среды, сохраняя свою традиционную культурную/конфессиональную идентичность. Следует при этом оговориться, что сегрегация бывает территориальная и функциональная. Она может быть и результатом политики дискриминации – отделения и изоляции по расовым, этническим или иным признакам.

Интеграция – аккомодация/приспособление собственных культурных ценностей и ценностей и норм принимающего общества. Это процесс, результатом которого является принятие мигрантов принимающим социумом как на индивидуальном, так и на групповом уровне. Это подразумевает, что мигранты, сохраняя

⁹ Вишневский А.Г. Указ. соч. С. 95.

свою культурную идентичность, объединяются с принимающим сообществом на некоем внеэтническом основании. Интеграция не требует отказа от собственной культурной идентичности, а предполагает активное участие иммигрантов в институтах гражданского общества. Степень интегрированности иммигрантов в принимающее общество может быть разной. «Минимальное» определение интеграции «включает в себя знание государственного строя и законов страны, признание верховенства этих законов над нормами национально-культурной среды, откуда прибыл иммигрант, а также способность жить в обществе согласно принятым в нем установлениям»¹⁰. В психологическом плане интеграция – это наиболее позитивный способ межкультурного взаимодействия, в котором члены этнических (культурных) групп полностью справляются с трудностями принятия другого образа жизни, другой «картины мира» и даже находят положительные моменты в такой разности и подобном сосуществовании.

Аккультурация предполагает не только приобщение, восприятие мигрантами базовых элементов культуры принимающего общества (языка социальной коммуникации, идей, ценностей, норм поведения и институтов), но и изменение установок членов принимающего общества в отношении мигрантов, что достигается в ситуации их устойчивых контактов друг с другом. Классическое определение аккультурации было дано культурными антропологами Р. Редфилдом, Р. Линтоном и М. Херсковицем еще в 1936 г. По их мнению, аккультурация – это непосредственный и продолжительный контакт представителей разных культур, последствиями которого являются изменения в моделях оригинальных культур одной или обеих групп¹¹. Таким образом, аккультурация – это процесс двунаправленного изменения и потому не тождественна ассимиляции. Аккультурация не затрагивает представлений о групповой принадлежности или национальной/этнокультурной идентичности, в то время как процессы ассимиляции неизбежно с этим связаны. Если аккультурация заключается в освоении новых культурных моделей, заимствованных в ходе контактов с другим (принимающим) сообществом, то ассимиляция представляет собой процесс уподобления, включения в новую общность, усвоения нового мировоззрения, традиций и эмоциональной привязанности к ней. За аккультурацией может (но отнюдь не

¹⁰ Межуев Б. Политика натурализации в Европейском союзе и США. – Режим доступа: <http://antropok.archipelag.ru/keys4/keys4.htm>

¹¹ Redfield R., Linton R., Herskovits M.J. Memorandum for the study of acculturation // American Anthropologist. 1936. Vol. 38. P. 149.

обязательно) последовать ассимиляция, но этот переход означает изменение самой природы процесса.

Поскольку *ассимиляция* предполагает включение иммигрантов в принимающее общество, но на его условиях, Ю. Бромлей, говоря о процессе этнокультурной ассимиляции, выделял следующие его моменты: культурные изменения (от культурной адаптации до культурной ассимиляции), языковые изменения (от двуязычия к языковой ассимиляции) и, наконец, изменения этнического самосознания (от двойственного этнического самосознания к полному изменению самосознания)¹². Результат ассимиляции – полная утрата мигрантами специфических социальных и культурных черт, обычаев и моделей поведения, приобретенных ими в стране происхождения, и полное принятие ценностей, норм и моделей поведения принимающего социума. Причем ассимиляция может быть как добровольной, так и насильственной¹³.

На основе выделенных категорий социальный психолог С. Бочнер назвал четыре стратегии взаимодействия иммигрантов с принимающим обществом:

- «посредничество» – «посредники» синтезируют особенности двух культур, такая стратегия соответствует процессам интеграции и аккультурации;
- «переход» – «перебежчики» практически переходят в другую культуру, изменяя своей собственной, такая стратегия характерна для ассимиляции;
- «маргинальный синдром» – «маргиналы» остаются на границах двух культур, переживая в результате этого тяжелые психологические конфликты, эта стратегия характерна для процесса сегрегации;
- «шовинизм» – «шовинисты» тотально отрицают чуждую им культуру и образ жизни¹⁴.

В свою очередь, принимая во внимание два основных вопроса, которые неизбежно встают перед культурными группами в плюралистических обществах в процессе аккультурации (под которым понимается процесс двунаправленного изменения, который происходит, когда две группы находятся в устойчивом контакте друг с другом), Джон Берри в своей концепции «аккультурационных

¹² *Bromley Ju.* Towards a Typology of Ethnic Processes // British Journal of Sociology. 1919. № 3. P. 341–348.

¹³ См.: International Migration Law. Glossary on Migration. IOM. Geneva, 2004; и др.

¹⁴ См.: The mediating person: Bridges between cultures. Bochner S. (ed.). Cambridge (Mass), 1981.

ожиданий» выявил четыре способа участия сторон в межкультурных отношениях. Они базируются на различии в ориентациях по отношению к своей группе и другим группам. Это различие выражается в том, чему отдается предпочтение при ответе на следующие вопросы: (1) сохранять ли свое культурное наследие, самобытность и идентичность со своей группой? и/или (2) вступать ли в контакты с другими культурными группами и вместе с ними участвовать в жизни принимающего сообщества? Ответы на эти два вопроса могут быть даны в качестве позитивных или негативных ориентаций, сочетание которых и определяет четыре стратегии, отраженные на известной схеме, предложенной Д. Берри.

Таблица

Межкультурные стратегии этнокультурных групп
и принимающего общества

+ Поиск взаимо- отношений с другими группами —	Сохранение собственной культуры и идентичности со своей группой			
	интеграция	ассими- ляция	мульти- культу- рализм	плавильный котел
	сепарация	марги- нализация	сегрегация	
+ Стратегия недомини- рующих – этнокультурных групп		+ Стратегия доминирую- щей группы (принимаю- щего общества)		исключение

Слева в табл. представлены ориентации с точки зрения недоминирующего культурного меньшинства (иммигрантов) – это ассимиляция, сепарация, интеграция и маргинализация. *Ассимиляция* означает, что мигранты не хотят сохранять свое культурное наследие, идентичность и в то же время стремятся взаимодействовать с другими культурами. В противовес этому стратегия *сепарации* предполагает, что иммигранты делают упор на сохранение своих культурных особенностей и стремятся избежать взаимодействия с другими группами (принимающим обществом). Когда же они одновременно заинтересованы и в сохранении самобытной культуры, и в регулярном взаимодействии с принимающим обществом, можно говорить о стратегии *интеграции*. Дж. Берри утверждает, что интеграция – это страте-

гия или поведенческая траектория, в рамках которой мигранты регулярно взаимодействуют с принимающим обществом, сохраняя при этом свою первоначальную этническую и культурную самобытность. Исследователь подчеркивает, что эффективность данного процесса обусловлена уровнем взаимодействия между мигрантами, населением принимающей страны и государством¹⁵. Таким образом, под интеграцией подразумевается совмещение и центристских, и центробежных установок в поведении актора, т. е. сохранение этнической (культурной) идентичности и стремление стать неотъемлемой частью принимающего общества, что подразумевает определенные действия по приспособлению к новым условиям. Наконец, отсутствие возможности (и/или интереса) поддерживать культурную идентичность и отсутствие желания устанавливать отношения с принимающим обществом (из-за дискриминации или отвержения принимающим обществом) соответствует стратегии *маргинализации*.

Однако следует учесть, что значимую роль в том, каковы будут отношения иммигрантов с принимающим обществом, играет доминирующее большинство. Результаты многочисленных исследований, проведенных в европейских странах¹⁶, демонстрируют тесную взаимозависимость поведения сторон: если иммигранты чувствуют себя отвергаемыми доминирующим большинством, они проявляют взаимность в этом отвержении и в свою очередь тоже начинают избегать контактов за пределами своей группы.

Поэтому в табл. 1 справа представлены стратегии принимающего общества, отражаемые, например, в государственной иммиграционной политике или в общественных отношениях. Так, используемая принимающим обществом стратегия *«правильного котла»* содействует ассимиляции иммигрантов. Стремление доминирующей группы поддерживать разделение этнокультурных групп через стратегию сепарации приводит к *сегрегации* иммигрантов. *Исключение* – это маргинализация иммигрантов, продиктованная принимающим большинством. Наконец, стратегия *мультикультурализма*, т. е. широкая поддержка принимающим обществом культурного многообразия и равноправного участия разных групп в его жизни, соответствует стратегии интеграции. Для того чтобы стратегия интеграции состоялась, представители

¹⁵ Berry J.W. Immigration, Acculturation, and Adaptation // Applied Psychology. 1997. Vol. 46. Number 1. P. 5–34.

¹⁶ Berry J.W. Immigration, settlement and policy: Social and psychological analyses // Social Psychology Dynamics. University of the West Indies Press, 2012.

разных групп должны не просто взаимодействовать с принимающим обществом, но и стремиться стать его частью¹⁷. По своим адаптационным последствиям для представителей группы большинства, так же как и для мигрантов, мультикультурализм (и интеграция) объективно является наиболее успешной стратегией, связанной с позитивными межкультурными установками.

Таким образом, «размывание» границ между принимающим сообществом и иммигрантами, т. е. степень успешности процесса адаптации, во многом зависит, с одной стороны, от степени их социальной компетентности – способности приспособиться к новой социальной и культурной среде, которые складываются из таких составляющих, как знание языка, профессиональная квалификация, образование, наличие опыта жизни в городской среде, психологическая готовность к интеграции и др., а с другой стороны, от условий, существующих в принимающем обществе, которые либо благоприятствуют, либо не благоприятствуют адаптации и готовности либо неготовности принимающего общества. Как отмечает В.И. Мукомель, главными из них являются следующие:

- доступность важнейших составляющих социальной среды (рынка занятости, жилья, образования, социального, культурного обслуживания и т. д.);
- социокультурная дистанция между принимающим и посылающим обществом;
- этнокультурные особенности групповой самоорганизации, производные от специфики социальной организации и традиций посылающего общества;
- различия в установках на адаптацию разных групп мигрантов, определяемое соотношением в миграционном потоке временных трудовых мигрантов и мигрантов, ориентированных на постоянное проживание в данном конкретном месте;
- исторически сложившийся групповой опыт выживания в инокультурной среде, особенно городской;
- развитость и доступность для мигрантов формальных и неформальных сетей взаимодействия¹⁸.

Этот процесс адаптации имеет значительные различия в скорости и характере протекания у разных индивидов и групп –

¹⁷ *Berry J.W. Conceptual approaches to acculturation // Acculturation: theory, method and applications / K. Chun, P. Balls-Organista, G. Marin (eds.). Washington: APA Press, 2003. P. 17–37.*

¹⁸ См.: *Мукомель В.И. Миграционная политика России. Постсоветские контексты. М., 2005.*

от нескольких месяцев до 4–5 и более лет – прежде всего в зависимости от социокультурной дистанции между мигрантами и местным населением, что требует дифференцированного подхода в интеграционной политике к различным группам мигрантов. Процесс адаптации, в представлении Дж.У. Берри, определяется стратегией приспособления мигранта в процессе аккультурации и ее последствиями. Как уже отмечено, в своих работах Берри описывает четырехступенчатую модель аккультурации, где каждая ступень в ней представляет определенную аккультурационную опцию (данная опция означает и стратегию, и последствие одновременно). В качестве таких опций он указывает ассимиляцию, интеграцию, сегрегацию (или сепарацию) и маргинализацию, с помощью которых раскрывает содержание процесса приспособления мигранта в районе прибытия¹⁹.

В качестве основных показателей успешности социокультурной адаптации мигрантов в новой для них социокультурной среде можно выделить следующие: установление позитивных связей с новой средой; успешное решение повседневных житейских проблем (школа, семья, быт, работа); участие в социальной и культурной жизни принимающего общества; удовлетворительное психическое состояние и физическое здоровье; адекватность в общении и межкультурных отношениях, целостность и интегрированность личности.

В то же время интеграция – это «улица с двусторонним движением», это процесс взаимного приспособления и согласования интересов, требующий серьезных усилий и со стороны представителей принимающего общества, поскольку интеграция – это не только гармонизация культурных ценностей мигрантов и ценностей и норм принимающего общества, но и процесс, результатом которого является принятие мигрантов принимающим социумом как на индивидуальном, так и на групповом уровне.

Как отмечено в «Справочнике по терминологии в области миграций»: «Ответственность за интеграцию лежит не только на одной группе, а скорее на нескольких сторонах: самих иммигрантах, правительстве, организациях и населении принимающей страны»²⁰.

Исследования американских и британских социальных антропологов К. Адлера, К. Оберга, А. Фэрнхема, С. Бочнера, И. Бабикера, Ф. Бока и др. показали, что в результате испытанного

¹⁹ Берри Дж.У. Аккультурация и психологическая адаптация: обзор проблемы // Развитие личности. 2001. № 3–4. С. 183–193.

²⁰ Справочник по терминологии в области миграций (русско-английский). М., 2011. С. 48.

иммигрантами «культурного шока», который Ф. Бок определил как эмоциональную реакцию, возникающую как следствие неспособности понять, проконтролировать и предсказать поведение других, может закрепляться культурная дистанция между ними и «хозяевами»²¹. Ее величина как раз и зависит от степени реальных различий между культурами стран «выхода» и «входа».

Другие авторы связывали «культурный шок» с неопределенностью/непониманием норм принимающего общества и, следовательно, с трудностями контроля над ситуацией и ее прогнозированием. «Культурный шок» и большая культурная дистанция могут оказывать заметное негативное воздействие на психофизиологическое состояние иммигрантов, вызывая постоянную тревожность, замешательство, приступы апатии или, напротив, немотивированной агрессии, продолжающиеся до тех пор, пока не сформируются новые когнитивные конструкты для понимания норм другой культуры и выработки соответствующих моделей поведения.

К. Оберг выделил шесть основных психологических признаков «культурного шока»:

- 1) напряжение, сопровождающее усилия, необходимые для психологической адаптации;
- 2) чувство потери или лишения (статуса, друзей, родины, профессии, имущества);
- 3) сбой в ролевой структуре (ролях, ожиданиях), путаница в самоидентификации, ценностях, чувствах;
- 4) чувство тревоги, основанное на различных эмоциях (удивление, отвращение, возмущение, негодование), возникающих в результате осознания культурных различий;
- 5) чувство неполноценности вследствие неспособности справиться с новой ситуацией²².

При этом, по данным российского исследования под руководством Л.М. Дробижевой, «наиболее значимо связаны с состоянием повышенной тревожности различия в пище, религии, уровне образования, обычаях ухода за собой и проведения досуга»²³.

Тем не менее известно, что не все иммигранты переживают депрессию и чувство тревоги, некоторые из них без серьезных

²¹ См.: «Culture shock». In Philip Bock (ed.). N.Y., 1970.

²² Oberg K. Cultural shock: Adjustment to new cultural environments // Practical Anthropology. 1960. Vol. 7. P. 177–182.

²³ См.: Социальная и культурная дистанция. Опыт многонациональной России / Под ред. Л.М. Дробижевой. М., 1998. С. 25–28.

стрессов приобретают новый опыт и успешно адаптируются к условиям другой культуры. Так, П. Адлер установил, что хотя культурный шок часто ассоциируется с негативными последствиями, он в определенных дозах может оказать позитивное влияние на личностный рост. Результатом может стать приобретение новых ценностей, установок и паттернов поведения. В столкновении с другой культурой индивид получает новое знание опытным путем, начиная понимать источники своего собственного этноцентризма, и в результате приобретает новые взгляды на природу человеческого многообразия²⁴.

Как уже отмечено, адаптация и тем более культурная ассимиляция иммигрантов – это двусторонний процесс, поскольку требует встречных усилий членов принимающего социума. Разрабатывая в 1960-е годы понятие ассимиляции на американском материале, Милтон Гордон среди других условий, необходимых для полной ассимиляции иммигрантов, называет «отсутствие предрассудков; отсутствие дискриминации; отсутствие конфликта по вопросам ценностей и власти», акцентируя, таким образом, готовность ассимилирующего сообщества принять новых, ассимилированных членов²⁵. По мнению Дж. Берри, постоянные межкультурные контакты способствуют взаимному принятию, но при соблюдении определенных условий, и прежде всего – равноправия²⁶. В свою очередь, толерантное поведение нуждается в межличностном доверии; доверие предполагает предсказуемость поведения, а предсказуемость требует урегулированных и институционализированных форм взаимодействия, т. е. институализации доверия.

Все люди неизбежно воспринимают и оценивают чужие обычаи, традиции, модели поведения прежде всего сквозь призму собственных обычаев, тех традиций, в которых они воспитаны, что и называют этноцентризмом. Однако «проблема возникает лишь тогда, когда эти действительные или воображаемые различия возводятся в главное качество и превращаются во враждебную психологическую установку по отношению к какой-то этнической группе, установку, которая разобщает народы и психологически, а затем и теоретически, обосновывает политику дискримина-

²⁴ См.: *Adler P.S.* The transitional experience: an alternative view of culture shock // *Journal of Humanistic Psychology*. 1975. Vol. 15. P. 13–23.

²⁵ *Gordon M.M.* Assimilation in American life: The role of race, religion, and national origin. N.Y., 1964. P. 71.

²⁶ См.: *Берри Дж.У.* Аккультурация и психологическая адаптация: обзор проблемы // *Развитие личности*. 2001. № 3–4. С. 183–193.

ции. Это и есть этническое предубеждение»²⁷. В формировании этнического предубеждения значительную роль играет среда, в которой человек проходит социализацию. Однако актуализация предубеждений – это, как правило, «заслуга» этнических предпринимателей, использующих их как политический ресурс в борьбе за власть и политическое влияние.

Как отмечено, значительную роль в смягчении и преодолении враждебных психологических установок могут сыграть постоянные неформальные личные контакты между представителями разных этнических групп. Однако так бывает далеко не всегда. Известный американский психолог Гордон Оллпорт, обобщая большой материал наблюдений и специальных экспериментов, утверждает, что межгрупповой контакт способствует ослаблению предубеждения, если обе группы обладают равным статусом, стремятся к общим целям, положительно сотрудничают и взаимозависят друг от друга и если, наконец, их взаимодействие пользуется активной поддержкой властей, законов или обычая. Если таких условий нет, контакты не дают положительных результатов, а то даже и усиливают старые предрассудки²⁸.

В свою очередь, Берри утверждает, что напряжение аккультурации сформировано двумя противостоящими процессами. С одной стороны, это предпочтение поддерживаемой культуры (т. е. желание сохранить неизменными основные элементы исходной культуры), с другой – стремление к контактам (т. е. желание взаимодействовать с членами других групп). В этом контексте обе стороны формируют определенные ожидания по отношению к представителям аутгрупп. При этом Берри считает, что в качестве одного из ключевых факторов успешной адаптации мигрантов выступают «аккультурационные ожидания» принимающего большинства, т. е. их представления о том, каким образом меньшинство должно приспособиться к их жизненному укладу, ценностям и традициям²⁹.

В отличие от стран, созданных переселенцами, большинство стран Европы, в том числе и Россия, имеют давнюю историю

²⁷ Кон И. Психология предрассудка (О социально-психологических корнях этнических предубеждений) // Психология национальной нетерпимости: Хрестоматия / Сост. Ю.В. Чернявская. Минск, 1998. С. 10–11.

²⁸ См.: Allport G.W. The nature of prejudice. Reading, MA: Addison-Wesley, 1954.

²⁹ Berry J.W. Immigration, acculturation, and adaptation // Applied Psychology: An International Review, 1997. Vol. 46. P. 5–68 [Электронный ресурс]. URL: <http://dx.doi.org/10.1080/026999497378467>

и сложившуюся группу этнического большинства, поэтому процесс вхождения иммигрантов в принимающее общество здесь затруднен и вызывает серьезное недовольство групп населения, которые рассматривают себя как исконных жителей этих земель. К числу основных препятствий на пути позитивного взаимодействия разных этнокультурных групп относят так называемую воспринимаемую угрозу. Согласно еще одной гипотезе Дж. Берри, чувство безопасности является важнейшей предпосылкой для принятия представителей других культур. И напротив, индивиды, испытывающие чувство беспокойства, незащищенности и угрозы, будут отвергать других. Эта гипотеза нашла эмпирическое подтверждение, исследования выявили, что мигранты, выбравшие стратегию ассимиляции или интеграции, подвергаются дискриминации значительно реже, чем выбравшие стратегии сепарации и маргинализации, что может быть истолковано как восприятие этих стратегий как менее угрожающих членами принимающего общества³⁰. При этом Берри выделяет три вида воспринимаемых угроз: физическая (угроза жизни и здоровью), экономическая (конкуренция за рабочие места) и культурная (угроза культуре и языку принимающего общества)³¹. Значимость этих угроз в России подтверждается данными опросов Левада-центра, согласно которым 30–40% опрошенных отмечают негативные экономические последствия массовой миграции, до трети населения обращают внимание на культурную чуждость мигрантов, а 60% опрошенных уверены, что мигранты повышают опасность терроризма³².

В условиях быстрых изменений локальных условий жизни (на уровне города, микрорайона, улицы) у горожан теряется ощущение привычности, комфортности среды обитания. Эти изменения имеют, как минимум, две составляющие: трансформация городской среды в ее материальной форме и появление множества новых, непривычных взгляду людей – «видимых» мигрантов. В такой ситуации большое значение приобретает переживание членами принимающего общества тревоги и угрозы вследствие негативных ожиданий по отношению к результатам взаимодействий с мигрантами. Развивая идеи Берри, американцы У. Стефан и К. Стефан, предложили теорию «интегральной

³⁰ *Berry J.W., Phinney J.S., Sam D.L., Vedder P.E. Immigrant Youth: Acculturation, Identity, and Adaptation // Applied Psychology. 2006. Vol. 55. P. 303–332.*

³¹ *Ibid.*

³² Левада-центр. Всероссийский опрос для Ла Страда Украина, 2007, N=2011 // Пресс-выпуск ВЦИОМ. № 978. М., 2008.

воспринимаемой угрозы». Согласно этой теории, представители групп могут испытывать четыре типа угроз, *которые могут* играть важную роль в формировании негативных стереотипов и предрасудков по отношению к членам контактной группы (аутгруппы). В их число входят: реальная угроза, символическая угроза, межгрупповая тревожность и страх негативных стереотипов со стороны членов другой группы. Восприятие угроз может базироваться как на личном опыте взаимодействия с членами аутгруппы, так и на имеющихся предрассудках относительно них. Актуализация переживания таких угроз связывается исследователями с восприятием людьми действий членов аутгрупп, их убеждений и характеристик как вызывающих реальную или мнимую угрозу для достижения их целей и/или сохранения психологического комфорта и равновесия³³.

Очень часто ответной реакцией групп мигрантов является добровольное обособление (территориальная сегрегация), «капсулирование», которое воспринимается как самая простая или вынужденная стратегия адаптации к принимающему обществу, которая обусловлена низким уровнем готовности общины к интеграции с местным сообществом и/или отсутствием благоприятных условий для интеграции в принимающем социуме. Особенно сильным и негативно окрашенным противопоставление «пришельцев» «коренным» бывает тогда, когда иммигранты, действительно резко выделяются своим внешним обликом и нормами поведения, отвергают модель адаптации, предполагающую ассимиляцию, быстрое растворение в принимающей среде.

В то же время исследователи пришли к парадоксальному выводу о том, что «устойчивый темп миграции будет тем выше, чем больше культурная дистанция между страной-источником и принимающей страной»³⁴. Отсюда чрезвычайно усиливающаяся зависимость новых переселенцев от сформировавшихся в больших городах землячеств, этнических общин/диаспор, а также этнических криминальных структур, которые помогают им с переездом, обустройством, поисками работы и, конечно же, не бескорыстно. «...Современные крупные города сегодня перестали быть индустриальными “плавильными тиглями”, какими они были в XIX и в большей части XX века, — отмечает известный российский историк Алексей Миллер. В том городе новоприбывший по найму

³³ *Stephan W.G., Stephan C.W.* An integrated Threat Theory of Prejudice // Reducing prejudice and discrimination / Ed. by. S. Oscanp: Lawrence Erlbaum associates, Mahwah, New Jersey, 2000. P. 23–44.

³⁴ *Коллиер П.* Как миграция изменяет наш мир. М., 2016. С. 126.

или “лимиту” шел работать на крупное предприятие, вписывался в коллектив и т. д. В современном городе он ищет поддержки у существующей уже здесь общины земляков и работу надеется найти у них, а не на заводе “Сименс” либо “Москвич”...»³⁵. Посредством таких “этнических сетей”, основанных, как правило, на общей этнокультурной принадлежности, сокращаются транзакционные издержки, связанные с недоверием, и облегчаются условия миграции, излишним становится использование посредников, выступающих помощниками в поисках работы, гарантов при организации бизнеса, и происходит оформление этноэкономических ниш, т. е. концентрация представителей одной этнической группы в определенных сферах экономической деятельности³⁶, т. е. имеет место не только территориальная, но и функциональная сегрегация иммиграционных сообществ.

Как пишет известный российский социолог и демограф А.Г. Вишневский³⁷, конкретизируя условия полноценной интеграции иммигрантов, она может быть достигнута:

- во-первых, когда граница толерантности более или менее определена. Так, российское и европейские общества оставляют за границей допустимого многоженство, женское обрезание, браки, навязываемые родителями, «убийства чести», деление людей на касты и др.;
- во-вторых, с одной стороны, достигнут консенсус по поводу того, что остается по ту сторону границы и не допускает толерантного отношения ни местного населения, ни мигрантов, а с другой – определена область свободы индивидуального выбора, который требует толерантности, уважительного отношения со стороны всех. Интеграционная политика должна обеспечивать движение к этому консенсусу и способствовать сближению позиций сторон по вопросам допустимого и недопустимого. Пути и формы этого движения, его скорость, результаты в разных странах неизбежно будут разными, потому что неодинаковы исторический опыт, культура, отправные точки движения, состав участников такого взаимодействия. Поэтому нет некоего одного рецепта интеграции,

³⁵ *Миллер А.* Нация как рамка политической жизни // Pro et Contra: Журнал российской внутренней и внешней политики. 2007. Т. 11. № 3 (37). С. 18 (примеч.).

³⁶ См.: *Light I., Karageorgis S.* The Ethnic Economy // The Handbook of Economic Sociology / Ed. by N. Smelser, R. Swedberg. Princeton, 1994.

³⁷ См.: *Вишневский А.Г.* Миграционная стратегия России... С. 93.

поэтому разные страны вынуждены вырабатывать и опробовать разные модели интеграционной политики, зачастую используя не самый оптимальный метод «проб и ошибок».

В то же время очевидно, что ни одно государство мира не может сразу предоставить иммигрантам равные права и возможности получения гражданства. В свою очередь, статус иммигранта в странах Запада, как считает американский политический философ М. Уолцер, не создает достаточных стимулов к принятию требований принимающего общества. Поскольку развитая система социального обеспечения замедляет процесс интеграции по причине уменьшения мотивации мигрантов к поиску работы и получению большего заработка, мигранты не видят в этом необходимости и часто воспроизводят модель поведения «в гостях», т. е. стремятся жить за счет принимающей стороны и не терять связей со своей родиной. А жизнь, тесно связанная с иммигрантской общиной, или жизнь в этническом гетто, где можно общаться исключительно на родном языке, видится самым простым и легким способом достижения этого³⁸. Правда, такая модель поведения не типична для России.

Сегодня многие государства обращаются к селективной политике отбора мигрантов по квалификационным характеристикам. Это поднимает вопросы справедливости и имеющихся прав в случае воссоединения семей, помощи беженцам и лицам без гражданства. Совершенно очевидно, что право на миграцию (существующее сейчас в усеченном виде) сегментируется и будет доступно разным категориям потенциальных мигрантов в разной степени. Может получиться так, что вместо разумных ограничений на миграцию возникнет сложная и несправедливая система отбора мигрантов.

Тем не менее известный британский исследователь Пол Колиер утверждает неизбежность дальнейшего ускорения миграции: «...Мы имеем ряд хорошо обоснованных фактов, из которых вытекают важные последствия. Первый из этих фактов – наличие абсурдно широкого разрыва в доходах между бедными и богатыми странами, который при нынешних процессах глобального экономического роста останется широким еще несколько десятилетий. Второй факт – миграция не способна существенно сократить этот разрыв из-за того, что механизмы обратной связи слишком слабы. Третий факт – по мере продолжения миграции

³⁸ См.: *Walzer M. Spheres of justice: a deference of pluralism and equality.* Oxford, 1983.

в течение нескольких десятилетий продолжится рост диаспор. Таким образом, разрыв в доходах сохранится, а условия миграции будут облегчаться. Из этого вытекает, что миграцию из бедных стран в богатые ожидает ускорение. На протяжении предсказуемого будущего международная миграция не достигнет равновесия: на наших глазах складывается неравновесное состояние колоссальных масштабов»³⁹.

Именно с этими фактами и последствиями столкнулись сегодня страны Запада, принимающие уже в течение более 60 лет значительные потоки «видимых» иммигрантов из стран Азии, Африки и Латинской Америки.

Несколько позже, после распада СССР, эти проблемы и следствия стали не менее актуальными и для России, особенно для крупнейших российских городов.

Миграционный прирост в Россию за период 1992–2018 гг. превысил 19,2 млн человек (без учета численности населения за счет присоединения Республики Крым и г. Севастополя), что позволило компенсировать естественную убыль населения на 68%.

После иммиграционного спада 2014–2015 гг. данные за 2016–2018 гг. демонстрируют тенденцию к возрастанию численности мигрантов в РФ – если в 2017 г. МВД поставлено на миграционный учет около 14,5 млн иммигрантов, то в 2019 г. – уже 16,5 млн человек. По количеству мигрантов лидирующие позиции занимают приезжие из Узбекистана, на втором месте Таджикистан, а третье место в иммиграционных потоках занимает Украина, обгоняя с 2013 г. по этому показателю Кыргызстан. При этом следует отметить, что поток таджикских мигрантов заметно сократился, несмотря даже на разрешение российских властей на пересечение границы РФ ранее «невъездным гражданам»⁴⁰. Амнистия, проведенная в 2018 г. по отношению к мигрантам из еще двух стран – Молдовы и Кыргызстана по ряду статей административных правонарушений, также не дала ожидаемого эффекта по увеличению численности прибывающих в РФ.

Не менее важной проблемой для России является массовая эмиграция: в период с 2000 по 2016 г. Россию покинули 2,1 млн человек, большинство из них – высококвалифицированные специалисты. Отвечая на вопрос исследователей РАНХиГС о причинах эмиграции, около четверти опрошенных признались, что они покинули Россию по политическим мотивам, причем многие из эмигрантов приняли решение об отъезде

³⁹ Коллиер П. Как миграция изменяет наш мир... С. 73.

⁴⁰ <https://migrantvisa.ru/russia/migraciya/statistika/#i-4>

после массовых протестов 2011–2012 гг., которые не привели ни к каким изменениям к лучшему и обернулись ухудшением отношений с Западом. Другой важной причиной эмиграции было ухудшение экономической ситуации: сокращение возможностей трудоустройства для лиц с высшим образованием, снижение реальной заработной платы, отсутствие перспектив карьерного роста⁴¹.

Хотя в 2019 г. количество иммигрантов, прибывших в страну, превысило число эмигрантов, многие аналитики прогнозируют увеличение оттока российских граждан за рубеж в связи с ухудшающимися экономическими условиями.

Согласно результатам опросов Института Гэллапа, в 2019 г. 20% россиян выразили желание эмигрировать из страны, что составило значительный рост по сравнению, например, с 2014 г., когда за эмиграцию высказывались только 7% граждан РФ⁴².

Снижение численности населения влечет за собой увеличение числа угроз национальной безопасности страны: угрозы в экономической сфере связаны с увеличивающимся числом эмигрантов, большинство из которых составляют молодые, высококвалифицированные специалисты, особенно в военно-технической области. По данным Росстата на 2017 г., 22% эмигрантов из России имели степень магистра или выше по сравнению с 5% в 2012 г. Это неизбежно скажется на уменьшении налоговых поступлений и поставит под угрозу пенсионную систему. Кроме того, можно констатировать качественный разрыв между иммигрантами и эмигрантами из России с точки зрения человеческого капитала, так как порядка 80% прибывающих в страну работников являются неквалифицированными или имеющими низкую квалификацию, в то время как из России уезжают граждане, имеющие среднюю и высокую квалификацию. Эти данные говорят о серьезном неблагополучии ситуации в России. Как отмечает Альберт Хиршман, «эмиграция – это первичная форма побега (выхода из системы)», которую избирают в тех случаях, когда публичный протест либо невозможен, либо ни к чему не ведет»⁴³. Российские граждане, разочарованные медлительностью или направленностью изменений в своей стране (только

⁴¹ Russia's Brain Drain on the Rise Over Economic Woes // Moscow Times. 2018. 24 January [Электронный ресурс]. URL: <https://www.themoscowtimes.com/news/ussias-brain-drain-on-the-rise-over-economic-woes-report-60263>

⁴² <https://news.gallup.com/poll/248249/record-russians-say-leave-russia.aspx>

4% опрошенных поддерживают неизменность экономического курса власти) или озабоченные своим будущим и будущим своих детей (по данным ВЦИОМ, более 40% опрошенных считают, что главные трудности еще впереди)⁴⁴, явно не желают ждать, пока ситуация нормализуется, или не верят в ее нормализацию. Поэтому они даже не пытаются «протестовать», предпочитая «побег», т. е. эмиграцию.

В результате происходит деградация российской науки, системы образования и медицины, а в российских компаниях уже сегодня ощущается кадровый голод и все труднее найти людей нужной квалификации. Это приводит к неестественной гонке зарплат, «перекупке» компаниями одних и тех же специалистов друг у друга и, в конечном счете, бьет по конкурентоспособности самих российских компаний.

Демографический спад изменит также и этнический состав населения, так как миграция из стран Кавказа и Центральной Азии с более высокой рождаемостью, вероятнее всего, возрастет, с тем чтобы компенсировать убыль населения. Это, в свою очередь, может привести к увеличению межэтнической напряженности и внутривнутриполитической дестабилизации, что демонстрируют протесты против миграции в Москве и других городах России, например в Якутске. Несмотря на это, дальнейшее привлечение мигрантов является необходимым условием развития страны и с экономической, и с геополитической точки зрения, так как ослабление позиций в экономике из-за уменьшения работоспособного населения неминуемо приведет к ослаблению влияния России на глобальном уровне при конкуренции с такими демографически устойчивыми государствами, как Китай и США, и даже на региональном уровне – с Турцией и Ираном.

Однако, несмотря на очевидную для специалистов необходимость увеличения миграционных потоков, на уровне общественного мнения в России, отношение к миграции остается более чем настороженным. По данным ВЦИОМ, россияне в конце 2018 г. в целом стали относиться к иммиграции терпимее, однако по-прежнему считают ее скорее негативным явлением, влияющим в первую очередь на рост преступности (51% считают, что иммигранты способствуют криминализации общества⁴⁵). В сознании россиянина образ «трудового мигранта» зачастую связывается

⁴³ См.: *Хиришман А.О.* Выход, голос и верность. М., 2009.

⁴⁴ См.: *Костилов В.* Как поймать перо жар-птицы? // Аргументы и факты. 2017. 8–14 нояб. № 45. С. 5.

⁴⁵ https://wciom.ru/news/press_releases/

с какой-либо противоправной деятельностью. Заметно преувеличены страхи общества и в отношении масштабов этнической преступности, в большой степени разжигаемые ангажированными СМИ. При этом «анализ количества преступлений, совершенных в РФ иностранными гражданами в период с 2010 по 2016 г., показывает, что удельный вес таких преступлений в общей массе, как правило, не превышает 2%. Максимальные показатели были зафиксированы в 2013 г. и составили 2,12%. При этом удельный вес преступлений, совершенных гражданами СНГ, еще меньше, и максимальные показатели также были установлены в 2013 г. – 1,82%»⁴⁶. Следует также учитывать, что наиболее часто совершаемые преступления включают в себя контрабанду, незаконное пересечение границы РФ, уклонение от уплаты налогов и т. д. Неудивительно, что самый высокий уровень этнической преступности фиксируется в Москве, Московской области и Санкт-Петербурге, где находятся самые большие иммигрантские сообщества.

Следующим следствием увеличивающихся миграционных потоков, которое вызывает негативное отношение жителей России к мигрантам, считается рост конкуренции на рынке труда, отмечающийся 49% респондентов. При этом 48% россиян полагают, что приезжие компенсируют недостаток рабочей силы в низкооплачиваемых и не требующих квалификации областях. Однако влияние миграционных потоков на экономику также чаще оценивается негативно (43%). Одновременно половина россиян (50%) поддерживает идею привлечения в страну русских и русскоязычных иммигрантов при ограничении въезда представителей иных национальностей, а также выступают за поддержку въезда молодых и образованных граждан и ограничение притока нетрудоспособных и малообразованных иммигрантов (50%).

Если рассматривать присутствие мигрантов в различных социальных областях, оно оценивается в негативном ключе. Наиболее критично настроены респонденты к занятости приезжих в органах местной власти и самоуправления (74% против), правоохранительных органах (69%), образовании (58%), общественном транспорте (58%), медицине (51%), при этом за последние пять лет негативное отношение отчасти снизилось. Более лояльны респонденты к тому, чтобы иммигранты были заняты в сфере услуг (64%), коммунальном хозяйстве (62%), строительстве (49%).

⁴⁶ Анкоси М.М. К вопросу о структуре, динамике и тенденциях этнической преступности в Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД. 2019. № 2. С. 127.

Наиболее предпочтительными для въезда в страну жители России считают представителей Республики Беларусь (25%), Украины (21%), Германии (16%) и Казахстана (15%). Наиболее критично относятся к выходцам из таких стран, как Таджикистан (15%), Узбекистан (14%), Украина (13%), которая парадоксально присутствует в обоих рейтингах, США (11%) и Китай (9%)⁴⁷.

Мигранты по определению являются социально исключенной группой по отношению к членам принимающего общества. У них отсутствует или серьезно ограничен доступ к правам, ресурсам и благам, гарантированным для граждан России. Поэтому в процессе интеграции мигранту необходимо получить определенный правовой и социальный статус (оформить документы, дающие право на пребывание на территории РФ); найти свою экономическую нишу (трудоустроиться); обеспечить базовые социальные, экономические и культурные потребности (жилье, пища, постоянный доход, образование для детей, контакты с окружающими).

Эффективность и направленность процесса социальной адаптации и интеграции мигранта зависит:

- во-первых, от социальных институтов принимающего общества, на помощь которых он может рассчитывать;
- во-вторых, от психологической атмосферы в принимающем обществе и характера установок населения в отношении мигрантов;
- в-третьих, от мотивации мигранта и предпочтительной для него идентичности.

Рассмотрим подробнее эти три фактора в приложении к российским мегаполисам – Москве и Санкт-Петербургу.

⁴⁷ https://wciom.ru/news/press_releases/

Глава 1

Межэтническая ситуация в г. Москве и Санкт-Петербурге

На рубеже тысячелетий, в контексте воздействия мощных глобальных сил, перемещающих поверх национальных границ финансы, технологии, капитал и трудовые ресурсы в постоянно растущих масштабах, именно крупные города становятся главной ареной радикальных экономических и социальных изменений. Именно сюда направляются потоки новых транснациональных мигрантов, именно в них будет жить все большая часть населения планеты, именно в таких городах возникают и со всей остротой проявляются многие проблемы и противоречия современности. Крупные города представляют собой место, где большое число людей живет в тесном контакте друг с другом и в тесной взаимосвязи между собой и где возникает большинство социальных проблем и конфликтов. В течение всей истории человечества городское население, имевшее самое разное происхождение, училось жить вместе или, во всяком случае, сосуществовать в рамках общей экономической и политической институциональной системы. Это удавалось различным социокультурным группам с разной степенью успеха. Пространственная концентрация была источником как социальных стрессов, так и социальных инноваций, т. е. одновременно и силой, и слабостью большого города. В то же время всегда имеющиеся в городах потенциальные возможности повышения социального статуса продолжают притягивать массы людей, но это часто становится причиной разрастания числа уязвимых групп населения и накопления потенциала социального недовольства и протеста. Однако в России – стране впечатляющих размеров и разнообразия этнокультурных, конфессиональных и социально-экономических ландшафтов, важной научной задачей является выявление региональных особенностей реализации миграционной политики. Особенно важным является выяснение ситуации в двух российских мегаполисах – Москве и Санкт-Петербурге, являющихся главными центрами притяжения трудовой миграции.

Сегодня в России выделяют следующие ключевые категории трудящихся-мигрантов:

- трудовая миграция из государств Евразийского экономического союза (без разрешений на работу);
- трудовая миграция из государств–участников СНГ (патенты);
- трудовая миграция из третьих стран (разрешения на работу);
- высококвалифицированные специалисты (разрешения на работу);
- квалифицированные специалисты (разрешения на работу).

Для каждой из приведенных категорий характерен особый порядок привлечения иностранного работника к временной трудовой деятельности, который в целом регламентирован положениями Федерального закона РФ от 25 июня 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»¹.

По данным Министерства внутренних дел РФ от 16 августа 2019 г., в период с января по июль на миграционный учет в России было поставлено около 11 млн иностранных граждан и лиц без гражданства². Согласно статистическим данным, наибольшая часть трудоустроенных мигрантов (43%) проживает в Центральном федеральном округе, более 30% таких иммигрантов – в Москве³. Наиболее привлекательные для иммигрантов регионы – Москва, Санкт-Петербург, Московская область, Ленинградская область, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, Краснодарский край.

Правда, приток мигрантов, остающихся в России надолго, в 2018 г. оказался минимальным за всю постсоветскую историю, отмечают эксперты Института социального анализа и прогнозирования РАНХиГС⁴. Кроме того, реорганизация ФМС России и передача ее функций в МВД России (в 2015 г.) ограничила воз-

¹ [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37868/ (дата обращения 19.11.2019).

² Основные показатели по миграционной ситуации в Российской Федерации за январь–июль 2019 года // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. 16.08.2019. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item/18064421> (дата обращения 26.09.2019).

³ Межкультурные отношения на постсоветском пространстве / Под ред. Н.М. Лебедевой. М.: Менеджер, 2017. С. 61.

⁴ См.: Ломская Т. Страна становится менее привлекательной для жителей СНГ // Ведомости. 2019. 8 апр.

возможности доступа исследователей и к той скудной информации, которая была доступна ранее⁵.

Москва является наиболее густонаселенным городом Российской Федерации, занимая шестое место в мировом рейтинге по этому показателю. Население города на 1 января 2019 г. составляет 12 615 279 человек⁶. Эта цифра отражает численность постоянно проживающих в столице горожан и имеющих постоянную регистрацию; дополнительно, по различным оценкам, 1,8 млн человек в Москве находятся на временной основе. Количество нелегально пребывающих в городе достаточно приблизительно оценивается в 1–1,5 млн человек в силу отсутствия возможности получения точных данных.

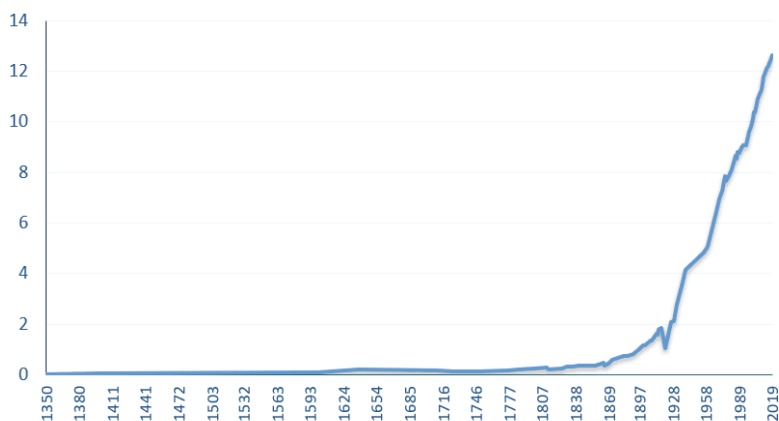

Рис. 1. Численность населения Москвы, млн чел.

Заметный вклад в постоянный рост населения Москвы с начала XX в. вносил активный приток переселенцев из других регионов страны и стран ближнего зарубежья (в постсоветскую эпоху). Существенное снижение населения Москвы наблюдалось только в начале 1920-х гг., в результате массовой мобилизации, эпидемии, голода и, очевидно, смены власти. Далее, как показано на рис. 1, население города постоянно увеличивалось (за исключением еще одного кратковременного спада в начале 1990-х гг., когда происходил

⁵ Мукомель В.И. Мигранты на российском рынке труда: занятость, мобильность, интенсивность и оплата труда // Statistics and Economics. 2017. Vol. 14. № 6.

⁶ <https://moscow.gks.ru/folder/34396>

отток собственно московского населения наряду с прекращением миграции из-за либерализации цен, превратившей Москву в один из самых дорогих городов мира). Начиная с 1932 г. центральные власти ограничили поток миграции в Москву путем введения обязательной регистрации по месту жительства (прописки), однако существовали способы обойти эти барьеры, например посредством заключения браков с москвичами или обмена жилплощади (комнат в коммунальных квартирах на отдельные квартиры в других городах Советского Союза). Другой возможностью была квота, предоставляемая московским предприятиям для привлечения работников из других частей страны, в результате возникла новая категория московских жителей, так называемых лимитчиков. К 1970-м гг. две пятых населения столицы составляли лимитчики, однако в 1980-е их доля сократилась. После распада СССР до середины 1990-х гг. эта категория граждан имела возможность претендовать на получение постоянной московской прописки и жилплощади, однако в результате отмены государственного контроля над ценами высокие расходы на проживание в столице вынудили многих покинуть Москву, а с 1994 г. лимитчики как феномен прекратили свое существование. Само слово «лимитчик», изначально нейтральное, приобрело определенную негативную коннотацию, демонстрировавшую высокомерное отношение так называемых коренных москвичей к новым переселенцам из «провинции». Тот же эффект на современном этапе можно наблюдать и с термином «мигрант» по отношению к новой «аутгруппе», только с гораздо более выраженным пренебрежительным оттенком. Доминировавшее в московской среде в 1990-е – начале 2000-х гг. отношение к мигрантам, колеблющееся от недоверчивого до враждебного, нашло свое отражение даже в художественной литературе (см., например, роман Н. Абгарян «Понаехавшая»). Подтверждается оно и данными социологических опросов горожан, проводимых Левада-центром, согласно которым в 1999 г. при ответе на вопрос о 5–6 проблемах Москвы, которые беспокоят больше всего, вариант «много “кавказцев”, выходцев из южных республик» занимал вторую строчку в рейтинге после «роста цен»⁷. С сожалением приходится констатировать, что по прошествии 20 лет, по данным опроса Левада-центра в апреле 2019 г., среди самых острых проблем города москвичи все так же указывают на «присутствие мигрантов и гастарбайтеров», помещая их все на то же второе место, но на этот раз после «проблем с парковкой»⁸.

⁷ <https://www.levada.ru/2000/06/28/problemny-moskvy/>

⁸ <https://www.levada.ru/2019/05/30/moskvichi-o-problemah-goroda/>

При этом следует подчеркнуть, что в Москве мигранты за последние полтора столетия всегда составляли значительную долю населения – от 70 до 50% от общего числа горожан. В 1882 г. удельный вес уроженцев Москвы составлял только 26,1%, в 1897 г. – 25,2, в 1902 г. – 27,6, в 1926 г. – 36,9, в 1979 г. – 51,5%⁹.

Однако последние волны миграции, начавшиеся с 1990-х гг., включающие в себя представителей иных культур, привели к созданию барьеров между приезжими и принимающим сообществом, не готовым к происходящим трансформациям привычного окружения и изменениям традиционного «облика» Москвы. С появлением в столице большого количества граждан из государств Центральной Азии, Южного Кавказа и северокавказских регионов России (которые также воспринимались как «чужие»), т. е. «видимых» меньшинств, напряженность сместилась в этническую плоскость, превратившись в мощный конфликтогенный фактор, во многом определяющий взаимоотношения в московском социуме.

По официальным данным переписи населения в 2010 г., этнический состав Москвы включал: 91,9% русских, 1,4% украинцев, 1,4% татар, 1,0% армян; другие перечисленные национальности, среди которых азербайджанцы, евреи, белорусы, грузины, узбеки, таджики и другие (еще меньшей численности), составляли менее 1% населения. Количество опрошенных, не указавших национальную принадлежность, 668 409 чел. Здесь следует отметить, что граждане, выбравшие вариант «русские», могли включать в это понятие не столько национальную, сколько государственную (россияне) или культурно-цивилизационную идентичность (принадлежность к русскому миру). Преобладающей религией является православное христианство, тем не менее, по оценкам экспертов ООН, 14% населения Москвы исповедуют ислам¹⁰.

Однако на 2019 г. этническая и конфессиональная картина города заметно изменилась за счет ряда факторов, включающих:

- снижение уровня рождаемости и увеличение естественной убыли населения, хотя, по данным Мосгорстата, за последние годы наблюдается и естественный прирост населения, обусловленный превышением процента рождаемости над смертностью. Москва является одним из трех регионов-исключений, где за первый квартал 2019 г. рож-

⁹ Моисеенко В., Переведенцев В., Воронина Н. Московский регион: миграция и миграционная политика. М., 1999. С. 7.

¹⁰ <http://worldpopulationreview.com/world-cities/moscow-population/>

даемость превысила смертность (наряду с Магаданской областью и Карачаево-Черкесией);

- увеличение доли межэтнических браков – если в середине 1990-х гг. доля смешанных браков в Москве составляла 22%, то в середине 2000-х – уже 58%, на настоящий момент цифры, вероятно, выше. Каждый год около 15% браков, заключаемых в Москве, являются смешанными¹¹;
- миграционный прирост – как следует из данных Мосгорстата, примерно три четверти общего прироста населения Москвы составляют приезжие из других регионов России и стран СНГ.

Таблица

Данные о миграции населения в Москве
на 2018 и 2019 гг., тыс. чел.

	Январь–август 2019			Январь–август 2018		
	Число при- быв- ших	Число выбыв- ших	Мигра- ционный при- рост (+), сни- жение (-)	Число при- быв- ших	Число выбыв- ших	Мигра- ционный при- рост (+), сни- жение (-)
Миграция	181 598	166 210	15 388	216 233	159 991	56 242
из нее:						
в пределах России	164 602	148 745	15 857	190 890	143 604	47 286
в том числе межрегио- нальная	156 982	141 125	15 857	188 082	140 796	47 286
Между- народная миграция	16 996	17 465	-469	25 343	16 387	8956
в том числе:						
со стра- нами СНГ	14 404	14 359	45	21 601	13 242	8359
с другими зарубеж- ными странами	2592	3106	-514	3742	3145	597

Источник: Мосгорстат – <https://moscow.gks.ru/statistic>

¹¹ <https://www.nakanune.ru/articles/113565/>

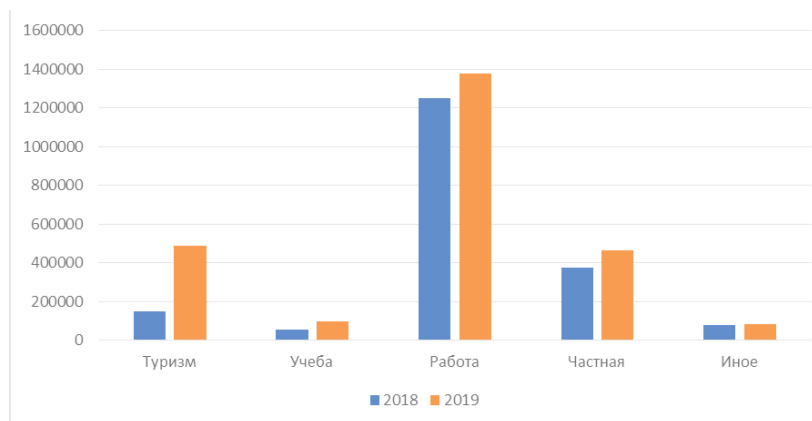

Рис. 2. Москва, цели миграции
(январь–сентябрь 2018–2019 гг.)

Как показывают данные таблицы, положительное сальдо миграции в Москве сохраняется за счет притока населения из других регионов России и стран СНГ.

Интересно, что, согласно данным Института демографии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», по абсолютному числу прибывших на место постоянного жительства (длительного пребывания), как и в предшествующие годы, безусловным лидером остается Московская область, несмотря на сокращение ее территории и населения в результате расширения административных границ Москвы в 2011 г. (это увеличило площадь города в 2,4 раза при увеличении населения столицы менее чем на 250 тыс. чел.). В Московскую область за январь–июнь 2019 г. въехало более 167 тыс. человек (это на 2,8% меньше, чем за тот же период предшествующего 2018 г.). За Московской областью с заметным отрывом следует также неоднократно становившаяся лидером по привлечению мигрантов Москва (130 тыс. чел.), а далее – Санкт-Петербург (96 тыс. чел.).¹²

По данным Мосгорстата, авторами данного доклада были составлены графики, демонстрирующие динамику целей миграции в Москву за 2018 и 2019 гг., которые свидетельствуют об увеличении миграционных потоков в Москву за 1–3-й кварталы 2019 г.

¹² Щербакова Е. Миграция в России, итоги первого полугодия 2019 года. № 827-828 URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2019/0827/barom04.php>

Межэтническая ситуация в г. Москве и Санкт-Петербурге

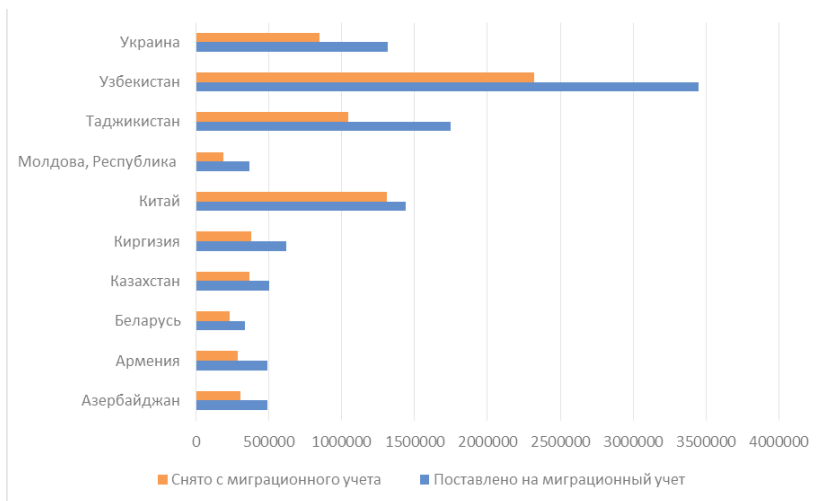

Рис. 3. Москва, миграционные показатели за январь–сентябрь 2018 г. по странам происхождения

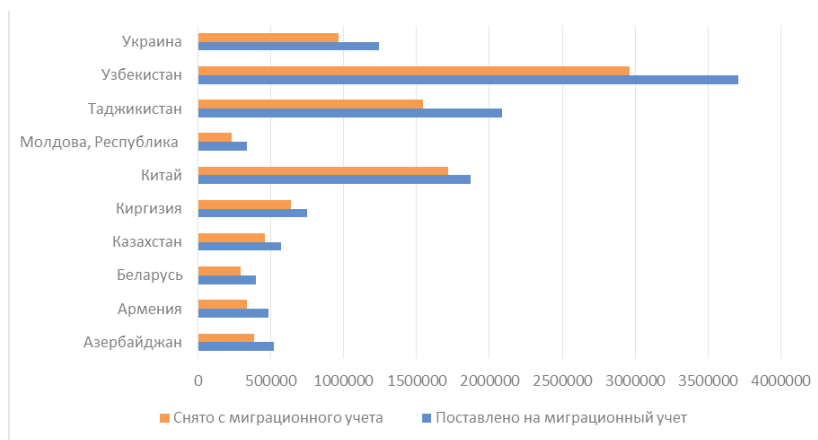

Рис. 4. Москва, миграционные показатели за январь–сентябрь 2019 г. по странам происхождения

с рабочими, учебными и особенно туристическими целями (здесь прирост увеличился более чем вдвое). Следует отметить, что столь масштабный рост туристических потоков связан в основном с увеличением количества туристов из Китая: 1 055 681 чел. в 2018 г. по сравнению с 1 476 111 чел. за тот же период 2019 г.¹³

Как видно из рисунков, в Москве сохраняется та же тенденция распределения мигрантов по странам происхождения, как и по России в целом: лидирующие позиции занимают приезжие из Узбекистана, на втором месте Таджикистан, а третье место в иммиграционных потоках занимает Украина.

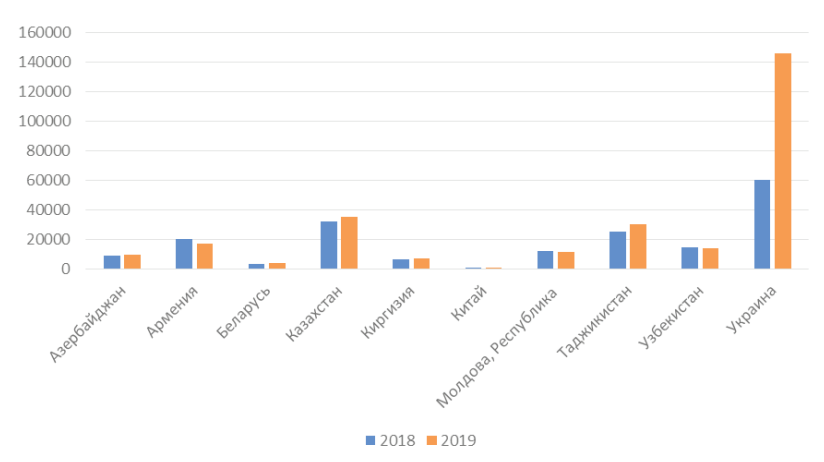

Рис. 5. Москва, приобретение гражданства РФ за январь–сентябрь 2018 и 2019 гг.

Можно отметить огромную диспропорцию в вопросах приобретения гражданства Российской Федерации гражданами других государств в 2019 г., поскольку количество жителей Украины, во-первых, в несколько раз превышает число получивших гражданство из других стран и, во-вторых, возросло более чем вдвое по сравнению с 2018 г. Это связано с принятием новой концепции миграционной политики, где акцентируется необходимость привлечения соотечественников, которые являются гражданами других государств, но считают себя частью русского мира. Это, как представляется, свидетельствует о кризисе интеграционной политики РФ по отношению к инокультурным и инофонным мигрантам из стран Центральной Азии и Южного Кавказа и может

¹³ <https://moscow.gks.ru/statistic>

быть оценено как попытка «заменить» их более этнокультурно и лингвистически близкими украинцами. Меняется и отношение российского общественного мнения к Украине. Как показывают результаты опросов Левада-центра, «от февраля к сентябрю 2019 г. в полтора раза увеличилась доля жителей России, суммарно оценивающих свое отношение к Украине как “хорошее”». В настоящее время положительное отношение к соседнему государству декларируют 56% россиян, что является максимальным показателем в “посткрымский” период начиная с апреля 2014 года»¹⁴.

Доходы от налоговых поступлений трудовых мигрантов в столице уже более двух лет составляют большую долю бюджета, нежели налоги всех нефтяных и газовых компаний, имеющих головные офисы в Москве. На официальном сайте мэра Москвы сообщается, что за девять месяцев текущего года трудовые мигранты принесли в бюджет столицы 13,2 млрд руб.; рост поступлений, если сравнивать с аналогичным периодом прошлого года, составил 1,7%. С января 2019 г. было выдано 338 тыс. трудовых патентов, что на 6% больше, чем в прошлом году¹⁵. При этом, несмотря на то что мигранты являются одной из основных прибыльных статей бюджета, их имидж как потенциальной внутренней угрозы, требующей постоянного жесткого контроля властей, остается без изменений.

Тот факт, что большинство трудовых мигрантов могут въехать в страну без затруднений в результате установленного безвизового режима со странами-членами СНГ, призван символизировать открытую иммиграционную политику РФ, однако достаточно сложная и дорогостоящая процедура легализации их деятельности в стране зачастую приводит к закреплению их полулегального статуса в силу отсутствия надлежащей правовой информированности приезжих и требуемых первоначальных значительных финансовых затрат, которыми многие въезжающие не располагают. Это провоцирует значительную часть иностранных трудовых мигрантов уходить в теневой неформальный сектор экономики. Так, согласно данным исследования «Миграционная ситуация в Москве и Московской области: реальность против мифологем», проведенного фондом «Добрососедство», у 62,4% мигрантов отношения с работодателем никак не оформлены. По трудовому договору работает только 31% приезжих. Еще большая

¹⁴ <https://www.levada.ru/2019/10/15/rossijsko-ukrainskie-otno-sheniya-6/>

¹⁵ https://vmo24.ru/news/migranty_prinesli_moskve_v_2019-m_godu_bolee_13_milliardov_rublej

доля гастарбайтеров (78,9%) никак не оформлены по месту проживания¹⁶.

Санкт-Петербург почти 200 лет был столицей Российской империи, а в советские времена стал типичным крупным портовым городом с ярко выраженной миграционной судьбой. Однако здесь всегда преобладал «механический» путь расширенного воспроизводства населения. Прирост численности его населения практически с момента основания города в 1703 г. осуществлялся в основном за счет новых, все более многообразных миграционных потоков. Как уже отмечено, сегодня Санкт-Петербург входит в тройку наиболее привлекательных для мигрантов регионов¹⁷, занимая второе место (после Москвы) по количеству внешних мигрантов. Так, в 2016 г. на миграционный учет в городе было поставлено более 2048 млн иностранных граждан. Более половины иностранцев, посетивших город – это туристы. Тем не менее трудовые мигранты и иностранные студенты средних и высших учебных заведений составляют более 520 тыс. чел. или более 9% населения города. Среди длительно проживающих в Санкт-Петербурге внешних мигрантов (более 1 года) преобладают граждане государств СНГ и Евразийского экономического союза: Узбекистана (не менее 230 тыс. чел.), Украины (не менее 103 тыс. чел.), Таджикистана (не менее 92 тыс. чел.), Беларуси (не менее 5 тыс. чел.), Кыргызстана (не менее 54 тыс. чел.), Казахстана, Молдовы, Азербайджана, Армении и др. Приезжие преимущественно заняты в строительстве (не менее 15% занятых) и сфере услуг (торговля, ремонт, уборка, уход за детьми и престарелыми).

На сегодняшний день в городе живет около 4% населения страны, которое представляет более 170 этнических групп. С учетом уже сформировавшихся в городе этнических диаспор почти 30% проживающих сегодня в Петербурге людей принадлежат к неславянским языковым группам. Помимо исторически сложившихся этнических общин, представители которых, как правило, хорошо интегрированы в городскую социальную среду, Санкт-Петербург, как уже отмечено, будучи крупным мегаполисом, привлекает большое количество мигрантов. Население города обладает высокой чувствительностью к комплексу происходящих в последние годы социально-экономических и социокультурных

¹⁶ Известия. 2015. 28 авг. С. 1, 2.

¹⁷ Численность и миграция населения Российской Федерации в 2015 году [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b16_107/Main.htm (дата обращения 30.03.2019).

сдвигов, что позволяет с упреждением фиксировать изменение характеристик массового сознания россиян в целом. Резкое изменение этнокультурного баланса в результате массовой миграции последних 15 лет имело следствием рост этнической и религиозной ксенофобии в принимающем городском сообществе, в свою очередь, то, как принимающее общество встретило мигрантов, во многом определило их дальнейшее поведение.

После распада СССР в Санкт-Петербурге со всей остротой проявились проблемы, типичные для большинства современных европейских городов с многомиллионным населением: низкий уровень рождаемости и преобладание однодетной семьи, высокий удельный вес лиц старшего возраста, суженный тип воспроизводства населения, резкое увеличение этнокультурного многообразия состава населения. Помимо этого, город столкнулся с увеличением смертности и снижением миграционного притока (в начале 1990-х гг.) на фоне роста эмиграции высококвалифицированных кадров. Вплоть до недавнего времени численность населения Санкт-Петербурга стремительно уменьшалась: если в 1991 г. в Санкт-Петербурге проживало 5007,5 тыс. чел., то в 2008 г. численность постоянного населения Санкт-Петербурга уменьшилась почти на 10% и составила 4568,0 тыс. чел. Последующее увеличение численности населения было обусловлено в основном значительным увеличением миграционного прироста. Так, в Санкт-Петербурге отмечается один из самых высоких показателей миграционного прироста населения в России: уже в 2011 г. на Санкт-Петербург приходилось 18,3% общего миграционного прироста Российской Федерации; прирост составил 58 632 чел. и полностью компенсировал естественную убыль населения (4757 чел.), превысив ее в 12,3 раза. Эта ситуация сохраняется и сегодня, так, и в 2017 г. миграционный прирост полностью компенсировал естественную убыль населения города в силу низкой рождаемости и высокой смертности, превысив ее в 13 раз. Кроме иностранных мигрантов, в Санкт-Петербурге находится значительное число внутренних мигрантов – граждан Российской Федерации. По данным Петростата, только в 2016 г. в город прибыло на проживание не менее 210 тыс. граждан РФ. Общее количество внутренних и внешних мигрантов постоянно превышает количество выезжающих российских и иностранных граждан, что способствует улучшению демографической ситуации, только в 2016 г. население города увеличилось на 47,2 тыс. чел., причем 77% прироста численности горожан обеспечил миграционный прирост.

Санкт-Петербург относится к городам «демографической старости». Средний возраст горожан на 2016 г. составил 41,2 года. Доля лиц старше трудоспособного возраста постоянно растет: с 23,6% в 2005 г. до 25,7% в 2013 г. от общей численности населения и, по прогнозам, достигнет 28,9% в 2020 г. Напротив, доля горожан в трудоспособном возрасте постоянно снижается (с 63,4% в 2005 г. до 61,5% в 2013 г.). Более того, «основание» возрастной пирамиды, представленное несовершеннолетними, крайне сужено: 13,0% в 2005 г., 12,1% в 2011 г. с тенденцией незначительного роста на уровне 12,8% в 2013 г. Однако в 2017 г., после непродолжительного подъема, в городе вновь снизилась рождаемость: на свет появилось на 6321 ребенка меньше, чем в 2016 г.¹⁸

Значительную часть миграционного притока в город составляют трудовые мигранты, численность которых быстро росла с 2004 г. В 2016 г., по данным официальной статистики ФМС, в Петербурге насчитывалось порядка 395 тыс. иностранных трудовых мигрантов. Однако данные цифры скорее всего значительно ниже реальных показателей миграции, поскольку не учитывают наличие массовой неофициальной занятости и образовательной миграции.

Характер изменений в составе контингента внутренних и внешних трудовых мигрантов актуализировал необходимость осуществления мероприятий по их адаптации к работе и жизни в петербургском социуме.

Порядка 70% трудовых мигрантов приезжают Санкт-Петербург из небольших городов и сел государств постсоветского пространства¹⁹. Согласно данным статистики, учитывающей

¹⁸ Аргументы и факты. 2018. № 7. С. 25.

¹⁹ Еще в советский период отмечались самые низкие показатели миграции из тех регионов СССР, которые служат основными донорами мигрантов в настоящее время. Демографы констатировали, что наблюдаются существенные различия коэффициентов миграционной подвижности в различных регионах Союза в сравнении со средними показателями в РСФСР: «Наиболее низкие коэффициенты – у узбеков и таджиков (в 3 раза ниже и более) и у коренного населения республик Средней Азии и Закавказья, особенно проживающего в сельской местности (в 4–7 раз ниже, чем в РСФСР), на фоне высоких показателей естественного прироста» (*Рыбаковский Л.Л.* Миграция населения: прогнозы, факторы, политика. М., 1989. С. 40–41). Таким образом, исторически даже в рамках проживания в многонациональном советском государстве представители народов целого ряда республик не приобрели опыта существования в инокультурной полиэтничной среде: они не обладают навыками меж-

лишь тех, кто работает, имея официальное разрешение на работу, каждый пятый работник из СНГ в России занят неквалифицированным трудом. Учет тех, кто не имеет такого разрешения, только увеличит данное соотношение²⁰. Среднестатистический портрет типичного иностранного работника, прибывающего в российский крупный город, выглядит следующим образом: это молодой мужчина в возрасте до 39 лет, уроженец Средней Азии, прибывший в безвизовом порядке, сельский житель, со средним и неполным средним образованием, без специальной профессиональной подготовки, с минимальным владением русским языком, здоровый, не представляющий опасности для окружающих, без вредных привычек, с низкой правовой информированностью, выполняющий неквалифицированную работу чаще всего в качестве подсобного рабочего на строительстве или разнорабочего супермаркета²¹. Как следствие, происходит качественное изменение параметров миграционного потока:

- изменения в конфессиональном составе мигрантов: более 80% мигрантов исповедуют ислам или являются выходцами из мусульманских стран;
- существенное понижение профессионального и образовательного уровня мигрантов: более половины вновь прибывших не имеет профессионального образования;
- быстро снижается процент мигрантов, владеющих русским языком даже на уровне минимального межличностного общения. Так, серьезно сократилось число мигрантов из Молдовы и Украины – у выходцев из этих стран есть альтернатива в виде выезда на работу в страны Евросоюза (с учетом введенного безвизового режима с Европой);
- большая часть трудовых мигрантов беднее, чем в прошлые годы. Особенно остро это стало проявляться с начала 2014 г. в связи с девальвацией российского рубля.

культурной коммуникации, многие испытывают серьезные трудности в адаптации к правилам жизни в больших городах.

²⁰ См.: *Вишневский А.Г., Захаров С.В.* и др. Демографические итоги 2014 года: Краткий доклад // Демографическое обозрение. 2015. Т. 2. № 4. С. 35–76.

²¹ См.: *Чистякова Н.Е.* Миграция в Санкт-Петербурге: Демографический аспект // Социология вчера, сегодня, завтра. Вторые социологические чтения памяти В.Б. Голофаства / Под ред. О.Б. Божкова. СПб., 2008; и др.

В результате до 80% рабочих на стройках Санкт-Петербурга – выходцы из государств Центральной Азии. Среди водителей маршруток северной столицы 75% – иноэтничные мигранты. Мигранты из Центральной Азии составляют немалую часть работников общепита, клининговых компаний (до 70%), дворников, сиделок (до 70%), разнорабочих в торговле. Поэтому, как отмечал еще шесть лет назад гендиректор Центра по изучению постсоветского пространства МГУ Алексей Власов, «мечта об идеальном мигранте, который владеет профессией, хорошо знает русский язык и историю, легко встраивается в нашу городскую среду, – не более чем мечта, несмотря на все заявления чиновников»²².

Однако проблема не только в том, что мигранты обладают низким уровнем образования и не имеют профессиональной подготовки. Психологически они еще до приезда в Россию настроены на неквалифицированную работу, не предполагающую применения имеющихся у них умений и знаний. По данным исследования под руководством В.И. Мукомеля, из числа мигрантов – бывших работников здравоохранения продолжают трудиться в этой сфере в России лишь 22%, из работников образования – 8,5%. Бывшие врачи, учителя и специалисты других профессий становятся рабочими-строителями, нянями, сиделками, домработницами, подсобными работниками в торговле и т. д. Так, каждый третий мигрант с высшим образованием устраивается рабочим²³. Отчасти здесь дело и в том, что мигранты вынуждены соглашаться на ту работу, которую способны найти, отчасти в том, что качество образования в государствах Центральной Азии вызывает сомнения у потенциальных работодателей. Однако отчасти это и институциональная проблема: для многих позиций в бюджетной сфере требуется не только профильное образование, но и российское гражданство.

Заметим, что структура потребности российского рынка в рабочей силе выглядит совершенно иначе:

- высококвалифицированные специалисты – 23%;
- квалифицированные рабочие промышленных предприятий, строительства, транспорта, связи, геологии и разведки недр – 17%;
- специалисты средней квалификации – 16%;
- низкоквалифицированные кадры – 14%.

²² Аргументы и факты. 2013. № 44. С. 15.

²³ *Мукомель В.И.* Мигранты на российском рынке труда: занятость, мобильность, интенсивность и оплата труда // Statistics and Economics. 2017. Vol. 4. № 6.

В то же время, по данным ОЭСР, более половины малых и средних предприятий России испытывают нехватку квалифицированных кадров²⁴.

Из-за неблагоприятной тенденции демографического развития и обострения проблемы «утечки умов» Москва и Санкт-Петербург (как и другие крупные города России) уже сталкиваются с серьезной проблемой кадрового дефицита, который может стать реальным вызовом для их конкурентоспособности. В свете возросшего влияния высококвалифицированных мигрантов на конкурентоспособность государств регулирование их мобильности стало важным направлением политики во многих развитых странах. Россия отстает от лидеров «глобальной гонки за талантами» из-за ее недостаточно высокой миграционной привлекательности.

Как следствие – подобное «качество» прибывающей из-за рубежа рабочей силы не способствует достижению одной из целей миграционной политики – ускорения экономического роста. Напротив, растет культурная дистанция между выходцами из преимущественно традиционных и зачастую моноэтнических сообществ и жителями высокоурбанизированных полиэтнических мегаполисов, что способствует росту напряженности в отношениях горожан с трудовыми мигрантами.

Пышное празднование 300-летия Санкт-Петербурга в 2003 г. превратилось в мощную рекламную акцию, резко повысившую для потенциальных мигрантов привлекательность и нашего города: только за последующие два года на берега Невы приехало, по различным неофициальным оценкам, от 800 тыс. до 1,2 млн иммигрантов, прежде всего с Южного Кавказа и из постсоветской Центральной Азии²⁵. Официальная статистика также фиксирует миграционный прирост населения города именно с 2003 г. за счет мигрантов из стран СНГ. Хотя его размеры и динамика были не так значительны, как обмен с регионами России. Одновременно практически сошел на нет миграционный прирост за счет стран Балтии.

При этом стоит напомнить, что речь идет о легальных мигрантах и об официальной статистике. Как отмечают специалисты, основной проблемой статистической информации о миграционных процессах в РФ в целом и в отдельных регионах страны в частности является недоучет значительных континген-

²⁴ Флоринская Ю. Масштабы трудовой миграции в Россию. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2342#top.

²⁵ См.: Терентьев Д. Бритые души // Совершенно секретно. 2006. № 2 (201). Февр.

тов мигрантов. Порядок учета и регистрации трудовых мигрантов таков, что они в основном имеют временную регистрацию по месту жительства и потому не попадают в поле зрения государственных статистических органов. По этой же причине сегодня имеется недоучет размеров учебной миграции, а Москва и Санкт-Петербург, как известно, крупнейшие учебные центры страны. Значительные проблемы остаются и в отношении учета миграции граждан России²⁶. Играть свою роль и особенности учета мигрантов в России, предупреждает ведущий научный сотрудник Института социального анализа и прогнозирования РАНХиГС Никита Мкртчян: как только регистрация по месту пребывания у мигранта истекает, он считается «выбывшим»²⁷. Этим во многом объясняется и разрыв между неофициальными оценками и официальными статистическими данными, касающимися динамики миграционного прироста в Москве, Санкт-Петербурге и в России в целом.

²⁶ См.: Чудновских О.С. Национальные системы сбора статистических данных о миграции в современной России // «Миграция и развитие»: Материалы международной конференции (Пятые Валентиновские чтения) / Под ред. В.А. Ионцева. Т. 2. М., 2007. С. 102.

²⁷ См.: Ломская Т. Страна становится менее привлекательной для жителей СНГ // Ведомости. 2019. 8 апр.

Глава 2

Органы государственного управления, участвующие в реализации политики адаптации и интеграции трудовых мигрантов: оценка результатов деятельности

Современные научные подходы к адаптации и интеграции мигрантов преимущественно институционализированы в рамках двух методологий: ОЭСР и МІРЕХ. В первом случае методология базируется на Сарагосской декларации и ее ключевых группах индикаторов: показателях занятости, уровня образования, социальной включенности (доход, здоровье, риск бедности и др.), активное гражданство (доля получивших гражданство, занятие выборных должностей). В случае МІРЕХ методология строится на обширном перечне индикаторов, оцениваемых экспертами, и ориентирована на анализ эффективности политики на основе действующего законодательства. Ключевыми направлениями оценки являются: доступность для мигрантов рынка труда, наличие стратегии долгосрочного пребывания, воссоединение с семьей, уровень образования, участие в политической жизни страны, доступность системы здравоохранения и гражданства, защита от дискриминации¹.

На этом фоне можно констатировать, что проблематика адаптации и интеграции трудовых мигрантов нашла отражение в документах долгосрочного планирования страны, начиная с задач текущей Стратегии миграционной политики, а также деятельности институтов органов исполнительной власти. Однако в настоящий момент можно говорить, что эта компонента оказалась организационно крайне слабо обеспеченной как на уровне целевых программ и мероприятий, так и на уровне обеспечения взаимодействия профильных служб на региональном уровне.

Текущие региональные практики регулирования миграционных процессов, включая вопросы адаптации, после передачи функций и полномочий ФМС в МВД России с 2016 г. оказались

¹ *Мукомель В. и др.* Адаптация и интеграция мигрантов: методологические подходы к оценке результативности и роль принимающего общества // Россия реформирующаяся. 2016. № 14. С. 419–422.

фактически заморожены². Действующие механизмы правового обеспечения подобной деятельности являются ограниченными направлениями уже упомянутой Стратегии миграционной политики (обучение русскому языку, правовое просвещение, информирование о культурных традициях и нормах поведения). Подпрограмма «Социокультурная адаптация и интеграция мигрантов» (программа «Реализация государственной национальной политики»), реализация положений ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», программа «Содействие занятости населения», требования по сдаче теста на знание русского языка, истории и основ законодательства РФ не могут закрыть существующие лакуны в процессах адаптации трудовых мигрантов.

Между тем проблема адаптации и интеграции трудовых мигрантов достаточно актуальна, поскольку Россия объективно заинтересована в их притоке, особенно мигрантов, стремящихся стать частью принимающего общества, поскольку миграционные потоки могут положительно повлиять на экономическое развитие государства и обеспечивают стабильность демографической ситуации. Об этом свидетельствует новая «Концепция государственной миграционной политики РФ на 2019–2025 гг.», где утверждены три основных целевых блока миграционной политики России:

- обеспечение национальной безопасности Российской Федерации, максимальная защищенность, комфортность и благополучие населения РФ;
- стабилизация увеличения численности постоянного населения РФ;
- содействие обеспечению потребности экономики РФ в рабочей силе, модернизации, инновационном развитии и повышении конкурентоспособности ее отраслей³.

Однако Москва и Санкт-Петербург находятся сегодня в довольно сложной ситуации, что вызвано, в числе прочего: недостатком опыта работы городских властей с массовым потоком международных мигрантов всех категорий; неопределенностью в распределении функций и полномочий между органами испол-

² Воронина Н.А. Законодательство об адаптации и интеграции мигрантов в Российской Федерации: тенденции развития // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 3 (83).

³ Указ «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы» // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/58986> (дата обращения 31.10.2018).

нительной власти, работающими с иммигрантами; отсутствием эффективных механизмов интеграции приезжих в общее социальное пространство через НКО, социальные службы и диаспоры; коррупцией в государственных и муниципальных органах власти; отсутствием научного сопровождения и системы профессиональной подготовки специалистов в сфере национальной и миграционной политики и т. д.

Не случайно на заседании Совета по национальным отношениям при Президенте РФ 31 октября 2016 г. в Астрахани В.В. Путин признал принципиальным вопрос «координации органов власти, которые реализуют государственную национальную политику. Их только на федеральном уровне более десяти, – отметил президент. – Плюс структуры в регионах и муниципалитетах. Но взаимодействие между ними подчас крайне низкое, неэффективное, не налажено и постоянное сотрудничество с научными и экспертными организациями».

Президент также предложил определить федеральный орган, который отвечал бы за социальную адаптацию мигрантов: «В настоящее время эта сфера не обеспечена достаточными правовыми, организационными и экономическими инструментами. Необходимо определить федеральный орган, отвечающий за это направление. Нужны и профильные специалисты»⁴. Действительно, отсутствие единого центра миграционной политики и межотраслевой координации в управлении миграционными процессами препятствует реализации принципа комплексности решения задач миграционной политики, который заложен в новой «Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы».

В Москве и Санкт-Петербурге выстроена целая система органов исполнительной власти, призванная заниматься реализацией этнической и миграционной политики на уровне города. В Санкт-Петербурге среди таковых можно выделить: Комитет по межнациональным отношениям и реализации миграционной политики, Комитет по внешним связям Санкт-Петербурга; Комитет по труду и занятости населения Санкт-Петербурга, Комитет по вопросам законности, правопорядка и безопасности, Комитет по культуре Санкт-Петербурга, Комитет по социальной политике, Комитет по печати и взаимодействию со средствами массовой информации. Косвенное отношение к «гармонизации» межэтнических отношений и реализации миграционной политики имеют

⁴ Путин поддержал идею разработки закона о российской нации // Interfax.ru-russia/535019.

и другие структуры исполнительной власти города. Однако не ясно, какая из этих управленческих структур выполняет функции координации этого направления городской политики и насколько эта политика эффективна.

Принято несколько городских программ в данной сфере. В качестве основных можно выделить следующие.

1. Программа гармонизации межкультурных, межэтнических и межконфессиональных отношений, воспитания культуры толерантности в Санкт-Петербурге на 2011–2015 гг. (далее – «Толерантность»).

2. Программа «Миграция. Комплексные меры по реализации Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года» в Санкт-Петербурге на 2012–2025 гг.

3. Государственная программа Санкт-Петербурга «Создание условий для обеспечения общественного согласия в Санкт-Петербурге» на 2015–2020 гг. (Подпрограмма № 3 «Укрепление гражданского единства и гармонизация межнациональных отношений в Санкт-Петербурге» – основы городской миграционной и национальной политики были изложены в Подпрограмме № 3). Однако общая направленность Подпрограммы выражается преимущественно в «полицейских» категориях и сводится к созданию системы контроля над мигрантами. Первостепенными по значимости в Подпрограмме признаются меры по обеспечению законности и правопорядка (что вообще-то является прерогативой правоохранительных органов). При этом особое внимание уделяется задаче противодействия нелегальной миграции. В качестве первых, а следовательно, главных задач Подпрограммы обозначены следующие:

- 1) снижение числа преступлений, совершаемых мигрантами;
- 2) снижение числа преступлений против мигрантов⁵.

Эти же задачи были выбраны в качестве единственных целевых индикаторов Подпрограммы. Именно эти два показателя, по мнению авторов Подпрограммы, будут определять успешность реализации мер «по гармонизации межэтнических отношений в Санкт-Петербурге».

⁵ По мнению одного из руководящих чиновников Комитета по межнациональным отношениям и реализации миграционной политики, основными проблемами, связанными с ухудшением межнациональных отношений (в городе), являются: несоблюдение мигрантами действующего законодательства; нарушение правил регистрации трудовых мигрантов; нарушение трудового законодательства в отношении трудовых мигрантов.

Индикаторы Подпрограммы
«Укрепление гражданского единства и гармонизация
межнациональных отношений в Санкт-Петербурге», %

Наименование индикатора	Значение индикатора					
	2015 год	2016 год	2017 год	2018 год	2019 год	2020 год
Снижение числа преступлений, совершаемых мигрантами, по сравнению с показателем 2013 года	11,40	21,50	30,45	38,38	45,40	51,63
Снижение числа преступлений против мигрантов по сравнению с показателем 2013 года	9,10	17,38	24,90	31,74	37,95	43,60

Источник: Электронная база нормативно-правовых актов «Кодекс».

Этому есть простое объяснение, поскольку созданный в 2013 г. Комитет по межнациональным отношениям и миграционной политике был укомплектован преимущественно специалистами, предшествующая профессиональная деятельность которых проходила в силовых структурах. Видимо, поэтому Комитет взял на себя функции контроля над нелегальными мигрантами и борьбы с формированием этнических анклавов, это дало основания для установления за Комитетом негласного названия «миграционная полиция»⁶. В то же время выполнить задачу снижения числа преступлений, совершаемых мигрантами, пока явно не удастся. Так, начальник управления информации и общественных связей ГУ МВД по Санкт-Петербургу сообщает: «Доля преступлений среди мигрантов выросла, и большая часть – это преступления, которые совершаются в их среде».

⁶ Розанова М.С. Россия – новая иммиграционная страна? Динамика изменения подходов к интеграции мигрантов: от политики интеграции к «миграционной полиции» (на примере Санкт-Петербурга) Петербурга //

С марта 2014 г. в аэропорту «Пулково» работает зона миграционного контроля для среднеазиатских направлений. Прибывших из государств Центральной Азии опрашивают относительно их планов и намерений, консультируют, дактилоскопируют и оформляют медицинские полисы. Главная задача дактилоскопирования та же – *контроль над миграционным потоком* – выявление мигрантов, которые, сменив установочные данные, пересекли границу РФ, несмотря на то, что въезд в РФ им был закрыт⁷.

Спорным проектом, который предлагал Комитет, было создание в городе «инфраструктурного кластера для трудовых мигрантов». Создание так называемой буферной среды для вновь прибывающих мигрантов, а также система их экономической поддержки, по словам инициаторов этого проекта, были призваны смягчить первоначальный этап адаптации приезжих и оградить горожан от возможного «культурного шока» при столкновении с иноэтничными мигрантами. Однако потенциальный краткосрочный положительный эффект в дальнейшем скорее всего ослаблял бы мотивацию приезжих к адаптации и последующей интеграции, прежде всего экономической, и способствовал добровольно сегрегации иммигрантских сообществ, и так ориентированных на изоляцию от принимающего сообщества.

С тех пор самой заметной инициативой Комитета под руководством генерала О.И. Махно стала идея создания в Петербурге Государственного многофункционального миграционного центра, заимствованная у московских коллег. Эта инициатива Комитета была обсуждена и одобрена на заседании Консультативного совета по вопросам реализации миграционной политики в Санкт-Петербурге в марте 2017 г. Характерно мнение вице-губернатора Александра Говорунова, высказанное по этой проблеме: «Создание такого центра позволит *жестко контролировать миграционный процесс*, исключить коррупционные риски, получить дополнительные доходы в городской бюджет». К слову сказать, многофункциональный миграционный центр в Санкт-Петербурге так и не появился.

Трудовая миграция и политика интеграции мигрантов в Германии и в России: Колл. монография / Под ред. М.С. Розановой. СПб.: Центр гражданских, социальных, научных и культурных инициатив «СТРАТЕГИЯ», 2016. С. 163–165.

⁷ Юшковская И. Едут братья по Союзу: «Лимита XXI века» имеет азиатские черты лица // Санкт-Петербургские ведомости. 2014. 2 окт. С. 4.

С назначением на пост исполняющего обязанности губернатора А.Д. Беглова произошли минимальные кадровые перестановки в органах власти, занимающихся реализацией иммиграционной политики. В частности, пост главы Комитета по межнациональным отношениям занял бывший депутат Законодательного собрания Санкт-Петербурга от ЛДПР Олег Капитанов. Назначение было чисто политическим. Поскольку Капитанов собирался участвовать в выборах губернатора Санкт-Петербурга, постольку таким назначением сокращали число конкурентов А.Д. Беглова, способных набрать определенное количество голосов избирателей. Правда, в результате Комитет по межнациональным отношениям и миграционной политике возглавил представитель самой антииммигрантской партии нашей страны. В своем недавнем интервью О. Капитанов так сформулировал основные задачи возглавляемого им Комитета: «Наша главная задача – поддержка дружеских отношений между различными национальностями, гармонизация. Ведь все мы являемся жителями Санкт-Петербурга, единым сообществом.

Другое важное направление – регулирование миграционной политики. Прежде всего, это касается трудовых мигрантов. Сегодня выстроена система по контролю за приезжими, однако назвать ее идеальной нельзя.

Мы должны сделать эти процессы максимально прозрачными, чтобы всегда иметь актуальную информацию о количестве мигрантов, их деятельности, о том, где конкретно они живут, где учатся их дети. Эта информация есть и сейчас, но, как говорится, нет предела совершенству. Если остановить эту работу, пойдет рост криминала (выделено нами. – Авт.)»⁸.

Как видно из вышеприведенных примеров, практически единственной целью городской миграционной политики считается создание эффективной системы контроля над миграционным потоком, поэтому и практически все мероприятия «заточены» под достижение этой цели. О такой цели городской миграционной политики, как политика адаптации и интеграции мигрантов в принимающее общество, на официальном уровне не было ни разу ничего сказано. В то же время основное финансирование заложено на фестивали, выставки, концерты, музейные экскурсии, социальную рекламу на улицах Санкт-Петербурга, видеоролики и т. п. Главным актором реализации этого направления национальной и миграционной политики является ГКУ СПб «Дом

⁸ «Если оставить нашу сферу без внимания, будет хаос» // Петербургский дневник. 2019. 5 нояб. С. 8.

национальностей», находящийся под контролем Комитета по межнациональным отношениям и реализации миграционной политики в Санкт-Петербурге. На базе «Дома национальностей» проходят практически все фестивальные, спортивные, культурно-просветительские и научные мероприятия с участием национально-культурных ассоциаций Санкт-Петербурга и НКО.

Комплекс реализуемых мероприятий четко свидетельствует об исключительном превалировании деятельности по поддержке культурного наследия народов России, проживающих в Санкт-Петербурге, а в рамках миграционной политики – проектов по презентации культур народов государств, выходцами из которых является большая часть трудовых мигрантов. Поэтому в Санкт-Петербурге, как и в Москве, наблюдается очевидный дефицит мероприятий, направленных на укрепление гражданской солидарности и формирование общероссийской гражданской идентичности, являющихся основой российской нации.

В силу сказанного при изучении миграционной политики в российских мегаполисах нельзя обойти вниманием деятельность Московского и Санкт-Петербургского домов национальностей. С первых дней возникновения в 1998 г. Московский дом национальностей был призван принимать активное участие в непосредственной реализации государственной национальной и миграционной политики в Российской Федерации. На площадках ГБУ «МДН» проходят значимые научные и культурно-просветительские мероприятия, направленные на сохранение и развитие национальной культуры народов России; укрепление межнационального мира и согласия; развитие межкультурного диалога. Благодаря деятельности Дома национальностей москвичи имеют возможность прикоснуться к яркой и самобытной культуре народов нашей страны, что способствует формированию атмосферы дружбы и взаимоуважения в городе. За истекшее двадцатилетие МДН смог стать одним из основных учреждений инфраструктуры в сфере управления межэтническими отношениями и научно-методическим центром.

Среди всех форм работы Московского дома национальностей можно отметить деятельность в сфере развития *этнического туризма*. С 2016 г. реализуется проект «Прогулки по многонациональной Москве», в рамках которого разработано более 50 маршрутов по различным районам столицы. Экскурсии знакомят жителей и гостей города с живой историей зданий, в которых проживали известные люди разных национальностей, оставившие большой след в истории Москвы и России в целом. Наряду с солидной исторической составляющей в экскурсиях ото-

бражено прошлое людей с их привычками, достоинствами, бытом и образом жизни на протяжении разных исторических эпох – т. е. информация не только привязана лишь к осмотру архитектурных сооружений и прочих достопримечательностей, но и максимально «очеловечена».

В 2016–2019 гг. ГБУ «Московский дом национальностей» организовал проведение фестивалей-конкурсов документального кино «Родные тропы», участники которых имели возможность побывать на многих экскурсиях Дома национальностей, а также фестиваля-конкурса «Мы любим свой город» для всех москвичей, интересующихся историей столицы, и др.

Социальные и культурные инфраструктуры мегаполисов в значительной мере трансформируются с изменением под воздействием массовой иммиграции этнического состава населения. Наиболее важным является то, что городские власти делегируют роль посредника во взаимодействии государства и этнических сообществ зонтичным организациям, в частности Московскому дому национальностей. Эта структура реализует деятельность, направленную на аккумуляцию информации для местных органов власти, и отвечает за выработку мер по мониторингу степени интеграции мигрантов в городское сообщество. Структурной особенностью этнической политики Москвы является также наличие большого числа разнообразных государственных программ и организаций различных уровней – федеральных правительственных комиссий, комитетов, советов и муниципальных департаментов по вопросам межэтнических отношений, что требует высокой степени согласованности между акторами для выработки оптимальной стратегии интеграции мигрантов в принимающее сообщество.

Основным профильным органом исполнительной власти является Департамент национальной политики и межрегиональных связей города Москвы, постановлением от 13 декабря 2016 г. № 862-ПП сменивший Департамент этнической политики, межрегиональных связей и туризма и таким образом несколько изменивший свой фокус деятельности. На настоящий момент Департамент разрабатывает и реализует государственную политику в сфере межнациональных отношений, межрегиональных связей, взаимодействия с религиозными объединениями, по обеспечению реализации государственной политики в отношении российского казачества в городе Москве⁹. Ключевыми задачами Департамента выступают: гармонизация межэтнических и межнациональных отношений, формирование гражданской солидар-

⁹ <https://www.mos.ru/depnpol/function/>

ности, защита национальной культуры и традиций, поддержка сотрудничества с этнокультурными объединениями Москвы.

Департамент тесно сотрудничает с подведомственной организацией «Московский дом национальностей», который признается центром «публичной дипломатии и межэтнической коммуникации». В городе создан и Совет по делам национальностей, состоящий из представителей московской исполнительной власти, лидеров и активистов ведущих этнополитических объединений (НКА), журналистов, общественных деятелей, экспертов в области национальной и миграционной политики.

Для того чтобы продемонстрировать роль Московского дома национальностей в структуре координации регулирования этнической политики, выявить основных акторов управления этнической и миграционной политикой и оценить уровень коммуникации и сотрудничества между ними, представляется релевантным использовать метод моделирования политических сетей.

Для анализа авторами доклада были выбраны 37 акторов управления этнической политикой в г. Москве, в том числе:

1. Департамент национальной политики и межрегиональных связей
2. Московский дом национальностей
3. Комиссия по мониторингу и разрешению конфликтных ситуаций в сфере межнациональных отношений Совета при Президенте РФ по межнациональным отношениям
4. Российская академия государственной службы при Президенте РФ
5. Институт этнологии и антропологии РАН
6. Культурно-просветительский клуб «Бакинцы»
7. Газета «Узбегим»
8. Ветераны войны
9. ОО «Славянский фонд России»
10. Центральное правление Казахской национально-культурной автономии
11. РНКА «Белорусы Москвы»
12. РОО «Союз литовцев»
13. РОО «Общество азербайджанской культуры “Очаг”»
14. ОО «Союз армян России»
15. Общероссийское общественное движение «Российский конгресс народов Кавказа»
16. Департамент образования
17. Журнал «Вестник российской нации»
18. РОО Талышское возрождение
19. Федеральная еврейская НКА

20. РОО Литовская НКА
21. Постоянное представительство Республики Дагестан при Президенте РФ
22. Союз ингушских молодежных объединений
23. Союз чеченской молодежи
24. Всероссийский межнациональный союз молодежи
25. Постоянное представительство Республики Ингушетия
26. Ингушская НКА
27. Центр афганской диаспоры России
28. Узбекская НКА
29. Постоянное представительство Республики Башкортостан
30. Ассоциация таджикских диаспор «Самандар»
31. Союз кыргызстанской молодежи «Жаш Топкун»
32. Таджикский культурный центр
33. ОО Союз грузин в России
34. РОО Греческий культурный центр
35. РОО Армянское культурно-просветительское общество «Ара-рат»
36. РОО Объединение сербов
37. Ассамблея народов России

Учитывая, что взаимозависимость является ключевым фактором конструирования и поддержания политических сетей, ключевым индикатором является центральность по близости (closeness centrality), показывающая, насколько быстро распространяется информация в сети от одного участника к остальным, т. е. насколько близок рассматриваемый участник ко всем остальным участникам сети. Индекс центральности отражает потенциал влияния организации на других акторов в процессе принятия решений. Индекс центральности Московского дома национальностей составляет 58,00 (0,322).

Таким образом, как показано на сети (схема 2), влиятельными акторами этнической и миграционной политики Москвы также являются: Институт этнологии и антропологии Российской академии наук (центральность по близости – 33, или 0,183), Белорусская этнокультурная автономия в Москве (центральность по близости – 33, или 0,183), Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС) (центральность по близости – 32, или 0,178), казахская этнокультурная автономия в Москве (индекс центральности – 32, или 0,178), Общероссийское общественное движение «Российский конгресс народов Кавказа» (индекс центральности – 32, или 0,178).

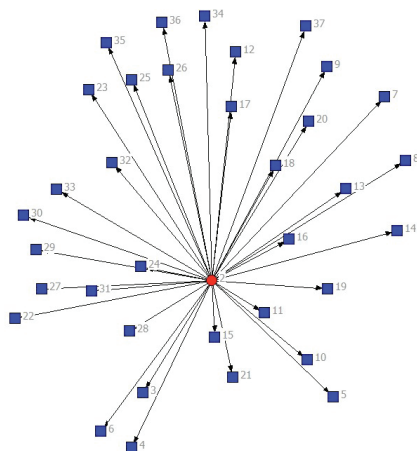

Схема 1. Центральность по близости (closeness centrality)
Московского дома национальностей

Составлено аспирантом кафедры этнополитологии СПбГУ
Единовой М.С.

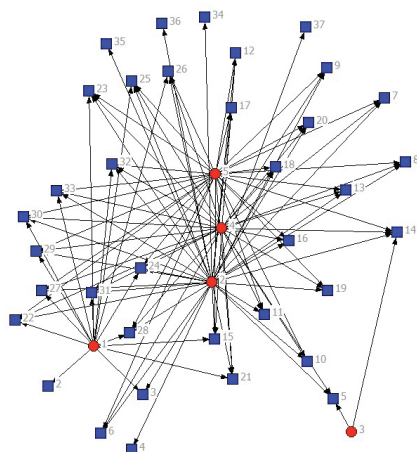

Схема 2. Основные акторы этнополитики в Москве:
индексы центральности по близости

Составлено аспирантом кафедры этнополитологии СПбГУ
Единовой М.С.

В свою очередь, ГКУ «СПб дом национальностей» (его учредителем является администрация Санкт-Петербурга) также является одним из влиятельных акторов миграционной политики и наиболее наглядных примеров институционализированного взаимодействия между государством и представителями гражданского общества в сфере этнической и миграционной политики. В качестве целей и направлений деятельности в уставе организации определяются гармонизация межэтнических отношений в городе, обеспечение диалога между региональной администрацией и этническими НКО, адаптация мигрантов и работа по сохранению культурного наследия народов Российской Федерации¹⁰. Санкт-Петербургский дом национальностей взаимодействует с представителями 137 национальностей, живущих в городе. Однако примечательно, что хотя на официальном сайте учреждения указано, что в своей работе структура руководствуется Стратегией государственной национальной политики до 2025 г., тем не менее задача «а»¹¹, вынесенная «на первый план» в Стратегии, отсутствует в уставе Дома национальностей. Принимая во внимание официальную миссию организации – посредничество между государством и гражданским обществом, можно предположить, что государство и лица, ответственные за выработку этнической политики, не считают, что этнический сегмент гражданского общества в России обладает потенциалом к участию в национальном строительстве и может оказать позитивное воздействие на формирование российской нации. Подтверждением тому служит и устав Московского дома национальностей, аналогичного столичного учреждения, – в нем также не содержатся цели и задачи, связанные с работой по укреплению общероссийской гражданской идентичности¹². Материалы, размещенные на сайте ГКУ «Дом национальностей» (<http://www.spbdn.ru/>), преимущественно носят отчетный характер – это сообщения о проведенных культурных мероприятиях, большая часть которых является пострелизами выставок и фести-

¹⁰ Устав СПб ГКУ «Санкт-Петербургский дом национальностей» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.spbdn.ru/about/docs/charter/> (дата обращения 11.09.2019).

¹¹ Задача «а» Стратегии звучит следующим образом: «Укрепление гражданского единства, гражданского самосознания и сохранение самобытности многонационального народа Российской Федерации (русской нации)».

¹² Устав ГБУ «Московский дом национальностей» [Электронный ресурс]. URL: http://mdn.ru/download/Normativnye_dokumenty/ustav_mdn.pdf (дата обращения 11.09.2019).

валей, другая же часть посвящена заседаниям двух консультативных структур учреждения – Молодежного совета и Экспертного совета. Отчеты о заседаниях советов не содержат конкретных данных о реализованных проектах или же предложений, а носят скорее формальный характер. Исключением является обсуждение и утверждение на одном из собраний создания в Санкт-Петербурге многофункционального миграционного центра (см. выше)¹³. СПб дом национальностей ведет работу со СМИ, на его площадке проходят заседания «Этнопресс-клуба», выпускаются методические пособия по освещению миграционных процессов и помощи мигрантам, организуются совместные культурные мероприятия для местного населения и мигрантов (Фестиваль культур Средней Азии, Национальный батальон Бессмертного полка) и др.

Несмотря на различия в концептуальных основах городских программ «Толерантность 1 и 2» (2006–2014 гг.) и ныне действующей Подпрограммы «Укрепление гражданского единства и гармонизация межнациональных отношений в Санкт-Петербурге», просматривается и некоторая преемственность, о чем свидетельствует сохранение слогана «Петербург объединяет людей», продолжение работы по организации и проведению культурно-массовых¹⁴ и культурно-просветительских¹⁵ мероприятий, в том

¹³ Консультативный совет одобрил идею создания в Петербурге государственного многофункционального миграционного центра [Электронный ресурс]. URL: http://www.spbdn.ru/news/news_spbdn/actual/8635/ (дата обращения 11.09.2019).

¹⁴ Фестивали и праздники: «Национальная кухня – ключ к дружбе народов» (в рамках мероприятий, посвященных Дню России). Фестиваль включал в себя выступления национально-культурных объединений и землячеств Санкт-Петербурга, в том числе армян, калмыков, молдаван, немцев, поляков, чувашей, удмуртов, украинцев и эстонцев и др., презентации кухни разных народов, кулинарные конкурсы, мастер-классы; «Пельмени народов мира» в Санкт-Петербурге (с презентацией блюд кухонь разных национальностей (пельмени, вареники, манты, хинкали, чучвары, бузы, цео-цзы) и с проведением мастер-классов от шеф-поваров); Фестиваль музыки народов России и ближнего зарубежья; многонациональный праздник «Масленица-2019» (цель мероприятия – объединить людей на основе традиций проводов зимы и встречи весны, а также приготовления блинов у разных народов); национальные фестивали: Фестиваль культуры народов Кавказа, народное гулянье «Сабантуй-2019», национальный финский праздник «Юханнус» и др.

¹⁵ Очередной Молодежный форум «Многонациональный Петербург-2019: Территория национального согласия» с участием пред-

числе для детей и школьников¹⁶, проведение лекций, организация курсов русского языка и информационная поддержка для трудовых мигрантов¹⁷. К отличиям можно отнести то, что мероприятия преимущественно имеют характер массовых общегородских и рассчитаны на максимально широкую аудиторию. Однако фактически не охваченными этими мероприятиями остались целевые группы транснациональных мигрантов.

ставителей молодежных организаций, молодежных подразделений национально-культурных объединений и землячеств Санкт-Петербурга; подготовка и распространение в сети Интернет и электронных СМИ видеороликов, герои которых рассказывают о традициях своего родного региона России или ближнего зарубежья; ежегодный конкурс интернет-роликов, посвященных межнациональным и межконфессиональным отношениям среди школьников (6–11-е классы), учащихся сузов и вузов.

¹⁶ Организация небольших (по охвату участников) экскурсий и выставок для детей, представителей молодежных общественных организаций и людей старшего возраста по тематике: «Петербург объединяет людей», включающих следующие информационные блоки: 1) «Многонациональный Петербург»: о народах, населявших Санкт-Петербург с начала XX века и проживающих в городе по сей день, с посещением Российского этнографического музея; 2) «Толерантность и межконфессиональный диалог». Знакомство с православной, католической, лютеранской, мусульманской, иудейской и буддийской конфессиями с посещением: православного, лютеранского, католического храмов, Соборной мечети Петербурга, Большой хоральной синагоги Санкт-Петербурга, дацана Гунзэчойнэй.

¹⁷ Разработка информационных материалов для трудовых мигрантов (справочник трудового мигранта «Добро пожаловать в Санкт-Петербург!» или Памятка иностранного гражданина в России) на родном для мигрантов языке, содержащих полезные сведения о Санкт-Петербурге (краткую историческую справку о традициях Санкт-Петербурга, основы миграционного и трудового законодательства, по аренде жилья, информацию о культурных событиях, правилах поведения в общественных местах (этика поведения и традиции Санкт-Петербурга, правила хорошего тона и мирного сосуществования), порядке действий в экстремальных случаях, правила взаимодействия с полицией и телефон «доверия» МВД, образцы документов, полезные адреса и телефоны, информация об образовательных центрах). Важная информация о банковской системе с открытием в городских библиотеках «уголков мигранта», где иностранцы смогут изучить правила поведения в России и узнать о местных достопримечательностях.

Таким образом, наиболее заметную часть деятельности Московского и Санкт-Петербургского домов национальностей в рамках этнической и миграционной политики составляет реализация цели «б» Стратегии государственной национальной политики до 2025 года – «сохранение и развитие этнокультурного многообразия народов России» и недостаточно внимания уделяется работе по укреплению общероссийской гражданской идентичности.

Однако поощрение этнокультурного разнообразия в публичной сфере часто становится причиной культивирования групповых форм культурной идентичности, объективно тормозящих процесс интеграции мигрантов в принимающее общество. Для многих представителей этнических и религиозных групп, объединенных в национально-культурные ассоциации, стало выгодно подчеркивать свою этническую и религиозную принадлежность и исключительность с целью получения дополнительных преференций в рамках программ господдержки национальных меньшинств.

Как отмечает российский эксперт: «С одной стороны, из высших эшелонов власти раздаются сигналы о том, что Россия нуждается в притоке населения из-за рубежа на регулярной основе, причем не только в качестве временных работников, но и в качестве будущих граждан (т. е., по сути, признание фактического превращения страны в «иммиграционную»). С другой стороны, налицо энергичное противодействие признанию этого факта и, как следствие, упор на сохранение модели временной миграции»¹⁸. Приведем два конкретных подтверждающих примера. Первый пример – интервью с мэром Москвы Сергеем Собяниным.

Журналист: Самую большую долю мигрантов в Москве сегодня составляют люди, приехавшие из Средней Азии. Их много – это видно на улицах, в транспорте. Как к ним относится городская власть – как к сезонным рабочим, которые приехали и уехали, или как к людям, которые здесь, скорее всего, останутся и сейчас нуждаются в ассимиляции?

С. Собянин: *Я против того, чтобы эти люди просто так оставались. Если кого-то оставлять, то в первую очередь русскоязычных, с адекватной нашим традициям культурой* (выделено нами. – Авт.). Соотечественников – так мы их условно называем. Людям, которые плохо говорят по-русски, у которых совершенно

¹⁸ Малахов В.С. Феномен «новых иммиграционных стран»: российский случай в общеевропейском контексте // Трудовая миграция и политика интеграции мигрантов в Германии и России: Колл. монография / Ред. и сост. М.С. Розанова. СПб.: Скифия-принт, 2016. С. 33–42.

другая культура, лучше жить в своей стране. Поэтому мы не приветствуем их адаптацию в Москве. Я считаю, что, скорее всего, это сезонные рабочие, которые, поработав, должны ехать к своим семьям, в свои дома, в свои страны.

Отметим, что так же думали власти стран Западной Европы в 1960-е годы. Однако, как писал тогда известный швейцарский драматург Дюрренмат: «Думали, что приедет рабочая сила, а приехали живые люди», и потому мигранты не уехали.

Пример второй. В Центре занятости населения Санкт-Петербурга на учете (на начало 2018 г.) состояло чуть больше 16 тыс. человек, нуждающихся в работе. В то же время, по данным председателя Комитета по труду и занятости правительства Санкт-Петербурга Д. Чернейко, в городе проживает 500 тыс. трудовых мигрантов, из них половина работают без оформления необходимых документов (лишь 1 тыс. иностранцев, работающих в нашем городе, являются высококвалифицированными специалистами). По мнению чиновника, у нашей страны до сих пор нет четкого представления, зачем ей в принципе нужна иммиграция: «С ней бороться или использовать в своих целях? Какая именно миграция нам нужна? Сегодня же, к сожалению, во многих случаях миграция просто тормозит развитие нашей экономики и делает ее менее конкурентоспособной». В результате он приходит к выводу: «Теоретически половину из всех трудовых мигрантов можно заменить собственными ресурсами. Внутренний потенциал для замещения мигрантов имеется». ...По оценкам комитета, к работе можно привлечь до 70 тыс. инвалидов и около 300 тыс. студентов¹⁹. Правда, приведенные цифры численности трудовых мигрантов и дежурный оптимизм чиновника по поводу возможного решения проблемы вызывают резонные сомнения у экспертов.

Нередко «грешат» мигрантофобией и представители «системных» политических партий России. Так, В. Жириновский один из федеральных политиков, который постоянно говорит о ненужности и опасности для России иммиграции. Неоднократно он заявлял: «Россия может полностью обойтись без иностранной рабочей силы... Иностранная рабочая сила увеличивает рост преступности в России. Надо постепенно и последовательно снижать ее приток, исходя из географического принципа»²⁰. Такую позицию зачастую занимают представители КПРФ: «Существующая миграционная политика нацелена не на решение проблемы раз-

¹⁹ Петербург станет толерантней // <http://www.baltinfo.ru/2015/02/15/Peterburg-stanet-tolerantnei-k-svoim-336631>.

²⁰ См.: Парламентская газета. 2005. 27 окт. и др.

деленности русского народа, а на замену коренного населения России мигрантами и направлена на ослабление национальной безопасности России, насыщение ее бросовой рабочей силой»²¹. Политические дивиденды от эксплуатации мигрантофобии пытаются получить и некоторые политики, позиционирующие себя как представители оппозиционного либерального направления (например, Владимир Милов – поддерживавший лозунг «Хватит кормить Кавказ!», Алексей Навальный – призывавший запретить въезд в Россию мигрантов из Средней Азии).

Однако эксперты практически единодушно полагают, что замена иноэтничных мигрантов на внутренних в таких сферах, как строительство, торговля, общественный транспорт, услуги, уборка улиц и др., попросту невозможна из-за дефицита трудовых ресурсов.

Характерно, что антииммигрантская риторика российских политиков и городских властей противоречит и другой целевой установке федеральной власти – на создание широкого Евразийского экономического союза и обеспечение свободы передвижения людей, товаров, капиталов и услуг через границы государств-членов. Так, согласно ст. 97 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г., государства-члены ЕАЭС не устанавливают и не применяют ограничения, установленные их законодательством, в целях защиты национального рынка труда, за исключением ограничений, установленных договором и законодательством государств-членов в целях обеспечения национальной безопасности и общественного порядка. Также в государстве трудоустройства признаются документы об образовании государств-членов, без проведения установленных законодательством государства трудоустройства процедур признания документов об образовании²². Поэтому «временно прибывающие с целью трудоустройства иностранные граждане входящих в ЕАЭС государств, законно находящиеся и на законном основании осуществляющие трудовую деятельность на территории РФ, имеют право на трудоустройство в РФ на равных с гражданами РФ основаниях, вне учета ограничений доступа на национальный рынок труда, обладают равным с гражданами РФ доступом к социальным гарантиям» (Договор о Евразийском экономическом союзе. Разд. 26. Ст. 96, 97).

В то же время исследователи отмечают: «Развитие политического процесса евразийской интеграции наряду с незначительной динамикой в развитии системы домиграционной подготовки

²¹ См.: http://www.cprf.info/news/party_news/50047.html

²² Бекашев К., Моисеев Е. Право Евразийского экономического союза. М.: Проспект, 2017. С. 137.

в странах-донорах миграции в совокупности с законодательно ограниченным временным интервалом пребывания трудовых мигрантов на территории Российской Федерации до получения разрешительных документов для осуществления трудовой деятельности снижает эффективность существующего нормативно-правового инструмента мотивации иностранных граждан к социокультурной адаптации и интеграции»²³.

В Санкт-Петербурге, как и в Москве, еще одним из примеров деятельности государственных органов, направленных на контроль и упорядочение миграционных потоков, является практика организованного набора, которая должна реализовываться специально созданным Санкт-Петербургским государственным автономным учреждением «Центр трудовых ресурсов». В экспертном интервью сотрудник ЦТР отметила, что «в значительной степени облегчает работу наличие межправительственных соглашений об организованном наборе иностранных работников. Например, Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Узбекистан об организованном наборе и привлечении граждан Республики Узбекистан для осуществления временной трудовой деятельности на территории Российской Федерации». С 2015 г. ЦТР реализует полномочия Комитета по труду и занятости населения Санкт-Петербурга по организованному набору иностранных работников в Кыргызской Республике и Республике Таджикистан, а с 2017 г. – в Республике Узбекистан, работники ЦТР регулярно посещают государства Балтии. Как отмечено в экспертном интервью, «цель организованного набора – удовлетворение потребности экономики Санкт-Петербурга в квалифицированных кадрах и обеспечение работодателей, испытывающих трудности с привлечением российских работников, иностранными работниками требуемой квалификации».

Однако внешние по отношению к «Центру трудовых ресурсов» эксперты, представляющие интересы работодателей, утверждают: «Увы, по целому ряду причин в настоящее время такой инструмент, как организованный набор, ни в области, ни в Петербурге не действует... Попытки организовать процесс набора и отправки трудовых мигрантов в Узбекистане, к примеру, пока не слишком удачны»²⁴. Действительно, возникает вопрос: откуда

²³ *Дмитриева Т.Н.* Реализация политики адаптации и интеграции мигрантов в Российской Федерации как фактор развития институтов гражданского общества: Автореф. ... канд. полит. наук. М., 2019. С. 18.

²⁴ *Крайний Я.* Мигрантов хотят перевести на «цифру» // Санкт-Петербургские ведомости. 1 окт. 2019.

возьмутся квалифицированные кадры в постсоветских государствах Центральной Азии? Однако чиновники считают, что «подготовка к поездке на работу в другое государство должна идти в стране исхода, то есть на родине мигранта»²⁵.

Сегодня надежды властей возлагаются на новую панацею – проект цифровой платформы мигранта и телефонного сервиса, благодаря которому мигрант сможет получать необходимую информационную помощь. Появление такого рода сервиса, по оценкам экспертов, позволит максимально систематизировать прием трудовых мигрантов и решать, кто, когда и на каких условиях сможет въезжать в Россию для работы.

Как уже отмечено, новое руководство городского Комитета по межнациональным отношениям и реализации миграционной политики также считает приоритетным направлением работы сегодня совершенствование системы контроля над мигрантами, а именно внедрение электронной карты мигранта. «Она нужна для контроля за миграционными потоками и оперативного учета трудовых мигрантов, – утверждает Председатель городского комитета по межнациональным отношениям и реализации миграционной политики. Такая карта – это пластиковый документ со встроенным чипом. На ней будут персональные данные гражданина: его фотография, отпечатки пальцев и информация о месте работы. Карта, – по мнению Председателя комитета, – позволит исключить подделку документов, в том числе при оформлении патента. Подобные системы успешно работают в Европе. Главное, что это будет единая электронная система. Кроме того, мы получим информацию о работодателе, а это позволит выявлять нарушения трудового законодательства с их стороны»²⁶. Таким образом, сверхзадача и этого нового проекта также не интеграция мигрантов в принимающее общество, а все то же упорядочение миграционных потоков и установление теперь уже электронного контроля над мигрантами.

В результате руководство Комитета по труду и занятости населения Санкт-Петербурга и ГАУ «Центр трудовых ресурсов» следующим образом видит перспективные меры по контролю ситуации на рынке труда Санкт-Петербурга:

- продолжить работу по введению в Санкт-Петербурге патента в форме карты с электронным носителем информации на базе карт платежной системы «Мир», который позволит осуществлять выплаты заработной платы на

²⁵ См.: Петербургский дневник. 2019. № 206 (2172). 5 нояб. С. 9.

²⁶ См.: «Если оставить нашу сферу без внимания, будет хаос» // Петербургский дневник. 2019. № 206 (2172). 5 нояб. С. 9.

карту мигранта и будет содержать информацию об ИНН иностранного работника, полисе ДМС, сроках оплаты авансированного НДФЛ, об адресах постановки на миграционный учет и др.;

- продолжить проработку вопроса создания электронного реестра трудовых договоров иностранных работников, осуществляющих трудовую деятельность в Санкт-Петербурге;
- принять меры по усилению структуры отдела противодействия нелегальной миграции УВМ ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области для действенного контроля за соблюдением миграционного законодательства Российской Федерации физическими и юридическими лицами Санкт-Петербурга, а также по привлечению представителей Комитета по труду и занятости населения Санкт-Петербурга к участию в локальных оперативно-профилактических мероприятиях, направленных на выявление фактов несоблюдения иностранными гражданами режима пребывания на территории РФ и нарушения работодателями правил привлечения и использования иностранных работников;
- продолжить развитие механизма организованного набора трудовых мигрантов.

Таким образом, задача адаптации и интеграции иммигрантов в принимающее общество городскими властями практически не ставится или носит имитационный характер, поскольку считается, что ее могут решать национально-культурные автономии.

В Москве обеспечение адаптации и интеграции мигрантов связано с реализацией нескольких ключевых направлений.

Что касается сферы образования, то можно отметить, что в этом вопросе накоплен достаточно значимый опыт. В 2006 г. Департаментом образования Москвы были созданы специальные школы русского языка для детей-инофонов, однако их количество в ходе процесса реорганизации системы образования и объединения школ в учебные комплексы значительно сократилось. С конца 2000-х годов в Москве стал реализовываться проект, направленный на ускорение адаптации детей мигрантов в системе школьных образовательных и дошкольных воспитательных учреждений, включавший порядка 300 школ с годовичными группами языковой адаптации «Русский как иностранный» и ряд детских садов с программами дошкольной интеграции детей мигрантов.

В настоящее время обучение мигрантов русскому языку в городе Москве регламентируется государственной городской

программой «Развитие образования города Москвы («Столичное образование»)). Ключевой целью является обеспечение учащимся, являющимся детьми мигрантов, возможности изучения русского языка как неродного²⁷. К 2019 г. Институт образования Национального исследовательского университета России определяет численность детей мигрантов в 60 тыс. человек в городе.

Текущая программа в отличие от первоначальной реализуется на федеральном уровне и в этом отношении имеет ряд типичных проблем для других регионов.

Во-первых, переход от специализированных школ к обучению детей-мигрантов в обычных школах, как отмечают специалисты, в ряде случаев организационно и кадрово недостаточно обеспечен. С одной стороны, не проработан вопрос о разработке специальных методик обучения, которые бы не опирались исключительно на традиционные учебно-методические материалы²⁸, с другой – высокая загруженность преподавателей, особенно необходимость составления формально-отчетной документации, нередко приводит к ситуации, когда педагоги занимаются вопросом реализации образовательных программ для мигрантов по остаточному принципу²⁹.

Во-вторых, на фоне высокого потенциала интеграции подростков серьезной проблемой является слабая возможность контролировать участие детей в образовательном процессе. В одном случае это связано с невозможностью по тем или иным причинам родителей поддерживать легальный статус на территории РФ (законодательное требование периодически осуществлять выезды за пределы российской юрисдикции при отсутствии регистрации), что приводит к тому, что ребенка забирают из школы, лишая мощ-

²⁷ *Зиновьева Т.И., Афанасьева Ж.В.* Исследование поликультурного состава современной начальной школы города Москвы // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: «Педагогика и психология». 2015. № 1 (31). С. 65–70.

²⁸ Долой учебники. Реально ли детям мигрантов получить нормальное образование в российских школах // Мигранты сегодня. 7 ноября 2018 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.migrant-today.ru/2018/11/doloy-uchebniki-realno-li-detyam-migrantov-poluchit-normalnoe-obrazovanie-v-rossijskih-shkolah/>

²⁹ Дети мигрантов в московских школах: Соцсети и интернет-ресурсы заполнены негативными рассказами жителей Москвы // K-News. 04.09.2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://knews.kg/2019/09/04/deti-migrantov-v-moskovskih-shkolah-sotsseti-i-internet-resursy-zapolnny-negativnymi-rasskazami-zhitelej-moskvy/>

ного канала адаптации. Недавний запрет на регистрацию по месту трудоустройства в 2018 г. объективно усиливает данную проблему. В другом случае достаточно распространена практика крайне пассивного отношения к вопросу образования детей со стороны мигрантов, особенно в семьях без знания русского языка, что делает крайне сложным налаживание диалога по данному вопросу.

В-третьих, в московских школах устоявшейся практикой стало требование наличия у их родителя, как минимум, трехмесячной московской регистрации. Фактически преимуществом становится регистрация в микрорайоне расположения школы. При этом отсутствие регистрации вообще либо в прилегающем микрорайоне на практике служит основанием для отказа администрации при приеме в школу ребенка. Данный порядок практикуется в школах даже несмотря на ратификацию Россией Конвенции о правах ребенка ООН, гарантирующей данное право независимо от наличия подобной регистрации³⁰. При этом в перечне документов, необходимых для записи ребенка в первый класс, наличие регистрации не подразумевается, а пункт 15 напрямую указывает, что отсутствие подтверждающих регистрацию документов не может служить основанием для отказа в приеме в образовательное учреждение³¹.

В этом отношении можно пока констатировать, что адаптация детей мигрантов имеет в значимой степени стихийный характер и управляется крайне ограниченно. С другой стороны, региональные органы власти очень ограниченно могут повлиять на данный процесс в рамках общероссийской системы школьного образования. Вместе с тем в отчетах о ходе реализации государственной программы «Столичное образование» данная компонента никак не выделена, хотя сама проблематика была в явном виде заявлена в программе, что в целом говорит о невысоком уровне приоритетности данного направления.

В случае совершеннолетних трудовых мигрантов, согласно действующему законодательству, обязательным для получения вида на жительство и официального трудоустройства является прохождение официального экзамена на знание русского языка.

³⁰ Зайончковская Ж.А. и др. Мигранты глазами москвичей // Демоскоп Weekly. 2014. № 605–606. С. 1–28.

³¹ Приказ Департамента образования города Москвы от 16 марта 2010 г. № 681 «О правилах приема детей в первый класс государственных образовательных учреждений системы Департамента образования города Москвы, реализующих основные общеобразовательные программы (с изменениями на 1 февраля 2011 года)» [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/537900404> (доступно 20.10.2019).

Постановление Правительства Москвы № 790-ПП от 22 декабря 2014 г. предполагает сдачу официального экзамена по русскому языку, истории и основам законодательства РФ. С введением патентной системы процесс легализации статуса трудовыми мигрантами значимо ускорился, что позволило одновременно задействовать образовательную компоненту для задач базовой социализации. Можно отметить, что в целом успешный проект имеет ряд ограничений. В частности, на уровне региона отсутствует открытая статистика сдачи данного экзамена, которая могла бы указать на категории иностранных граждан (по стране происхождения), которые в меньшей степени вовлечены в процесс легализации, что косвенно позволяет говорить о проблемах с адаптацией данных лиц.

Поскольку одним из ключевых показателей высокого уровня адаптации является предпочтение мигрантами официальных механизмов и каналов взаимодействия и легализации своего статуса, то можно отметить позитивный опыт организации ГУБ «Многофункциональный миграционный центр».

Во-первых, высокая оперативность и возможность получить базовые для трудовых мигрантов услуги в одном месте позволили значительно уменьшить теневой рынок получения патентов на работу и другой разрешительной документации, который формировался недобросовестными посредниками по подготовке документов. При этом новый порядок обеспечивает стабильную работу с трудовыми мигрантами. Например, в первом полугодии 2019 г. иностранным гражданам выдано 261 тыс. патентов³², что мало отличается с результатами за первое полугодие 2015, года специалисты центра смогли обработать более 300 тыс. заявлений иностранных граждан и выдали 265 тыс. патентов на работу³³.

Во-вторых, в ходе своей деятельности Центр смог обеспечить информирование иностранных граждан, прибывающих в Москву. В частности, была достигнута договоренность с двумя российскими авиакомпаниями о распространении во время полета иллюстрированных брошюр на узбекском и таджикском языках, содержащих исчерпывающую информацию о правилах официального трудоустройства в Москве, в част-

³² Почти 210 тысяч трудовых патентов оплатили с помощью QR-кода за полгода. Официальный сайт Мэра Москвы. 9 августа 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mos.ru/news/item/60123073/>

³³ Расследование РБК: кто зарабатывает на мигрантах // РБК. 20 июля 2015 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/20/07/2015/55a269449a7947fa0ba06593>

ности правилах получения патента на трудовую деятельность в Многофункциональном миграционном центре³⁴.

В-четвертых, взаимодействие Центра с работодателями позволяет влиять на доступ мигрантов на рынок труда через предоставление возможности трудоустройства во время нахождения в Центре. По собственным оценкам, трудоустройство мигрантов через Центр составляет около 10%.

В-третьих, по мере все более широкого использования цифровых технологий трудовыми мигрантами цифровая компонента в значительной степени учитывается при оказании Центром своих услуг. В частности, основные разделы сайта Центра переведены на наиболее востребованные языки: украинский, таджикский, узбекский, азербайджанский, молдавский. При этом сервис личного кабинета, позволяющий оплачивать патент и следить за своим статусом, реализован только на русском языке.

С точки зрения оценки деятельности Центра посетителями можно отметить зачастую достаточно полярные мнения. Анализ отзывов посетителей позволяет говорить, что с недостатками работы Центра сталкиваются чаще всего русскоговорящие иностранные граждане. Среди основных претензий к работе Центра можно выделить следующие³⁵:

- неудобное место расположения (большая удаленность от центра Москвы);
- низкий уровень комфорта в циркулирующем по маршруту транспорте (недостаточно маршрутов, теснота);
- низкий уровень квалификации принимающих документы сотрудников (недостаточно инструктированы по регламенту, вероятность отклонения первоначально принятых документов, частое отсутствие стандартизованных требований, халатное отношение);
- отсутствие гибкости в выборе дня подачи (отсутствие электронной записи);
- отсутствие необходимой информации (образцы заполнения документов);
- хамство (грубость, пренебрежительное отношение к посетителям).

Подобные проблемы могут быть связаны как с желанием максимально монетизировать процедуру обращения в Центр

³⁴ Миграционный центр Москвы расширяет географию информирования трудовых мигрантов. 13 октября 2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://mc.mos.ru/ru/about/piece-of-news/233>

³⁵ Анализ отзывов произведен по сервисам yandex.ru и otzovik.com.

(практики отказа от приема документов, полученных в других местах и др.), так и ориентацией Центра на трудовых мигрантов из Средней Азии. При всей неоднозначности оценок Центра действительной проблемой является ограниченная возможность обеспечения публичного аудита работы организации на предмет злоупотреблений (строгий пропускной режим, запрет на вход для граждан РФ в большинстве случаев).

Что касается вовлечения трудовых мигрантов в институты гражданства, то формально заключенными ранее международные договоры и их сопоставление с положениями действующего законодательства России позволяет говорить, что граждане Киргизии, Туркменистана и Белоруссии, постоянно легально проживающие на территории Российской Федерации, обладают правом избирать и быть избранными в органы местного самоуправления.

Однако в настоящий момент нет оснований говорить о значимом уровне интеграции трудовых мигрантов в процессы формирования политической жизни страны, хотя эксперты отмечают рост участия мигрантов на выборах в муниципалитеты и в проводимых официальных публичных мероприятиях. В целом же характер подобного участия не позволяет говорить о зрелом уровне гражданского и политического сознания.

С другой стороны, формирование моноэтнических диаспор и сетей этнической поддержки на территории Москвы создает запрос у политических организаций из постсоветских республик на вовлечение своих граждан в политические процессы на исторической родине³⁶. В отдаленной перспективе подобная деятельность способна активизировать политическое сознание трудовых мигрантов, вовлекая их и в проблемы внутриполитической общественной и политической повестки.

В настоящий момент в Москве не реализуются специальные программы интеграции трудовых мигрантов в области социальной политики, но при этом данный вопрос достаточно актуален.

Современные исследования показывают несколько видов барьеров, с которыми сталкиваются трудовые мигранты, прежде всего из Средней Азии, при поиске медицинской помощи в Москве.

Во-первых, ненормированный рабочий день без регулярных выходных при отсутствии доступа к трудовым правам (в первую

³⁶ Казаков М. Партия двух миллионов мигрантов: в Москве создано новое политдвижение таджикских гастарбайтеров и беженцев // Настоящее время. 18 сентября 2019 года [Электронный ресурс]. URL: <https://www.currenttime.tv/a/tajikistan-party-opposition-migrants/30168720.html>

очередь право на оплачиваемый отпуск по болезни) приводит к тому, что мигранты часто не имеют возможность посетить врачей. Во-вторых, частое отсутствие необходимых документов и медицинской страховки сопровождается ограниченным знанием своих прав и доступного объема услуг в рамках официальной медицинской инфраструктуры. Фактор боязни мигрантами недостаточности официальных документов часто влияет на нежелание обращаться в официальные лечебные учреждения. На фоне ограниченности материальных средств накапливаются дискриминационные практики со стороны москвичей, что приводит к крайне высокой степени исключения из системы медицинского обслуживания.

Следствием этого становится формирование параллельной инфраструктуры здравоохранения для трудовых мигрантов, которая в значительной степени не имеет подобных барьеров. Например, «киргизские клиники» являются популярным местом обращения и имеют достаточную репутацию среди мигрантов. Клиники дают рекламные объявления в газетах, пишущих на киргизском и узбекском языках и распространяемых в Москве³⁷.

Другой стратегией интеграции мигрантов в систему оказания медицинской помощи являются неформальные контакты работодателя или помощь соотечественников-«волонтеров», обеспечивающих первичные консультации и направление к специалисту.

В целом это приводит к сохранению доминанты «здоровый мигрант» в стратегии поведения, когда обращение за помощью происходит на поздних стадиях болезни, что объективно ограничивает контроль серьезных заболеваний (ВИЧ, туберкулез, гепатит) и состояний (беременность).

Что касается защиты от дискриминации, то реализуемые мероприятия городской программы «Безопасный город» касаются снижения проявлений экстремизма, они также содержат компоненты, которые повышают тревожность и не улучшают восприятие трудовыми мигрантами процедур взаимодействия с представителями официальных органов власти (реализация направления по снижению уровня незаконной миграции). В этом отношении фиксируемое последние пять лет снижение активности радикальных и экстремистских националистических организаций, что объективно снизило риск безопасности для мигрантов, было характерно для всей страны и не связано напрямую с деятельностью столичного правительства.

³⁷ Деминцева Е.Б., Кашицкий Д.С. Медицинская помощь мигрантам из Средней Азии в Москве в условиях социальной исключенности // Вестник российской нации. 2015. № 4. С. 214–226.

Что касается региональных органов власти, ответственных за реализацию стратегии адаптации и интеграции трудовых мигрантов, основным подразделением Правительства Москвы является Департамент межнациональных отношений. Основное направление работы заключается в организации и финансировании мероприятий, направленных на интеграцию компоненты многоэтнического и многоконфессионального характера столицы в области культуры и истории, образования, молодежной политики и проч. Анализ мероприятий 2018–2019 гг. позволяет говорить о культурно-фестивальном характере политики Департамента и одновременно об отсутствии просветительских или молодежных проектов, посвященных действительно острым проблемам интеграции мигрантов в социум. Участие национально-культурных автономий в данном случае не является эффективным каналом коммуникации с аудиторией трудовых мигрантов.

В заключение отметим, что миграционная ситуация в РФ и политика интеграции трудовых мигрантов является объектом пристального внимания со стороны Совета Европы. Специальный представитель генерального секретаря Совета Европы по вопросам миграции и делам беженцев Томаш Бочек в апреле 2019 г. представил коллективный экспертный отчет о соблюдении прав и свобод иммигрантов и беженцев в процессе интеграции, при этом приводилась сравнительная оценка 11 стран–членов Совета Европы, в число которых вошла и Россия³⁸.

В результате авторы отчета сделали вывод о том, что у российского правительства отсутствует стремление к формированию цельной и эффективной миграционной и интеграционной политики. Это приводит к тому, что разность культур, языка, обычаев мигрантов и принимающего населения ведет к нарастанию противоречий между двумя сторонами, провоцирует межэтнические конфликты и способствует маргинализации иммигрантов.

Характерно, что многие респонденты-москвичи также выражают мнение, что миграционная политика РФ не эффективна, однако их, прежде всего, беспокоит не нарушение прав мигрантов, а слишком большое количество нелегальных мигрантов на территории Москвы³⁹.

³⁸ Issue Paper. Human rights aspects of immigrant and refugee integration policies // Council of Europe [Электронный ресурс]. URL: <https://rm.coe.int/168093de2c> (дата обращения 06.09.2019).

³⁹ Лебедева Н., Зубова Д. Психологическая адаптация москвичей к культурному многообразию: опыт качественного исследования // Межкультурные отношения на постсоветском пространстве / Под ред. Н.М. Лебедевой. М.: Менеджер, 2017. С. 131.

Глава 3

Место и роль институтов гражданского общества в реализации политики адаптации и интеграции трудовых мигрантов

Как правило, исследователи выделяют три типа структур гражданского общества в Российской Федерации по критерию их взаимоотношений с органами государственной власти:

1. Младшие партнеры/клиенты власти.
2. Находящиеся в оппозиции к власти.
3. Решающие локальные проблемы без участия государства.

Этнический сегмент российского гражданского общества преимущественно можно отнести к первому типу структур. Он пока что находится на стадии формирования и не является в полной мере самостоятельным. Исследователи указывают, что в нашей стране наблюдается скорее патерналистский характер взаимодействия между властью и этническими организациями (НКА), т. е. основную и решающую роль играют государственные структуры¹. Число некоммерческих объединений растет, но они нуждаются в большем поощрении и стимуляции к общественно полезным видам деятельности со стороны государства. Нехватка ресурсов и наличие параллельно существующих НКА, претендующих на представительство интересов одного народа, порождает конкуренцию за доступ к ресурсам, которые представляет российское государство. В результате крупные и организованные ассоциации получают доступ к власти и львиную долю ресурсов. В то же время малые организации жалуются на неравенство возможностей и «монополизацию» представительства сильными НКА.

Поэтому не следует переоценивать возможности НКА в осуществлении политики интеграции мигрантов. Как показывает опыт ряда европейских стран с гораздо более развитыми институтами гражданского общества: «Ассоциации не достигают уровня

¹ Тишков В.А. Понимание этнокультурного разнообразия и оценка российской полиэтничности: Материалы семинара «Роль институтов гражданского общества в снижении межэтнической напряженности» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iea-ras.ru/index.php?go=News&in=view&id=399> (дата обращения 22.09.2019).

ожидаемого участия, и из-за нехватки ресурсов им довольно сложно продвигать инициативы и вносить предложения, которые были бы действительно полезны в вопросе интеграционной политики». В частности, испанские исследователи Р. Лозано и М. Абусси считают, что основными ограничениями в деятельности таких ассоциаций являются: 1) перманентная нехватка активных членов; 2) недостаток знаний и навыков эффективного управления организацией; 3) ассоциации не имеют полного доступа к необходимой информации; 4) недостаточное финансирование их деятельности; 5) отсутствие инфраструктуры для проведения мероприятий, встреч и т. д.; 6) отсутствие внимания со стороны СМИ².

В свою очередь, российский исследователь пишет о четырех факторах, определяющих эффективность работы НКО по адаптации и интеграции иммигрантов:

- 1) соединение в лице руководителя объединения формального и неформального лидерства в этносообществе;
- 2) готовность лидера объединения к мобилизации членов сообщества к участию в адаптационно-интеграционных мероприятиях;
- 3) наличие возможностей по финансированию мероприятий;
- 4) логистический аспект мероприятий³.

Характерно, что наряду с различиями есть пересечения в определении факторов ограничения деятельности НКА в европейских странах и в России.

Более того, в связи с образованием большого количества национально-культурных автономий (только в Санкт-Петербурге их сегодня более 130) актуальной и конфликтогенной проблемой становится «конкуренция НКА разных уровней, прежде всего конкуренция региональных и местных НКА, НКА регионального уровня и региональных отделений федеральных национально-культурных организаций – союзов. Типичными явлениями становятся противоречия между одноименными НКА. Они проявляются в организации и проведении мероприятий, в разработке

² *Aboussi M., Raya Lozano E. y Espadas Alcázar M.A. Asociacionismo inmigrante, tercer sector y administración pública en Andalucía: dimensiones de política, necesidades de gobernanza y oportunidades para la ciudadanía active / En E. Raya Lozano, M.Á. Espadas Alcázar y M. Aboussi (Coords.) Inmigración y ciudadanía activa. Contribuciones sobre gobernanza participativa e inclusión social (P. 87–119). Barcelona: Icaria editorial, 2014.*

³ *Дмитриева Т.Н. Реализация политики адаптации и интеграции мигрантов в Российской Федерации как фактор развития институтов гражданского общества: Автореф. ... канд. полит. наук. М., 2019. С. 20–21.*

социальных программ, в обозначении позиции взаимодействия с другими НКА, с институтами гражданского общества, с институтами церкви и с органами власти и управления»⁴.

Многие национально-культурные автономии и этнонациональные организации, представляющие в России народы ближнего зарубежья, отличает непрозрачность функционирования, незначительность социальных и экономических ресурсов, как следствие слабая вовлеченность в них «новых» мигрантов. В большой степени они имеют презентационный характер. Часто их лидеры используют свой статус руководителя в качестве инструмента для достижения своих личных либо узкогрупповых политических, экономических и иных целей, что, в свою очередь, продуцирует воспроизводство клиентелизма и коррупции.

Основу социальной активности национально-культурных объединений в РФ в отношениях с государством, утверждает В.Р. Филиппов, «составляет именно борьба за выделение материальных средств на проведение тех или иных культурных мероприятий (чаще всего это организация традиционных народных праздников или концертов фольклорных самодеятельных коллективов), а также за предоставление офисов, оргтехники и проч. В конечном счете многие “национальные” лидеры стремятся стать государственными чиновниками “по этнокультурному ведомству”» – отмечает эксперт⁵.

Роль НКА чрезмерно завышена, пишет другой эксперт. Фактически национально-культурные автономии не имеют самостоятельности, они превратились в придаток органов власти и управления. Произошло дальнейшее огосударствление их деятельности, искусственное расширение их полномочий до сферы ответственности в борьбе с экстремизмом, терроризмом и адаптации мигрантов-иностранцев в российской среде⁶.

В России устойчивым стереотипом стало восприятие государственной национальной политики как политики, ориентированной исключительно на удовлетворение нужд миноритарных

⁴ Аствацатурова М.А., Тишков В.А., Хоперская Л.Л. Конфликтологические модели и мониторинг конфликтов в Северо-Кавказском регионе. М., 2010. С. 90.

⁵ Этнические процессы в столичном мегаполисе / Отв. ред. В.Р. Филиппов. М.: ИА РАН, 2008. С. 190.

⁶ Ерофеев Ю. Национально-культурная автономия или этнокультурное объединение? // The Finno-Ugric mediacentre FINUGOR.RU. URL: <http://finugor.ru/news/yu-erofeev-nacionalno-kulturnaya-avtonomiya-ili-etnokulturnoe-obedinenie-0> (дата обращения 22.10.2019).

этнокультурных групп. Поэтому «национальная» миграционная политика в крупных российских городах преимущественно понимается как патронаж в отношении этнокультурных объединений (национально-культурных автономий). В результате контрагентами чиновников часто «выступает крайне ограниченный круг “национальных лидеров”, руководствующихся в своих действиях преимущественно личными амбициями», но выступающих от имени «национальных общин». Однако «...все разговоры о цельных и структурированных “национальных общинах”, отношения между которыми и государством якобы надо “регулировать”, – не более чем продукт воображения»⁷.

В чем иллюзорность такого понимания задач иммиграционной политики, понять нетрудно. Как показали исследования петербургских социологов, «...ориентация на этничность в среде недавних экономических мигрантов носит ситуативный характер и часто не является определяющей при выборе ими жизненных стратегий, в том числе трудовых»⁸, многое зависит от среды, в которую они попадают. Как пишет социолог А.Г. Вишневский: «Издавна известны институциональные формы, которые помогают пришлому населению одновременно существовать в “двух средах” и тем самым облегчают адаптацию. Одна из наиболее известных с давних времен форм мирного взаимодействия пришлого населения с местным – это существование в диаспоре»⁹...

⁷ Этнические процессы в столичном мегаполисе... С. 7.

⁸ См.: *Бредникова О., Панченков О.* Азербайджанские торговцы в Петербурге: между «воображаемыми сообществами» и «первичными группами» // *Диаспоры.* 2011. № 1.

⁹ Однако в научной литературе нет общепринятого ответа на вопрос, что такое диаспора. Так, по определению Доминик Шнаппер, важнейшие признаки диаспоры – это «минимальная институализация экономических, политических и идентитарных контактов между различными общинами рассеянного народа, стабильность отношений с принимающим обществом, особая форма стремления к единству и «возвращению», даже если оно остается лишь в сфере воображаемого». Если исходить из этого определения, то иммигранты в России не образуют диаспор. Если же исходить из определения Г. Шеффера: «сильное чувство идентичности; солидарность по отношению к членам общины и политическая, религиозная или культурная самоорганизация на уровне группы; различные формы контактов с территорией или страной происхождения» (цит. по: *Танзи А. де.* Великая миграция: Россия и россияне после падения железного занавеса. М., 2012. С. 14), то в России существуют иммигрантские диаспоры, но они не включают новых трудовых мигрантов.

Однако сегодня задача диаспоры не культурная изоляция и сохранение культурной идентичности, а максимальное облегчение «вхождения иммигранта в новую для него социальную и культурную среду, сохраняя только те элементы культурной самобытности, которые этому не препятствуют, а иногда не сохраняя даже и их. ...Теперь диаспора должна быть ориентирована не столько на то, чтобы обособить вновь прибывшего мигранта от принимающего общества, сколько на то, чтобы помочь ему как можно быстрее вписаться, интегрироваться в него»¹⁰.

Однако В.И. Дятлов при рассмотрении приспособления мигранта к новым условиям описал две стратегии диаспорализации (процесса формирования диаспор):

- 1) создание собственных этнически маркированных социальных сетей, главными субъектами которых выступают только что приехавшие мигранты, использующие созданные сети для адаптации в принимающем обществе;
- 2) создание собственных этнически маркированных социальных сетей путем актуализации этнической идентичности, где ведущая роль принадлежит мигрантам, интегрированным в принимающее общество¹¹.

Естественно, в более выигрышном положении, в том числе в отношениях с властями, оказываются диаспоры, созданные давними мигрантами, интегрированными в принимающее общество.

Так, социологи обнаружили, что этнические диаспоры в Санкт-Петербурге, в частности азербайджанская, «состоит из различных социальных сред, которые относительно замкнуты и слабо взаимодействуют между собой. Обнаружились жесткие границы между, по крайней мере, двумя сообществами»¹². Первое состоит из хорошо интегрированных и достигших определенного статуса в различных сферах деятельности петербуржцев, «которые в свободное от основной работы время могут позволить себе быть “азербайджанцами”... Одни из них сделали этничность своим хобби, другие – профессией. Они претендуют на то, чтобы представлять интересы “всех азербайджанцев Петербурга”, выступать

¹⁰ Вишневский А.Г. Миграционная стратегия России и политика толерантности // Национальный психологический журнал. 2011. № 2 (6). С. 93.

¹¹ Дятлов В.И. Мигранты и принимающее общество: стратегии и практики адаптации (на примере Иркутска). URL: http://www.buk.irk.ru/exp_seminar/3/3_dyatlov.pdf

¹² Панченков О.В. Роль «этнической идентичности» в исследованиях миграции и ответственность социального ученого // Журнал социологии и социальной антропологии. СПб., 2008. № 1. С. 169.

в качестве посредников между “диаспорой” и государственными/городскими властями.

Между тем существует другое (более массовое. – В. А.) сообщество – недавние экономические мигранты. Граница между этими сообществами лежит не в этническом измерении, но основывается на нескольких взаимосвязанных критериях: время проживания в городе, степень интегрированности, различный социальный статус и прочее»¹³.

Эту проблему неоднородности этнических диаспор и разной степени представленности таких групп внутри национально-культурных автономий особо отмечает и академик В.А. Тишков, который пишет: «...часто группа людей, объединенных в национально-культурную автономию, пытается представить интересы всего народа. Между тем в подобных организациях трудно предусмотреть демократические процедуры выборов. Поэтому организации, национально-культурные автономии говорят и пишут о том, чего могут не разделять тысячи и десятки тысяч представителей народа. Из-за этого зачастую возникают конфликтные ситуации, чреватые серьезными последствиями в полиэтнических регионах»¹⁴. В.Р. Филиппов приводит весьма характерное высказывание представителя Ассоциации ассирийцев Москвы Р. Биджамова: «Очень больной для всех нас вопрос – это вопрос о легитимности национально-культурных организаций. Не секрет, что большинство из них являются на самом деле своего рода группами по интересам, клубами; это квазиорганизации, которые не имеют прочных связей со своей этнической средой и зачастую возглавляются непрофессиональными, некомпетентными, амбициозными и далекими от демократических традиций лидерами»¹⁵. Поэтому абсолютно иллюзорны надежды и чиновников городских правительств, и некоторых социологов, как и лидеров оппозиционной «Справедливой России» на то, что этнические диаспоры смогут решить все проблемы больших городов России, связанные с массовой иммиграцией¹⁶.

¹³ *Панченков О.В.* Роль «этнической идентичности» в исследовании миграции и ответственность социального ученого // Журнал социологии и социальной антропологии. СПб., 2008. № 1. С. 169–170.

¹⁴ *Тишков В.А.* Этническое и религиозное многообразие – основа стабильности и развития российского общества: Статьи и интервью. М., 2008. С. 16.

¹⁵ Этнические процессы в столичном мегаполисе / Отв. ред. В.Р. Филиппов. М., 2008. С. 7–8.

¹⁶ В открытом письме Оксаны Дмитриевой к ВРИО губернатора Санкт-Петербурга предлагается следующее: «Есть простейшие способы

Даже чиновники, отвечающие за осуществление этнополитики, признают слабое влияние руководителей национально-культурных автономий, региональных общественных организаций на своих соотечественников, пребывающих и проживающих на территории крупных российских городов. Тем не менее в случае игнорирования государством интересов новых этнических сообществ и недостаточного внимания к взаимодействию и координации своих действий с НКА результатом может быть перетекание социальной активности «пассионарных» личностей и их объединений в деструктивное русло и отказ от сотрудничества с институтами государства. Подобные процессы также потенциально могут создать условия для роста социальной конфликтности.

В то же время власти должны не только использовать селективный подход при определении акторов политики интеграции – получателей государственной поддержки, но и не должны конституировать право лидеров национально-культурных автономий выступать от имени всей совокупности лиц, относящихся (или отнесенных) к той или иной «национальности». Необходимо также помнить, что коллективные права этнокультурных объединений не могут ставиться выше индивидуальных прав на свободный выбор форм реализации своей этнокультурной идентичности.

В идеале существующие в городах России национально-культурные объединения действительно могут взять на себя часть забот по адаптации и интеграции вновь прибывающих трудовых иммигрантов в российское общество. Однако их потенциал в качестве главных проводников политики интеграции незначителен, да и он зачастую используется не в полной мере.

Как считают некоторые эксперты, пока называть эти этнокультурные организации элементами гражданского общества России, как это делают их лидеры, невозможно, поскольку они не предназначены для самоорганизации граждан. В лучшем случае эти организации выполняют функцию посредника между властями и представителями этнических групп в деле распре-

в кратчайший срок избавить петербуржцев от чувства раздражения тем, что происходит сегодня в миграционной политике города. Заключите публичный общественный договор со всеми национальными диаспорами. Они наведут порядок в своих рядах быстрее, чем наша доблестная полиция. По своим – неписаным, но жестко соблюдаемым – национальным законам» (Справедливая Россия, СПб., 2011, авг. № 7 (24). С. 1). От этого «простого» решения сложной проблемы так и веет популизмом.

деления ресурсов. Поэтому их можно также рассматривать как лоббистов¹⁷. Тем не менее по-прежнему наличие в том или ином регионе этнокультурных ассоциаций, финансируемых в рамках официально утвержденных программ из государственного и регионального бюджетов, служит важнейшим показателем успеха политики в сфере «межнациональных отношений». Для того чтобы отчитываться перед вышестоящими властными структурами, чиновникам от этнополитики «необходимо иллюстрировать свою деятельность перечнем конкретных мероприятий, осуществленных за отчетный период, – мероприятий зримых и очевидных. При этом важно заметить, что кропотливая, последовательная, но малозаметная работа по формированию российской идентичности зримым достижением быть не может, а различные фольклорно-фестивальные мероприятия, часто демонстрирующие не столько многообразие культур, сколько культурную отличительность и культурные границы внутри российского социума, есть очень удобная форма отчета, которая удовлетворяет чиновников в регионах и в Центре. Бюрократическая традиция заставляет не только “визуализировать” национальную политику, но и идеализировать характер межэтнических отношений в национальных республиках (и городах России), что никак не помогает решать наиболее сложные проблемы реальной этнополитики», – отмечает Ю.П. Шабаев¹⁸. Причем эта показная этнополитика никогда не мешала возникновению конфликтов, когда представители «коренного населения» претендуют на исключительное владение «своей» территорией и требуют сохранения разного рода преференций для себя. Появление массовых категорий «пришлых» создает потенциал конфликта, которые периодически прорываются наружу в насильственной форме, и зачастую жертвами насилия становятся случайные люди, идентифицируемые в качестве «чужих» на основании фенотипических или «этнических» отличий.

Однако наряду с НКА в сфере адаптации и интеграции мигрантов в Москве и Санкт-Петербурге ведут свою малозаметную, но очень полезную деятельность некоммерческие организации (НКО), осуществляющие:

¹⁷ См.: *Шабаев Ю.П., Чарина А.М.* Региональные этноэлиты в политическом процессе (финно-угорское движение: становление, эволюция, идеология, лидеры). Сыктывкар: КРАГСиУ, 2008. С. 229.

¹⁸ См.: *Шабаев Ю.П.* Этнополитика в современной России: политические практики и институциональные ресурсы управления // Социология и социальная антропология. 2014. № 2.

1. *Информационную поддержку мигрантов* («уголки мигранта» на базе библиотек; информационные пункты; информационные плакаты о местах получения бесплатной помощи и др.).

2. *Бесплатную правовую поддержку мигрантов* (очное и заочное («горячая линия») консультирование; выезды к работодателям; взаимодействие с мигрантской инфраструктурой и др.).

3. *Языковую и культурную адаптацию взрослых и детей мигрантов* (бесплатные курсы по изучению русского языка и культуры региона; детские лагеря, экскурсии в музеи; помощь в устройстве в детские сады и школы, издание методических материалов и обучение преподавателей).

4. *Повышение потенциала и квалификации специалистов, работающих с мигрантами* (подготовка и издание методических материалов: по организации работы с мигрантами для национально-культурных организаций, для органов местного самоуправления, сборники лучших практик адаптации мигрантов, пособия по предвыездной подготовке мигрантов, проведение тренингов и семинаров, консультационная и информационная поддержка).

5. *Помощь в повышении потенциала самого мигрантского сообщества* («Школа защитника прав мигранта», «Школа адаптации», «Мигранты советуют мигрантам», «Конкурс инициатив по адаптации», подготовка мигрантов-волонтеров и др.).

6. *Мониторинг и анализ ситуации* (получение информации от самих мигрантов, мониторинг положения мигрантов, доступности услуг, уровня адаптации иностранных студентов и др.).

В Санкт-Петербурге решение перечисленных выше задач берут на себя такие НКО, как: БФ «ПСП-фонд», Санкт-Петербургское отделение Российского Красного Креста, благотворительный «Фонд помощи трудовым мигрантам из Средней Азии», «Комитет гражданское содействие», «Дети Петербурга» и др. Однако деятельность НКО получает крайне скромную поддержку со стороны городской власти¹⁹. При этом в некоторых вопросах участие НКО является незаменимым, поскольку оно

¹⁹ Так, еще в начале 2015 г. пятилетняя работа «Фонда помощи трудовым мигрантам из Средней Азии», которая финансировалась петербургским производственным холдингом «Белоусов групп», прекратилась по причине экономического кризиса и отсутствия поддержки со стороны городских властей. Как с горечью замечает советник по международным отношениям петербургского производственного холдинга «Белоусов групп» Марина Мельник, курировавшая этот фонд: «По-видимому, трудовые мигранты из Центральной Азии российским госструктурам не интересны».

позволяет как обеспечивать коммуникацию с трудовыми мигрантами в сложных ситуациях, так и оценивать существующие проблемы их адаптации и интеграции. Например, в вопросе охраны здоровья и сложных жизненных ситуаций деятельность НКО становится незаменимой, поскольку официальные каналы в решении этих проблем практически закрыты. В частности, в настоящее время в Москве и Московской области на регулярной основе действуют только три негосударственных приюта, которые предоставляют помощь женщинам (иногда мужчинам), оказавшимся без поддержки и часто без необходимых документов с ребенком на руках²⁰.

Результаты изучения проблемы взаимодействия власти и институтов гражданского общества позволяют сделать вывод о том, что государственные органы власти (управленцы), общественные организации (НКО), как и научное сообщество, зачастую занимаются миграционной тематикой независимо друг от друга. Эта несвязность деятельности снижает эффективность миграционной политики и лишает мигрантов и местное население конкретных мер по решению миграционных проблем. Во многом это «параллельное существование» связано с закрытостью и органов государственного управления, и общественных организаций. Эксперты подчеркивают, что многие из НКО, особенно работающие с этническими общностями, диаспорами, неохотно идут на контакт с властью и предпочитают тихо и незаметно осуществлять свою деятельность. Во многих случаях деятельность общественных организаций носит исключительно волонтерский характер и не может выходить за пределы информационно-консультативной или культурно-просветительской работы из-за отсутствия материальных средств²¹.

²⁰ Пешкова В.М., Рочева А.Л. Мигрантки из Средней Азии в большом городе и беременность: выбор, проблемы, перспективы // Демоскоп Weekly. 2013. № 555–556. С. 14.

²¹ См.: Родионова Е.В. Мигранты в Санкт-Петербурге: возможности интеграции и риски // Государственная национальная политика России: экспертное мнение / Ред. В.В. Степанов, А.В. Черных. М.: ИЭА РАН, 2018. С. 302–308.

Глава 4

Проблемы в восприятии массовой трудовой миграции членами принимающего общества

Как уже отмечено во Введении, представители иммигрантских групп, имеющих большую социальную и культурную дистанцию по отношению к членам принимающего общества, часто воспринимаются как конкуренты, в свою очередь, конкуренция способствует распространению отношения к мигрантам как к культурной и экономической угрозе, что ограничивает, путем повышения уровня дискриминации, перспективы их экономического обустройства и культурной интеграции в принимающее общество. Не случайно исследователями отмечается решающая роль воспринимаемой культурной и социальной дистанции в формировании негативных установок в принимающем обществе по отношению к мигрантам из постсоветской Центральной Азии. Среди причин неприятия часто называют несоответствие местным культурным нормам моделей поведения мигрантов, опасения за ухудшение эпидемиологической ситуации, криминогенной ситуации, условий на рынке труда, снижение качества образования в школах, где обучаются дети мигрантов, плохо владеющие русским языком¹.

При этом важное значение приобретает переживание членами принимающего общества тревоги вследствие негативных ожиданий по отношению к результатам взаимодействий с мигрантами. Характерно, что важнейшим элементом системы доказательства «чуждости» мигрантов, в том числе из других регионов России, и возможности применения в отношении них дискриминационных практик является утверждение об их «беспочвенности» – отсутствии у них «корней» в данной почве, хотя известно, что значительная часть горожан – петербуржцы в первом поколении. «Такое определение приезжих или, точнее, их дисквалификация означает одновременное утверждение, легитимацию претензий

¹ См.: Защита прав москвичей в условиях массовой миграции / Науч. ред. Ж.А. Зайончковская. М.: Центр миграционных исследований, 2014 и др.

большинства на какие-то полагающиеся ему по праву рождения или длительности срока проживания привилегии... предъявление прав на подобающие социальные позиции или занятия, которые не должны распространяться на “неместных”»². Как результат закрепленное в Конституции РФ равноправие всех народов не стало сегодня общепризнанной нормой. С тем, что все граждане России вне зависимости от национальности должны обладать равными правами, солидарны только 64% россиян. Каждый третий (31%) полагает, что русские должны иметь в России больше прав, чем другие народы. Причем идею привилегированности русских вдвое чаще разделяют сами русские, чем представители других народов (34 против 15% в среднем). В целом же 37% граждан России выступают за то, чтобы русские в Российской Федерации и «коренные» народы в национальных республиках и округах имели больше прав, чем другие³.

Московские и петербургские социологи фиксируют достаточно высокий уровень тревожности, этнической ксенофобии, исламофобии и мигрантофобии горожан. В подтверждение приведем некоторые результаты эмпирического политического исследования «Особенности политического сознания жителей российских мегаполисов в ситуации системного экономического кризиса: на примере г. Санкт-Петербурга», выполненного на базе Ресурсного центра Санкт-Петербургского государственного университета социологических и интернет-исследований в марте–апреле 2016 г.⁴

Так, угрозу конфликтов по этническому признаку (между русскими и нерусскими) петербуржцы оценивают следующим образом. Почти 2/3 респондентов (63,8%) считают данную проблему существенной, четверть – не очень серьезной (27,8%), 8,5% затрудняются выразить свое конкретное мнение. При этом мужчины, люди пожилого возраста, неработающие пенсионеры и люди с крайне низким уровнем дохода (ниже 5000 рублей в месяц) состав-

² Нужны ли иммигранты российскому обществу? / Под ред. В.И. Мукомеля и Э.А. Паина. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2006. С. 34–35.

³ Хайкин С.Р., Бережкова С.Б. Социологический мониторинг межнациональных и межконфессиональных отношений Федерального агентства по делам национальностей // Мониторинг общественного мнения. № 5 (135). 2016. Сент.–окт. С. 105–106.

⁴ См.: Негров Е.О. Потенциал конфликтного дискурса: политологическая оценка общественного мнения петербуржцев // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. 2016. Вып. 3.

ляют большую долю при выражении мнения о несущественности данной угрозы (+1,7; +2,4; 3,3% и 2,8 соответственно). Опасными такого рода конфликты считает учащаяся молодежь от 18 до 29 лет, а также управленцы (+1,7; +2,3 и +2,5 соответственно).

Вопрос о людях другой национальности вызвал очень мало сомнений у петербуржцев – лишь 1,7% респондентов затруднились с ответом. Тем не менее по ощущению опасности от присутствия таких людей рядом голоса разделились практически поровну – 49,2% такие ситуации совсем не тревожат, а 49,1% тревожат сильно или в определенной степени. Анализ стандартизованных остатков показывает следующее: совсем не тревожит указанная ситуация неработающих пенсионеров старше 60 лет (+1,9 и +2,4 соответственно). Испытывают беспокойство домохозяйки (+2,1), а сильно переживают по этому поводу прежде всего люди рабочих специальностей (+2,0) (что и понятно, поскольку именно с ними трудовые мигранты вступают в конкуренцию за рабочие места), тогда как инженерно-технические специалисты, наоборот, такого сильного переживания от присутствия рядом людей другой национальности не ощущают (–2,1).

В рамках потенциального конфликта между православными и мусульманами ситуация выглядит вполне определенной и тревожной. Почти две трети респондентов считают угрозу конфликтов на религиозной основе весьма существенной (64,9%), только чуть больше четверти не считают данную проблему серьезной (26,5%) при 8,6% неопределившихся. При анализе стандартизованных остатков выясняется следующее. Женщины оценивают опасность конфликтов между православными и мусульманами существенно выше мужчин (–2,0 против +2,4 в соответствующей рубрике). По молодежи информация противоречивая, а вот люди средних лет (40–49 лет) однозначно склонны оценивать угрозу таких конфликтов существенно сильнее, чем пенсионеры (–2,3 и +3,0 соответственно). Чем ниже уровень образования, тем, с одной стороны, больше сомнений по поводу собственной позиции, а с другой – тем ниже (что неожиданно) уровень оценки степени угрозы конфликтов на религиозной основе (+3,3 и +1,8 соответственно). Интересно, что работники управленческого аппарата весьма высоко оценивают степень таких угроз (+2,1) при низком уровне сомнения в собственной позиции (–1,7), пенсионеры, наоборот, не считают эту угрозу существенной (+2,9 и –2,0 соответственно), а позиция рядовых работников торговли достаточно противоречива (+2,9 и –2,1 соответственно). В то же время те, кто относит себя к среднему слою, оценивают степень угрозы межрелигиозных конфликтов

существенно выше тех, кто причисляет себя к низшему слою ($-1,9/+2,5$ и $+1,9/-2,3$ соответственно), что подтверждается и сравнением по реальным доходам – те, у кого они ниже 5000 рублей в месяц, также не склонные оценивать степень такой угрозы как высокую ($-1,7$), видимо, имея перед собой более серьезные и актуальные проблемы выживания.

В целом 39,6% респондентов считают отношения петербуржцев и приезжих (речь идет не о туристах, а о приезжающих из других регионов России на постоянное жительство или из других государств на временную работу) напряженными, а 22,9% полагают, что за последний год произошло заметное ухудшение этих отношений, при 49,3% оценивающих эти отношения как спокойные⁵.

Необходимо отметить определенную двойственность в динамике общественного восприятия мигрантов в Москве. Так, согласно исследованиям Института социологии РАН, 39% москвичей в 2015 г. оценивали контакты с мигрантами как бесконфликтные, хотя и отмечали определенный уровень напряженности⁶, однако в 2019 г., как показывают социологические опросы Левада-центра, москвичи рассматривают мигрантов как одну из наиболее острых проблем города⁷.

Однако прежде всего негативное отношение распространяется и на всех россиян – выходцев с Северного Кавказа. Так, по данным исследователей из Университета Эксетера, если переезжающих на постоянное место жительство в Россию белорусов и украинцев принимают практически всегда спокойно (уровень неприятия не превышает 15%), то чеченцев, лезгин, аварцев и других соотечественников с Северного Кавказа, приезжающих в процессе внутренней миграции в другие регионы страны, негативно воспринимает 61% респондентов. Это сопоставимо с уровнем отрицательного отношения к приезжим

⁵ *Попова О.В.* Факторы политической стабильности в российском мегаполисе (на примере Санкт-Петербурга) // Проблема устойчивости политических систем современного мира: Материалы Международной научной конференции / Под ред. С.Г. Еремеева, И.И. Кузнецова. М.: Изд-во Московского ун-та, 2018. С. 262.

⁶ ИНАБ № 2 – 2015. Межнациональное согласие в региональном контексте [Электронный ресурс]: Сб. науч. ст. / Рук. проекта и отв. ред. Л.М. Дробижова. Электрон. текст. дан. (объем 0,94 Мб). М.: Институт социологии РАН, 2015. URL: http://www.isras.ru/files/File/INAB/inab_2015_2_final.pdf (дата обращения – ноябрь 2019).

⁷ <https://www.levada.ru/2019/02/27/samye-ostrye-problemy-3/>

из государств постсоветской Средней Азии (56%)⁸. При этом респонденты, считает Э. Паин, «руководствуются не только этническими стереотипами, предрассудками в отношении кавказцев, но и вполне рациональными соображениями, вытекающими из анализа неоправданных диспропорций в распределении бюджетных средств между русскими регионами и республиками Северного Кавказа, в которых к тому же и найвысший в стране уровень нецелевого использования средств»⁹. Не случайно несколько лет назад широкую поддержку в Москве и Санкт-Петербурге получил призыв русских националистов «Хватит кормить Кавказ!».

Характерно, что приведенные нами социологические данные противоречат официальным, согласно которым доля граждан, положительно оценивающих состояние межнациональных отношений в Санкт-Петербурге в 2016 г., составляла 58,9%, а состояние межконфессиональных отношений в Санкт-Петербурге положительно оценивали 57,7%¹⁰.

Помимо известных механизмов возникновения этнической неприязни («культурное непонимание» плюс различия в статусных позициях), это недоверие и страхи перед «чужими», особенно мусульманами, видимо, связаны и с тем, что далеко не все иммигранты приезжают трудиться на благо своей семьи и нашего города. По статистике специальной службы ГУВД Петербурга, с советских времен курирующей иностранных гостей, в 2003 г. количество преступлений, совершенных в городе иностранцами, впервые превысило число преступлений, совершенных в отношении них самих, причем сразу в три раза. За прошедшие годы ситуация с так называемой этнической преступностью резко обострилась. Так, по данным Следственного комитета Санкт-Петербурга, в 2012 г. иностранными гражданами совершается каждое шестое убийство. Они стали причастны к трети всех изнасилований в городе. Причем подавляющее

⁸ Bessudnov A. Ethnic Hierarchy and Public Attitudes Towards Immigrants in Russia // European Sociological Review. Vol. 32, I. 5, 1 October 2016. P. 18.

⁹ Паин Э. Ксенофобия и национализм в эпоху российского безвременья // Pro et Contra. 2014. № 1–2. Янв.–апр. С. 41.

¹⁰ Сводный годовой доклад о ходе реализации и оценке эффективности реализации государственных программ Санкт-Петербурга за 2016 год. Характеристика итогов реализации государственной программы Санкт-Петербурга в 2016 году // <http://government.ru/media/files/cG6nOsmqRzygK01IjvvgXzFxuufA8VPl.pdf>

большинство преступлений совершается мигрантами в общественных местах¹¹.

В 2017 г. в городе явно ухудшилась ситуация и с так называемыми экстремистскими и террористическими проявлениями. Помимо всем памятного взрыва в петербургском метро, были открыты дела о предотвращенных терактах, изъятия оружия и экстремистской литературы, фактах вербовок в ряды террористов. По статьям об экстремизме и терроризме в 2017 г. в СК возбуждено соответственно 15 и 9 дел против 10 и одного в предыдущем году¹².

В то же время официальный дискурс и практические действия городских властей в осуществлении «национальной» и миграционной политики часто приводят к тому, что в общественном сознании формируется образ монолитных «национальных общин» и особенно общин «этнически чуждых» мигрантов как виновников ухудшения социально-экономической ситуации и угрозы общественной стабильности. Проблема дискриминации не только отодвигается на задний план, но и применительно к мигрантам де-факто не признается вообще. Более того, дискриминационные практики могут признаваться вполне приемлемыми (как средство предотвращения так называемых этнических конфликтов).

Постепенно сформировалось и стереотипное отношение к проблеме иммиграции и иммигрантам, разделяемое большинством россиян.

1. Внешняя миграция ведет к ухудшению социально-экономической ситуации, увеличивает нагрузку на социальную инфраструктуру и местный бюджет, снижает насыщенность рынка продуктами и потребительскими товарами, обостряет конкуренцию из-за жилья и рабочих мест.

2. Мигранты вносят значительный вклад в рост преступности: либо сами совершают правонарушения, либо создают «опорные базы» для транспортировки оружия и наркотиков и для деятельности этнически родственных им криминальных «гастролеров».

3. Миграция дестабилизирует политическую ситуацию: рост числа «чужаков» обостряет недовольство коренных жителей и провоцирует конфликты. Так, по данным Левада-центра, только 36% опрошенных считают, что работа мигрантов полезна для страны, а 35% с этим не согласны.

¹¹ См.: Петербургский дневник. 31 января 2013. С. 2.

¹² Рутман М. Взятчники наращивают калибр // Санкт-Петербургские ведомости. 2018. 8 февр. С. 4.

Поэтому власти обязаны принимать запретительные и репрессивные меры, препятствующие въезду новых мигрантов. Не случайно 52% респондентов Левада-центра высказались за введение жесткого визового режима с постсоветскими странами Закавказья и Средней Азии¹³.

Интервью с москвичами, проведенные социологом Н.П. Космарской, ясно показывают, что в силу специфики московской (да и питерской. – В.А.) ситуации (национальный состав мигрантов, особенности их занятости, «психологическое давление» большого города и др.) люди воспринимают доминирующих среди мигрантов выходцев из Центральной Азии как абстрактную массу, лишенную каких-либо персонализированных черт. Налицо два «параллельных», слабо пересекающихся между собой мира, контакты между которыми мимолетны или вообще отсутствуют. В подобной ситуации, отмечает социолог, общественное мнение гораздо сильнее подвержено воздействию далеко не нейтральных стереотипов, продуцируемых СМИ. Это и отражают массовые опросы в Москве. Так, по данным РОМИРа, около 60% опрошенных москвичей считают, что там, где они живут, мигрантов свыше 40%. Эта фантастическая цифра как раз и возникла из страхов, раздражения и усталости, рожденных, во-первых, трудностями адаптации к ломке привычной среды; во-вторых, неосведомленностью о причинах концентрации мигрантов в том или ином месте и об их роли в развитии города; наконец, спецификой Москвы как огромного, перегруженного людьми мегаполиса¹⁴.

В свою очередь, результаты исследования, осуществленного учеными Российского государственного педагогического университета, показали, что наиболее позитивно отношение принимающего общества по отношению к приезжающим в город представителям коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока и выходцам из стран Восточной Азии (Китай, Индия и т. д.). Именно эти группы мигрантов наиболее часто упоминались при ответе на вопрос «По Вашему мнению, какие

¹³ См.: *Ачкасов В.А.* Рост этнического многообразия и толерантность в крупных городах России: «случай» Санкт-Петербурга // *Трудовая миграция и политика интеграции мигрантов в Германии и России: Колл. монография / Ред. и сост. М.С. Розанова.* СПб.: Скифия-принт, 2016. С. 141–153.

¹⁴ *Космарская Н.П.* «Коррупция», «толпы» и «лезгинка»: региональная специфика отношения россиян к мигрантам (на примере Москвы и Краснодара) // *Журнал социологии и социальной антропологии.* 2018. Т. XXI. № 2. С. 207.

группы мигрантов помогают обогатить культурное своеобразие облика Санкт-Петербурга?» (44,66 и 38,98% соответственно). Наиболее редко участники исследования упоминали выходцев из среднеазиатских стран (11,81%) и выходцев из северокавказских российских регионов (16,21%). Сходная картина была получена при выявлении воспринимаемой безопасности, проявляющейся в оценке конкуренции за рабочие места, бизнес, культуру, религию и получение социальных благ. Воспринимаемая конкуренция наиболее сильно выражена в борьбе за рабочие места, в то время как конкуренция мигрантов в культурной и религиозной жизни города практически не рассматривается как угроза. При этом каждая этническая группа мигрантов воспринимается как конкурирующая за определенный ресурс. Так, выходцы из среднеазиатских стран воспринимаются скорее как конкурирующие за рабочие места (72,09%), выходцы из стран Закавказья – бизнес, торговля (50,2%), выходцы из стран Восточной Азии – культурная жизнь (37,3%), группы мигрантов из стран с доминированием населения, исповедующего ислам, – религиозная жизнь (36,48%), выходцы из стран Восточной Европы и представители коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока – получение социальных льгот и благ (41,43 и 41,63% соответственно). Можно говорить о том, что складываются определенные стереотипы поведения различных групп мигрантов, связанного с включением в городскую жизнь. Стоит отметить, что полученные результаты свидетельствуют о том, что для принимающего общества интересны культуры наиболее близкие и знакомые, а также наиболее незнакомые и специфичные. К примеру, этническая субкультура народов Русского Севера не воспринимается как культура «другого» большинством населения России. Интерес к мигрантам из стран Восточной Азии предположительно может быть связан и с успехом быстрорастущих азиатских экономик, а также растущим интересом и поворотом России к этим экономикам и, как следствие, интенсификацией культурных контактов, экспансией некоторых элементов восточноазиатской культуры в жизненное пространство российского мегаполиса.

Исследование позволило выделить трехфакторную структуру отношения петербуржцев к мигрантам. Первый фактор составили утверждения, характеризующие позитивное отношение и интерес к мигрантам, общую установку на принятие многоконфессиональности и полиэтничности города. Это позволило определить его название как «Принятие многонациональности и мультиконфессиональности города». Второй фактор отразил противоположную тенденцию, проявляющуюся в резко отрица-

тельном отношении к мигрантам, низком уровне воспринимаемой безопасности, отказе от контактов с мигрантами. Данный фактор был назван «Напряжение в связи с полиэтничностью города». Последний фактор характеризует установку горожан на ассимиляцию мигрантов, необходимость для них подчиниться доминирующей городской культуре. Исследователи назвали данный фактор «Этнокультурное доминирование». В выявленной факторной структуре первый фактор соответствует основному отношению «сосуществование», второй – «отторжение» и третий – «присвоение». Можно говорить и о сходстве выявленной структуры с ведущими типами аккультурационных ожиданий, предложенных Дж. Берри: 1) ассимиляция, или «плавильный котел»; 2) мультикультурализм; 3) сегрегация и 4) маргинализация.

При этом выяснилось, что для людей старшего возраста становится значимее стратегия ассимиляции мигрантов, они больше склонны считать, что мигранты должны приспосабливаться к новой для них культуре и менять свое поведение в соответствии с ней. Горожан юношеского возраста характеризует наиболее противоречивое отношение к мигрантам, с одной стороны, они испытывают большее напряжение и видят больше угроз в связи с увеличением численности мигрантов, но в то же время чаще принимают формирующуюся полиэтническую и поликонфессиональную среду современного мегаполиса. Следует отметить, что наиболее выраженным типом отношения к мигрантам в исследуемых выборках вне зависимости от социально-демографических характеристик становится отношение присвоения, что все-таки свидетельствует о доминирующих аккультурационных ожиданиях, направленных на ассимиляцию мигрантов¹⁵.

Парадоксально также то, что в Санкт-Петербурге, где число родившихся в городе постоянных жителей составляет менее 2/3 (63,4%), при приехавших из другого региона России – 30,8% и из другого государства – 5,8%, страхи, связанные с негативными стереотипами в отношении трудовых мигрантов, достаточно серьезно укоренены в массовом сознании. Так, 33,8% полагают, что в случае их увольнения рабочее место может быть занято этой категорией приезжих, 29,7% полагают, что мигранты совершают преступления чаще, чем местные жители. 9,9% респондентов заявили, что готовы присоединиться к акциям протеста против

¹⁵ *Проект Ю.Л., Чукуров А.Ю.* Отношение к инокультурным мигрантам жителей современного российского мегаполиса (на примере Санкт-Петербурга) [Электронный ресурс]. URL: <http://emissia.org/offline/2017/2555.htm>

трудовых мигрантов¹⁶. По данным опроса ВШЭ, петербуржцы в целом довольны работой трудовых мигрантов (*«Нерусские дворники убирают лучше, даже в выходные скребут»* – мужчина, 45 лет – водитель такси), однако категорически выступают против того, чтобы мигранты были их соседями.

Петербургский социолог О. Карпенко вычленяет и своеобразные технологии формирования так называемой охранительной модели взаимоотношений между «хозяевами» и «гостями». Естественно, что «хозяевами» признаются в первую очередь представители этнического большинства, а в качестве «гостей» – либо члены конкретных этнических групп (чеченцы, таджики), либо некие обобщенные квазиэтнические категории («южан», «кавказцев» или «горцев», к которым относят всех людей «неславянской наружности»). При этом «хозяева» обладают правом порицать и наказывать «гостей» за уклонение от соблюдения обычаев, установленных «нами» в «нашем доме», на «своей» территории. Привилегированное право на наказание признается за силовыми структурами, и сила признается самым действенным методом воздействия на «гостей». Свою весомую роль в формировании этой модели сыграли российские СМИ¹⁷.

Действительно, значительная часть горожан не хочет признавать, что с помощью рабочей силы из-за пределов России в определенной степени восполняется нехватка трудовых ресурсов, заполняются не престижные для коренного населения, но общественно необходимые трудовые вакансии и смягчается демографическая проблема. Наоборот, растут опасения, что массовый приток иммигрантов будет способствовать снижению общего уровня заработной платы, создаст напряжение на рынке труда и жилья (даже по официальным данным, в России сегодня достаточно высок уровень безработицы, он составляет 11,8% экономически активного населения (2017 г.), ну а «жилищная проблема» в нашей стране относится к разряду «вечных» и «испортила» не

¹⁶ Попова О.В. Факторы политической стабильности в российском мегаполисе (на примере Санкт-Петербурга) // Проблема устойчивости политических систем современного мира: Материалы Международной научной конференции / Под ред. С.Г. Еремеева, И.И. Кузнецова. М.: Изд-во Московского ун-та, 2018. С. 262.

¹⁷ Карпенко О. Языковые игры с «гостями с юга»: кавказцы в российской демократической прессе 1997–1999 гг. // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / Под ред. В. Малахова и В. Тишкова. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, Ин-т философии РАН, 2002. С. 190.

только москвичей. Все эти негативные изменения в повседневной жизни, как считают многие горожане, могут привести к необходимости смены места проживания, поскольку в худшую сторону начнут меняться условия и качество жизни, социальное окружение, что, наконец, под вопрос будет поставлена «самобытность русской культуры». Поэтому с оптимизмом смотрят в будущее только 22,5% опрошенных петербуржцев, с пессимизмом – 21,4%, еще 36,2% считают, что для них в ближайшем будущем ничего не изменится¹⁸.

Рассматривая баланс этнических установок россиян, социологи ФНИСЦ РАН выделили три типологические группы:

- группа с позитивным балансом (для нее характерно превышение позитивного отношения к собственной этнической группе над негативным отношением к представителям других этнических общностей – в 2015 г. в эту группу входило 42% опрошенных);
- группа неустойчивого равновесия (характерна неустойчивая позиция – в эту группу входило 47% опрошенных);
- группа с негативным балансом (респонденты с превышением негативного отношения к иноэтничным группам над позитивным отношением к собственной этнической группе – в эту группу входило 11% опрошенных).

В результате социологи пришли к выводу о том, что потенциально наибольшую угрозу стабильности межэтнических отношений в России создает не группа с негативным балансом, а относительно преобладающая группа «неопределившихся»¹⁹. При этом выяснилось, что межэтническая конфликтность преобладает в оценках не самых бедных, борющихся за выживание россиян, а в оценках беднеющего городского «среднего класса»²⁰.

При этом характерно, что обеспокоенные «коренные» россияне по-прежнему все свои надежды на восстановление субъективно понимаемой справедливости связывают с властью – именно она должна решать все вопросы, в том числе именно она обязана изгнать мигрантов.

¹⁸ *Попова О.В.* Факторы политической стабильности в российском мегаполисе (на примере Санкт-Петербурга)... С. 261–262.

¹⁹ Социальные факторы межэтнической напряженности в России: Монография / Отв. ред. Ю.Б. Епихина, М.Ф. Черныш. М.: ФНИСЦ РАН, 2017. С. 85.

²⁰ Социальные факторы межэтнической напряженности в России... С. 257.

В 2015–2019 гг. отношение к трудовым иммигрантам несколько улучшилось, однако связано это не с действиями властей по их успешной интеграции или изменениями психологических установок россиян в отношении иммигрантов, просто под влиянием экономического кризиса и падения курса рубля по отношению к доллару и евро заметно снизился приток трудовых мигрантов, а затем внимание массовой аудитории было переключено на события, последовавшие за Евромайданом в соседней Украине²¹. По данным аналитиков Центра стратегических разработок (ЦСР), с 2015 г. временная миграция в Россию, в том числе и трудовая, заметно уменьшилась. Сокращение затронуло контингент не только из дальнего зарубежья, но и из Средней Азии: Узбекистана и Таджикистана – на 15% по сравнению с показателями 2014 г. Авторы доклада объясняют, что численность мигрантов снизилась на фоне девальвации рубля и сжатия российского рынка труда.

Как результат данные опросов Левада-центра показывают, что в 2015 г. намечилось некоторое снижение числа сторонников ограничения миграционного притока в страну (68%) и увеличилась доля тех, кто считает, что следует не «ставить административные барьеры для мигрантов», а пытаться «использовать их потенциал на благо страны».

Пик мигрантофобии в России пришелся на 2013 г., когда, в частности, имели место массовые антииммигрантские выступления в районе Бирюлево в Москве. Тогда даже эксперты позволяли следующие неполиткорректные высказывания: «Россия превратилась в проходной двор, вокзал для приезжих. Поздно проводить политику братания народов. Рубеж пройден. Сегодня сближение возможно только при помощи жестких законов. Безвизовый режим лоббируют те, для кого мигранты – это кормушка!»²².

²¹ Одновременно наблюдался взлет негативного отношения к украинцам. Об этом можно судить по изменению доли респондентов, положительно ответивших на вопрос «Следует ли ограничить проживание в России людям следующих национальностей?». Применительно к украинцам доля положительных ответов на этот вопрос росла: с 1% в начале 2014 г. до 8% в конце того же года и до 14% – в 2015 г. (см.: Общественное мнение – 2015. М., 2016. С. 198).

²² См.: Аргументы и факты. 2013. № 44. С. 16.

Таблица 1

Ответы на вопрос:

Как вы думаете, какой политики должно придерживаться правительство России: пытаться ограничить приток приезжих или не ставить на его пути никаких административных барьеров и пытаться использовать его на благо России?

2014–2015 гг.	Июль 02	Окт. 05	Авг. 07	Окт. 08	Нояб. 09	Нояб. 11	Авг. 12	Окт. 13	Июль 14	Авг. 15
Пытаться ограничить приток приезжих	45	59	57	52	61	64	70	78	76	68
Не ставить на пути притока приезжих административных барьеров и пытаться использовать его на благо России	44	36	32	35	30	28	20	14	16	23
Затруднились ответить	10	6	10	13	9	8	10	8	8	9

Источник: Левада-центр // <http://www.levada.ru/print/25-08-2015/ksenofobiya-i-natsionalizm>

Не случайно авторы доклада также отмечают, что сама проблема миграции стала значительно меньше волновать население: «если в 2013 г. эта проблема тревожила практически треть опрошенных, то в феврале 2015 г. об этом заявляли только 8% опрошенных»²³.

Снижение ксенофобии в 2015–2019 гг. в отношении мигрантов, как представляется, обусловлено рядом объективных причин. К ним можно отнести следующие.

1. Миграция стала рассматриваться как «меньшее зло» по сравнению с «большим злом» – угрозой России извне, со стороны США и его европейских союзников. То есть произошло частичное замещение привычного объекта ксенофобских установок новыми объектами.

2. Снижение масштабов миграции в 2014 г.

3. Произошла «публичная депроблематизация миграционной повестки» (отсутствие громких конфликтов на национальной почве, снижение числа телепередач, разоблачающих мигрантов, в целом снижение внимания СМИ к этой тематике).

Но, скорее всего, подобное индифферентное отношение к иммигрантам большей части населения является временным. Этнические фобии обладают высокой инерционной устойчивостью и могут долго удерживаться в массовом сознании, и потому очень вероятно в обозримой перспективе усиление мигрантофобии, как только конфликт на востоке Украины разрешится или потеряет актуальность «внешняя угроза» России со стороны Запада.

Тем более что в Москве и Санкт-Петербурге проблемы наплыва иммигрантов и сегодня крайне актуальны для горожан. Так, по данным опроса, проведенного Левада-центром 20–29 апреля 2019 г. по репрезентативной выборке населения Москвы, среди проблем, беспокоящих жителей города более всего, присутствие мигрантов и гастарбайтеров находится на втором месте (15%)²⁴. Следует подчеркнуть, что данные были получены путем ответов на открытый вопрос, при котором заранее сформированные варианты не предлагались. При этом по результатам опроса, проведенного Левада-центром месяцем ранее (15–20 февраля 2019 г.) в 50 субъектах Российской Федерации, среди самых острых общественных проблем респонденты по-

²³ Левада-центр // <http://www.levada.ru/print/25-08-2015/ksenofobiya-i-natsionalizm>

²⁴ Левада-центр // <https://www.levada.ru/2019/05/30/moskvichi-o-problemah-goroda/>

местили мигрантов лишь на 13-ю позицию из предложенных 24, вызывающих беспокойство²⁵.

Кроме того, по оценке граждан России – жителей различных регионов (опрос также проводился в 50 субъектах Федерации), перспектива возможных массовых столкновений на национальной почве снизилась по сравнению с 2014 г. вдвое²⁶, что свидетельствует об уменьшении остроты межэтнических противоречий в российском обществе в целом. Имеет тенденцию к снижению доля респондентов, отмечающих чрезмерное количество мигрантов в местах своего проживания – с 69 до 63%. Однако данные, полученные в Москве, в значительной степени отличаются от результатов опросов в менее крупных городах и селах: уровень поддержки крайнего мнения «определенно да» в Москве в 2 раза выше, чем по стране в целом (табл. 2). С одной стороны, это может служить подтверждением факта наличия значительно большего числа мигрантов в Москве, чем в других российских населенных пунктах, даже с учетом городов, где численность населения превышает 500 тыс. человек, с другой – что уровень мигрантофобии и ксенофобии москвичей также заметно выше, чем в стране в целом.

Таблица 2

Поддержка мнения о «чрезмерности» мигрантов
в разрезе типов населенных пунктов, август 2019 г., %²⁷

	Москва	Более 500 тыс.	От 100 до 500 тыс.	Города до 100 тыс.	Село
Определенно да	70	37	23	25	36
Скорее да	21	32	36	27	25
Скорее нет	8	21	29	33	24
Определенно нет	2	5	4	10	10
Затрудняюсь ответить	<1	5	8	6	7

²⁵ Левада-центр // <https://www.levada.ru/2019/02/27/samye-ostrye-problemy-3/>

²⁶ Левада-центр // <https://www.levada.ru/2018/12/24/ozhidaniya-ot-2019-go-goda/>

²⁷ Левада-центр // <https://www.levada.ru/2019/09/18/monitoring-ksenofobskih-nastroenij-2/>

Московские социальные психологи Н. Лебедева, Д. Зубова, использовавшие в качестве теоретической базы исследования концепцию «интегральной воспринимаемой угрозы» У. Стефана и К. Стефана, пришли к следующим выводам: «...на данный момент москвичи во многом обеспокоены сложившейся иммиграционной ситуацией, воспринимают мигрантов как несущих, прежде всего, физическую угрозу... В это понятие входят представления о преступности мигрантов и восприятие мигрантов как переносчиков заболеваний... Беспокойство поддерживается также страхом возникновения анклавов и больших скоплений мигрантов в городах... Стереотипному негативному образу способствует то, что многие из них не вступают в контакт с мигрантами. Важным препятствием является отсутствие знаний и слабая информированность горожан о культуре мигрантов. Так, оценивая свои знания о мигрантах, москвичи разделились во мнениях на две категории: знаний нет («Ничего не знаю о них») и знаний недостаточно («Общие принципы я понимаю, углубляться в их культуру я не буду»). При этом информированность о другой этнической группе рассматривается экспертами как один из ключевых факторов успешной адаптации, а недостаточность знаний способствует формированию негативных стереотипов и связана с националистическими установками. В результате «образ мигранта в большинстве своем не является физически привлекательным, варьируется от негативного и стереотипизированного до нейтрального»²⁸.

Однако если «коренное» население города не признает иммигрантов в качестве даже потенциальных членов своего сообщества, то и иммигранты могут отказывать в признании «коренному» населению. Так, эксперты отмечают, что среди мигрантов из постсоветской Центральной Азии идет рост исламистских настроений и сплочение их на этой основе. В частности, это происходит под влиянием тяжелых условий труда и его низкой оплаты, из-за преследований со стороны коррумпированных правоохранительных органов, давления массовых ксенофобских настроений и т. д.

²⁸ См.: *Лебедева Н., Зубова Д.* Психологическая адаптация москвичей к культурному многообразию: опыт качественного исследования // Межкультурные отношения на постсоветском пространстве / Под ред. Н.М. Лебедевой. М.: Менеджер, 2017. С. 150–153.

Глава 5

Восприятие иммигрантами принимающего российского общества и выбор стратегии поведения

Понятно, что в процессе интеграции мигранту необходимо получить определенный правовой и социальный статус (оформить документы, дающие право на пребывание на территории РФ); найти свою экономическую нишу (трудоустроиться); обеспечить базовые социальные, экономические и культурные потребности (жилье, пища, постоянный доход, контакты с окружающими), образование для детей и др.

Главным препятствием на пути интеграции мигрантов на рынке труда и в принимающее общество в целом является дискриминация (правда, фактическую распространенность дискриминации сложно оценить). Так, западные и отечественные исследования подтверждают, что дискриминация сопровождает мигрантов на всех этапах цикла трудовой занятости: при приеме на работу, непосредственно на рабочем месте, высок риск более низкой оплаты их труда, как правило, отсутствуют перспективы карьерного роста. Мигранты подвергаются дискриминации и на рынке жилья, и в системе образования¹.

В свою очередь, по оценкам специалистов Международной организации по миграции (МОМ), миграционные процессы конституируют четыре основных типа угроз мегаполисам: трудоустройство, расселение, здравоохранение, образование.

По наблюдениям экспертов Совета Европы, в миграционной и интеграционной политике, проводимой Россией, имеет место ряд проблем, негативно отражающихся на процессе интеграции мигрантов. Прежде всего они указывают на слишком жесткий миграционный контроль, который не учитывает индивидуальные особенности каждого иммигранта и обстоятельства, влияющие на его жизнь. Эксперты считают, что в российской миграционной политике существует ряд дополнительных ограничений, в частности препятствующих воссоединению семей мигрантов, между тем

¹ См.: OECD. International migration outlook 2013. Paris, France: OECD Publishing, 2013.

единство семьи, по их мнению, является одним из основополагающих принципов в осуществлении курса интеграции иностранных граждан и т. д.²

В то же время парадоксальным образом важным стабилизирующим фактором в так называемых межнациональных отношениях в Москве и Санкт-Петербурге оказывается как раз низкий уровень интегрированности иммигрантов в российское общество, не отличающееся социальным благополучием и высоким уровнем жизни: в нашу страну едут не для получения социальных льгот и пособий, как в Европу, а заранее настраиваясь на временную тяжелую и непрестижную работу. Поэтому, в частности, в российских городах нет пока и иммигрантских гетто.

Президент Института национальной стратегии Михаил Ремизов даже утверждает: «Риски социальной нестабильности и политического насилия тем больше, чем более защищены базовые права приезжих. Почвы для политического насилия не возникает, пока люди заняты проблемой выживания и тяжелой работой. А как только они приобретают минимум гражданских прав, внутреннее ощущение несправедливости в них возрастает и возникает конфликт между притязаниями приезжих и возможностями принимающей стороны»³. Вывод из этих рассуждений можно сделать, видимо, такой – не надо бороться с дискриминацией мигрантов и защищать их права.

Вопреки официальным планам привлечения и интеграции трудовых мигрантов в российское общество (так, в Стратегии государственной национальной политики до 2025 г. признано необходимым совершенствовать нормативно-правовую базу реализации государственной национальной политики, включая вопросы социальной и культурной адаптации и интеграции мигрантов, а также трудового законодательства в части регулирования применения иностранной рабочей силы, защиты прав иностранных работников, обязанностей и ответственности работодателей)⁴, в России публичная политическая риторика и риторика СМИ, как правило, оценивает массовую миграцию отрицательно, а мигрантов – как «чужаков» и «гостей», от которых в идеале следовало бы избавиться.

² Issue Paper. Human rights aspects of immigrant and refugee integration policies 2019 // Council of Europe. URL: <https://rm.coe.int/168093de2c> (дата обращения 06.09.2019).

³ Цит. по: Юшковская И. Едут братья по Союзу...

⁴ Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 «О стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // <http://президент.рф/news/17165>

Естественная ностальгия большинства мигрантов по «оставленному дому» и стремление обязательно туда вернуться подкрепляются давлением ксенофобии в принимающем обществе. Так, по результатам социологического опроса ВЦИОМ (декабрь 2016 г.) были получены следующие ответы на вопрос: Вы поддерживаете или не поддерживаете предложение о проведении амнистии мигрантов из стран СНГ, длительное время находящихся в России с нарушением законодательства? (закрытый вопрос, один ответ, в процентах). Если в среднем по стране в большей или меньшей степени поддерживают идею амнистии нелегальных мигрантов 36%, то в Москве и Санкт-Петербурге таких только 28%. Как и среди тех, кто выступает против амнистии – в стране в целом это 59%, а в Москве и Санкт-Петербурге – 66%. В глаза сразу бросается заметное отличие ответов москвичей и петербуржцев от ответов россиян в целом.

Трудовых иммигрантов регулярно обманывают и бессовестно эксплуатируют и посредники, и работодатели. Причем этим занимаются и некоторые национально-культурные автономии, призванные, по мнению властей, представлять и защищать интересы мигрантов. Иногда такого рода организации превращаются в институциональную инфраструктуру, которая становится процветающим теневым коммерческим предприятием, а лидеры таких объединений выступают поставщиками дешевой рабочей силы для российского бизнеса или сами используют ее на своих предприятиях. Так, экс-лидер Санкт-Петербургского общества соотечественников Узбекистана «Умид» бизнесмен (в прошлом капитан первого ранга – подводник) Алиджан Хайдаров из числа обращающихся в «Умид» соотечественников набирал временных работников на свои предприятия (туристическое агентство, авторемонтное предприятие, несколько гостиниц, ресторанов и кафе и др.), при этом постоянными сотрудниками «Умид» являлись только местные уроженцы (узбеки) и выходцы из Узбекистана, уже ставшие российскими гражданами. Представители Хайдарова распространяли среди прибывающих в город самолетами узбеков календари на узбекском языке с координатами «Умид» и сведениями о предоставляемой этой организацией помощи (в трудоустройстве, переводе документов и др.), поэтому многие из прибывших обращались в «Умид». Их принимали в члены национально-культурной автономии, для чего они оплачивали вступительный взнос. На эти деньги обещали в случае необходимости предоставлять помощь юристов, переводчиков и других специалистов, отправлять на родину больных и умерших. Помимо этого, существовали договоры «Умид» о поставках рабочей силы

из Узбекистана на ряд заводов и в крупные торговые сети Санкт-Петербурга. Фирмы были заинтересованы в узбекских рабочих, так как могли платить им меньше, чем местным, а также могли нанимать их с помощью «Умид» целыми партиями⁵.

В свою очередь, российские полицейские и чиновники миграционной службы нередко выступают не стражами закона, а гарантами «невидимости» иммигрантов для закона, получая с нелегалов «стабильный дополнительный доход». Миграционная служба «вызывает у мигрантов приступы ужаса и ассоциируется с депортацией. Правда, до депортации, которая необходима по закону, почти никогда дело не доходит. Со слов мигрантов, почти все сотрудники миграционной службы и полиции берут взятки»⁶.

К слову сказать, горожане прекрасно представляют себе противозаконные схемы привлечения труда мигрантов: *«Их для того и привезли, чтобы обманывать и класть на карман»* (мужчина, 66 лет, ср. обр., вахтер на пенсии). Мигрантов видят «встроенными» (не по их воле) в эту систему, возникшую задолго до их появления и способную пережить в том числе и самую международную трудовую миграцию, – отмечает социолог Н.П. Космарская⁷.

1) Для решения проблемы *трудоустройства мигрантов* была введена система «патентов» для граждан государств СНГ (Абхазия, Азербайджан, Молдова, Таджикистан, Узбекистан, Украина), не являющихся членами Евразийского экономического союза (Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан), для регулирования и легализации трудовой миграции. Изначально система патентов была разработана для привлечения мигрантов, работающих на частных предпринимателей или в качестве домашнего обслуживающего персонала, в дальнейшем модель была расширена и стала включать в себя все виды трудовой миграции.

Согласно законодательству въезжающим для работы необходимо в срок от 7 до 15 дней зарегистрироваться по месту жительства, что представляет достаточно серьезное затруднение,

⁵ См.: Винер Б. Этнические общины и идентичность в Санкт-Петербурге // В поисках России. Серия публикаций к дискуссии об идентичности. Т. 1: Северо-Запад России – Санкт-Петербург. СПб.: Интерсоцис, 2008. С. 71.

⁶ Григорьев М., Осинников А. Нелегальные мигранты в Москве. М.: Европа, 2009. С. 92, 98.

⁷ Космарская Н.П. «Коррупция», «толпы» и «лезгинка»: региональная специфика отношения россиян к мигрантам (на примере Москвы и Краснодара) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2018. Т. XXI. № 2. С. 195.

так как требует личного присутствия владельца жилплощади. Учитывая крайне сжатые временные рамки, многие мигранты в Москве используют услуги посредников или будущих работодателей для регистрации их по адресу, отличному от места фактического проживания. Это, с одной стороны, крайне осложняет процедуры контроля, а с другой – ставит мигранта в уязвимое положение перед представителями внутренних органов, в силу, в ряде случаев вынужденного и непреднамеренного, нарушения условий пребывания и работы в России. Это широко используют компании-посредники, действующие на всех этапах деятельности трудовых мигрантов и зачастую достаточно открыто, даже в столице, где контроль а priori жестче, чем в регионах. В качестве примера можно привести ситуацию, когда «в середине марта 2019 года московские полицейские задержали трех граждан среднеазиатских государств, которые прямо в аэропорту Домодедово продавали приехавшим на заработки поддельные патенты и документы о фальшивом регистрационном учете»⁸.

Получить патент необходимо в течение 30 дней с момента приезда в РФ сроком действия от 1 до 12 месяцев, с ежемесячным продлением при предоставлении документов об уплате налогов. Стоимость патента ежегодно изменяется в зависимости от установленного коэффициента-дефлятора и регионального коэффициента, что означает, что сумма значительно различается в зависимости от территории трудоустройства мигранта в РФ. Таким образом, коэффициент-дефлятор является мерой экономического регулирования притока трудовых мигрантов в отдельные регионы для обеспечения приоритетного трудоустройства российских граждан.

Расчет патента производится по следующей формуле:

$$\text{ЕП} = \text{БС} \times \text{КД} \times \text{РК},$$

где ЕП – ежемесячный платеж по патенту на работу;
БС – базовая ставка;
КД – коэффициент-дефлятор НДФЛ;
РК – региональный коэффициент.

Так, расчет стоимости патента в Москве на 2019 г. выглядит следующим образом:

$$1200 \times 1,729 \times 2,4099 = 5000,$$

⁸ Вопросы миграции: Материалы Санкт-Петербургского форума труда Экспофорум. (2019). СПб., 2019. С. 25.

- где 1200 – базовая ставка;
 1,729 – фиксированный коэффициент-дефлятор НДС на 2019 г.;
 2,4099 – региональный коэффициент для Москвы на 2019 г.;
 5000 – стоимость оплаты патента в г. Москве в 2019 г.⁹

Стоимость патента в Москве является средним показателем по России в 2019 г., означающим сохраняющуюся заинтересованность в привлечении большого количества мигрантов, учитывая, что среднемесячная заработная плата в столице в целом выше, чем в других регионах. Для сравнения, в Санкт-Петербурге и Ленинградской области патент стоит 3800 руб., в Республике Саха (Якутия) – 9335 руб., в Ямало-Ненецкой АО – 8845 руб.; ниже всего стоимость патентов в Северо-Кавказском федеральном округе. С 2019 г. вводятся дополнительные ограничения для трудовых мигрантов: сокращение доли иностранных работников на 20%, а также выдачи РВП, требование полиса ДМС, разрешение регионам ограничивать прием мигрантов на свое усмотрение, что повлияло на значительное повышение стоимости патента в ряде субъектов РФ.

На настоящий момент стоимость услуг по оформлению патента в Многофункциональном миграционном центре Москвы составляет в общем 12 450 руб.¹⁰, и это единственная в своем роде структура, предлагающая мигрантам весь комплекс необходимой документации «за два посещения».

С 2016 г. трудовой патент на работу в РФ для иностранных граждан имеет территориальную привязку, т. е. в патенте на работу указывается территория его действия. Соответственно, легально работать по патенту иностранный гражданин может исключительно на территории, которая указана в его документе. Кроме того, в патенте указывается специальность, что подразумевает, что иностранный гражданин может работать только по профессии, соответствующей специальности, которая указана в документе. В случае нарушения условий патента на мигранта налагается штраф в размере до 7 тыс. руб. с возможным выдворением из России и запретом на въезд в страну на срок от 3 до 10 лет.

При этом следует отметить, что именно трудовая профилизация мигранта становится источником многочисленных злоупотреблений, учитывая ограничения, существующие в российском законодательстве относительно отраслей занятости мигрантов.

⁹ <https://migrantmedia.ru>

¹⁰ <https://mc.mos.ru/ru/worker/get-patent>

Согласно Постановлению Правительства РФ от 14.11.2018 г. № 1365 «Об установлении на 2019 год допустимой доли иностранных работников, используемых хозяйствующими субъектами, осуществляющими на территории Российской Федерации отдельные виды экономической деятельности»¹¹, трудовым мигрантам запрещено трудоустройство:

- в розничной торговле лекарственными средствами в специализированных магазинах (аптеках) (код 47.73);
- розничной торговле в нестационарных торговых объектах и на рынках (код 47.8);
- розничной торговле вне магазинов, палаток, рынков (код 47.99).

На наш взгляд, эти ограничения являются одновременно реакцией правительства на высокий уровень ксенофобии в обществе и способом его поддержания, так как являются не столько экономическим рычагом регулирования миграционной занятости, сколько отражением существующих стереотипов о потенциально вредоносной деятельности мигрантов в столь социально значимой сфере, например, как торговля лекарствами. Эта мера ведет к закреплению восприятия мигрантов в качестве внутренней угрозы в общественном сознании.

Вышеуказанное постановление устанавливает также процент занятости иностранных граждан в строительстве (раздел F) на уровне 80% от общего числа работников, однако эти ограничения не распространяются на Москву (наряду с Амурской областью и Хабаровским краем), крайне зависимой от трудовой миграции в этой высокоприбыльной отрасли. Кроме того, в этой сфере за счет отсутствия квот заметно ниже риски для работодателей, штрафы для которых в случае незаконного привлечения иностранного гражданина достигают 800 тыс. руб. за одного работника. При трудоустройстве в Москве мигранты традиционно занимают определенные отраслевые ниши: строительство, клининговая сфера услуг и торговля товарами широкого потребления, которые не востребованы у жителей Москвы в силу крайне низкой заработной платы. Однако в ближайшем будущем сфера занятости приезжих может заметно расшириться за счет включения таких специальностей, как: врач, включая акушеров, педиатров, ветеринаров, медсестер и фельдшеров скорой помощи; воспитателей детских садов и преподавателей средних учебных заведений. Это следует из инициативы Министерства труда, предусматривающей введение упрощенного получения гражданства в 2020 г. иностранцами

¹¹ См.: [fzakon.ru>...postanovlenie...rf-ot-14.11.2018-n-1365/](http://fzakon.ru/postanovlenie...rf-ot-14.11.2018-n-1365/)

вышеуказанных профессий. Очевидно, это предложение связано с увеличением миграционных потоков из Украины, русскоязычные и квалифицированные граждане которой вполне могут составить конкуренцию местным специалистам.

В то же время сами мигранты зачастую не задумываются о легализации своего статуса, считая ее лишней тратой времени и денег, воспринимая легализацию как проблему, решение которой не принесет им никаких дивидендов. Как уже отмечено, требования к кандидату на получение патента и разрешения на работу весьма жесткие: это владение русским языком и знание основ права и истории России (что подтверждается сертификатом о сдаче экзамена), регистрация по месту пребывания (штамп – но большинство мигрантов имеют фиктивную регистрацию, встав на учет, они проживают в другом месте), подтверждение уплаты налога на доходы физических лиц (квитанция об оплате стоимости патента), отсутствие опасных для окружающих инфекционных заболеваний, ВИЧ и наркомании (медицинский осмотр), добровольное медицинское страхование (действующий в РФ полис ДМС на весь срок действия патента). Кроме того, мигрантов вносят в специальный реестр, фотографируют, снимают у них отпечатки пальцев и проверяют на судимость.

Как уже отмечалось ранее, стоимость патента в Санкт-Петербурге – 3,8 тыс. в Москве – 5000 руб., однако сюда надо добавить стоимость подготовки к экзамену и стоимость тестирования плюс стоимость регистрации и т. д. Всего в процессе легализации мигрант должен заплатить не менее 17 тыс. руб.¹² Однако даже если предположить, что мигрант намерен получить легальный статус, возникает вопрос: успеет ли он за 30 дней с момента пересечения границы РФ подготовить все требуемые справки и сертификаты, пройти медосмотр, выучиться и успешно сдать экзамен по русскому языку, праву и истории России? При этом бесплатные курсы русского языка, открытые во всех районах Москвы и Санкт-Петербурга, практически не востребованы.

¹² Так, одним из ярких примеров «трудностей», созданных в России для иммигрантов, по мнению экспертов Совета Европы, является сдача интеграционного теста. Эксперты назвали российские экзамены для мигрантов «недостижимыми», при том что разные группы мигрантов имеют разные возможности и уровень подготовки. Более того, сам экзамен платный, что также является нарушением прав мигрантов (см.: Issue Paper. Human rights aspects of immigrant and refugee integration policies // Council of Europe. URL: <https://rm.coe.int/168093de2c> (дата обращения 06.09.2019)).

Этими обстоятельствами, в частности, объясняется то, что достаточно невелик процент иммигрантов, которые оформляют патенты и разрешения на работу. Легализованных иностранных работников, которые получили патенты и разрешения на работу, в 2016 г. стало меньше почти на 50% по сравнению с 2015 г., отмечают аналитики Центра стратегических разработок¹³. Так, в Санкт-Петербурге при постановке на миграционный учет указали целью въезда в город работу: в 2015 г. – 235 тыс. чел, в 2016 г. – 397 тыс. чел., в 2017 г. – 716 тыс. чел. В тот же период было выдано патентов на работу иностранных граждан: в 2015 г. – 256 тыс., в 2016 г. – 266 тыс., в 2017 г. – 238 тыс.¹⁴ Кроме того, многие трудовые мигранты по истечении срока действия патента не переоформляют его, тем самым теряя легальный статус, и становятся «невидимыми» для органов государственного управления.

В 2018 г. в Санкт-Петербурге мигрантам было выдано почти 350 тыс. миграционных карточек, из них легализовались 236 тыс. Правда, по официальным данным, ситуация в 2019 г. изменилась к лучшему: по данным на 9 месяцев 2019 г., 302 тыс. иностранных граждан при постановке на миграционный учет назвали целью въезда в Санкт-Петербург работу в городе, в тот же период времени было оформлено 227 патентов, за которые уплачено 6,6 млрд руб. налогов. Таким образом, только 75 тыс. мигрантов, прибывших в первые девять месяцев 2019 г. в Санкт-Петербург, не оформили патенты, кроме того, в тот же период 5,7 тыс. патентов было аннулировано за различные нарушения¹⁵.

Если главная цель городских властей – учет и контроль мигрантов, а также наполнение городского бюджета, то главная цель приезда трудовых мигрантов – это заработок, и потому они идут по пути наименьшего сопротивления, стремясь выстроить временную, не очень комфортную, но относительно привычную среду обитания, закрытую и от власти, и от «местных»¹⁶. Поэтому новые мигранты (работающие менее месяца), первый раз прибыв-

¹³ Миграционная политика: Диагностика, вызовы, предложения / Е.Б. Деминцева, Н.В. Мкртчян, Ю.Ф. Флоринская. М.: НИУ Высшая школа экономики, 2016.

¹⁴ Гастарбайтеры в Петербурге // Санкт-Петербургские ведомости. 2018. 27 февр. С. 4.

¹⁵ См.: Петербургский дневник. 2019. № 206 (2172). 5 нояб. С. 9.

¹⁶ Согласно данным исследования «Миграционная ситуация в Москве и Московской области: реальность против мифологем», 92% мигрантов предпочитают проводить свободное время со своими соотечественниками и земляками.

шие на принимающую территорию, даже не рассчитывают работать в легальном правовом поле, а заранее знают о существовании «серой» зоны и настроены работать в ней. «Серое» правовое поле стало неформальным правилом миграционного взаимодействия, общим для мигранта и работодателя. Увеличенный рабочий день, отсутствие профсоюзной поддержки, рабочее место, не соответствующее нормам, отсутствие официального разрешения на работу, фиктивная регистрация стали нормами и правилами внешней низкоквалифицированной трудовой миграции. Исследователи отмечают, что информация об этих правилах распространяется через дополнительных участников миграционного процесса: землячества, диаспоры, национально-культурные автономии, компании, оказывающие услуги по найму на работу, а также через каналы передачи информации, такие как социальные сети, через дальние и ближние круги общения мигрантов. В целом говоря о работодателях, необходимо подчеркнуть, что средние и крупные предприятия отличаются от малых предприятий большими возможностями увеличения интенсивности производства за счет труда мигрантов.

В свою очередь, как выяснили социологи, «нелегальные» мигранты не готовы даже думать о каких-либо формах борьбы против дискриминации в защиту своих прав. «Вопрос о возможности массовых выступлений не вызывал никакого понимания... Единственный результат массовых выступлений они видят в аресте и депортации из страны»¹⁷, чего трудовые мигранты боятся более всего.

Конечно же, рост массовой трудовой иммиграции (особенно нелегальной) имеет ряд негативных следствий: демпинг на рынке труда и в сфере услуг, сдерживание модернизации производства из-за дешевизны рабочей силы иммигрантов, массовые экономические правонарушения (занятость в полукриминальном секторе экономики, контрабанда, незаконные финансовые операции и др.), возникновение этнической монополии на отдельные виды экономической деятельности, увеличение числа уголовных правонарушений и в целом ухудшение криминогенной ситуации и др. Все это способствует росту недовольства среди членов принимающего сообщества

Известный американский исследователь Р. Патнем, изучая влияние массовой иммиграции на уровень доверия в обществе на материале США, пришел к выводу о том, что чем выше доля

¹⁷ Григорьев М., Осинников А. Нелегальные мигранты в Москве... С. 90.

иммигрантов в обществе, тем ниже уровень доверия между иммигрантами и коренным населением. В свою очередь, низкий уровень доверия к другим людям и институтам внутри принимающего сообщества препятствует тому, чтобы иммигранты могли найти место в нем¹⁸. Эта зависимость «работает» и в городах России. «Местные» постоянно напоминают приезжим иностранцам о том, что они «чужие» и не должны рассчитывать стать «своими». Петербургские социологи фиксируют достаточно высокий уровень тревожности, этнической ксенофобии, исламофобии и мигрантофобии в городе.

Важно отметить, что миграционный прирост в Москве, Санкт-Петербурге и других городах России сегодня происходит за счет трудовых мигрантов из постсоветских стран Центральной Азии, которые не интегрированы в принимающий социум и сложившиеся «старожильческие» диаспоры, подвергаются функциональной сегрегации и дискриминации по фенотипическим, этническим и конфессиональным признакам, что подталкивает их к сплочению на этнической/конфессиональной основе. Исследования, проведенные сотрудниками Института социологии РАН (руководитель проекта В.И. Мукомель), анализирующие ситуацию на рынках труда и жилья, наглядно показывают, что мигранты в крупных городах России попадают в своеобразный порочный круг: отторжение мигрантов принимающим обществом и властными структурами (наряду с объективными обстоятельствами, ограничивающими доступ мигрантов к тем или иным профессиям) формирует специфические социальные практики включения мигрантов в местные рынки труда, их функционирования на этих рынках. Имеются некоторые признаки того, что в сфере занятости идет процесс сегрегации этнических групп (по крайней мере, в строительстве, торговле, общественном питании, общественном транспорте), выстраивание их иерархии, когда представителям того или иного меньшинства отводится вполне определенная социальная ниша. Причем ни принимающее большинство, ни власти, ни другие меньшинства не приветствуют попытки покинуть такую нишу¹⁹. В результате закрепление в определенной нише в сочетании с низким профессиональным статусом не предполагает позитивной стратегии адаптации, поскольку

¹⁸ Putnam R. Pluribus Unum: Diversity and Community in the 21 st. Century // Scandinavian Political Studies. 2007. № 30 (2). P. 137–174.

¹⁹ См.: Национальные меньшинства на рынках труда и жилья: социологические исследования этнофобий и дискриминации в субъектах Российской Федерации. М.: РГНФ, 2014.

мигрант ограничен тем сегментом экономики, где он только и может приложить свои трудовые навыки.

Согласно опросам трудовых мигрантов (преимущественно из государств Центральной Азии) большинство из них не намерены в будущем оставаться в России и видят свою работу в качестве трудовых мигрантов как временную, сегодня только меньшая часть иммигрантов ориентирована на интеграцию в российское общество. Так, по данным социологических опросов (мигрантов разного происхождения, проведенных под руководством В.И. Мукомеля), остаться в России навсегда хотели бы около 27% мигрантов²⁰. Однако у ряда экспертов возникает сомнение, является ли ответ на прямой вопрос опросной анкеты тем решением, которое будет обязательно реализовано мигрантом? Очевидно, что в зависимости от множества факторов конкретный человек может, во-первых, иметь несколько разных сценариев своего поведения, актуализируя в определенной ситуации один из них, во-вторых, вносить коррективы и менять сами эти сценарии, исходя из множества привходящих обстоятельств. Это относится и к тем, кто собирается, согласно анкетным опросам, «остаться в России», и к тем, кто не собирается. Расширенные интервью с трудовыми мигрантами из Центральной Азии показывают, что они чаще скорее находятся в нескончаемых поисках оптимального выбора, все время корректирует свои планы. Надо учитывать также и то, что поведение человека, особенно сельского жителя или жителя небольших городов и городских окраин в странах Центральной Азии, определяется не столько в результате его единоличного решения, которое он озвучивает как желаемое для себя лично, сколько в результате сложных переговоров внутри сетей, к которым он принадлежит, где на него оказывают влияние и общие нормативные требования, как должно себя вести, и мнения родственников, друзей, близких, общие интересы семьи²¹.

Поэтому более релевантными представляются данные опроса экспертами Всемирного банка таджикских иммигрантов, которые провели в России свыше трех месяцев. Так, он показал,

²⁰ *Мукомель В.И.* Трансформация трудовой миграции: социальные аспекты // Россия реформирующаяся. Вып. 11 / М.К. Горшков (ред.). М.: Новый хронограф, 2012. С. 254.

²¹ См.: *Абашии С.* Транснациональная миграция в Россию и интеграционный потенциал трудовых мигрантов // Трудовая миграция и политика интеграции мигрантов в Германии и России: Колл. монография / Ред. и сост. М.С. Розанова. СПб.: Скифия-принт, 2016. С. 43–58.

что 73% предпочитают временную (циркульную) трудовую миграцию, 11% хотели бы остаться в России на срок до одного года и только 16% желают остаться в РФ на постоянное жительство. Эти данные практически повторяют результаты опроса трудовых мигрантов из Киргизии²². В свою очередь, опрос мигрантов, проведенный Лабораторией социологии образования и науки НИУ ВШЭ (СПб.), выявил устойчивую установку приезжих на то, что «миграция не конечная точка переезда, не событие, а процесс. Среди респондентов практически не встречались семьи, считавшие, что они завершили миграционную историю. Даже те, кто получает гражданство РФ и приобретает жилье, воспринимают свое положение как достаточно неопределенное; нередко респонденты говорят о желании вернуться в старости на Родину... Как правило, семьи с относительно высоким достатком строят дом в стране происхождения, при этом параллельно пытаются легализовать нахождение в России»²³. С одной стороны, эти обстоятельства снижают уровень притязаний мигрантов к наличным жизненным условиям, однако, с другой – могут служить важным препятствием для их интеграции в российское общество.

Проблема расселения мигрантов

Тем не менее международный опыт показывает объективную закономерность: «временные трудовые мигранты постепенно оседают в стране, где работали на протяжении нескольких лет, перевозят свои семьи, меняют свой статус, получают гражданство страны проживания»²⁴. При отсутствии эффективных мер по интеграции мигрантов/иммигрантов вышеизложенные факты создают основу для дальнейшей фрагментации и поляризации населения крупных российских городов, создают дополнительные проблемы в процессе преодоления культурной дистанции между коренным населением и трудовыми мигрантами/иммигрантами.

²² См.: www.worldbank.org/ECA.

²³ Alexandrov D., Karepin V., Musabirov I.D. Educational Migration from Russia to the Nordic Countries, China and the Middle East. Social Media Data // Companion Proceedings of the Web Conference 2018. Geneva : International World Wide Web Conferences Steering Committee, 2018. P. 49–50.

²⁴ Чудиновских О.С. Сколько в России международных мигрантов? // Мигранты, мигрантофобии и миграционная политика / Отв. ред. В.И. Мукомель. М.: НП «Центральный дом адвоката», Московское бюро по правам человека, «Academia», 2014. С. 31–50.

Многие мигранты в Москве и Санкт-Петербурге, в особенности граждане центральноазиатских государств, проживают в так называемых резиновых квартирах, которые представляют собой комнаты на пятерых и более человек в зависимости от количества вмещающихся матрасов. При этом комнаты редко бывают раздельными, предполагая совместное проживание мужчин и женщин, объединенных в большинстве случаев по этническому признаку или страной/регионом происхождения. Это обусловлено целым рядом факторов наряду с самым очевидным – высокими ценами на съемное жилье в крупнейших мегаполисах России. Кроме этого, можно выделить: недоверие владельцев жилплощади к мигрантам в целом и к представителям «неславянского» происхождения в особенности, что значительно затрудняет поиск жилья; мошеннические схемы, где после внесения предоплаты за один или несколько месяцев квартиросъемщика выгоняют под угрозой обращения в полицию; отсутствие договоров аренды и т. д. При очень плотном рабочем графике, без выходных дней или, в лучшем случае, с одним выходным в неделю и необходимости жесткой экономии, чтобы оправдать отъезд на заработки из страны проживания, мигранты используют квартиры только для ночного сна, а не для полноценного проживания, требующего значительно большего пространства. Это, в свою очередь, сужает возможности коммуникации с коренным сообществом, ограничивая их лишь минимально необходимыми контактами, что серьезно затрудняет процесс интеграции мигрантов в Москве и Санкт-Петербурге и закрепляет их положение «аутгруппы».

Следует также отметить, что этническая анклавизация мигрантского типа, которая является одной из основных проблем в европейских мегаполисах, по мнению большинства экспертов, на данном этапе не характерна ни для Москвы, ни для Санкт-Петербурга. Связано это прежде всего со спецификой советской градостроительной политики, ограничивающей социально-пространственную сегрегацию, и, кроме того, особенностями ограниченных возможностей трудоустройства мигрантов, которые расселяются недалеко от мест занятости, что приводит к смешанному проживанию представителей различных этнических, культурных и религиозных групп. Однако потенциал анклавизации мегаполисов в России существует и требует выработки определенной стратегии на уровне городских властей на долгосрочную перспективу.

Как отмечал президент Франции в 1974–1981 гг. В. Жискард д'Эстен, опираясь уже на исследования французских социологов, «...когда доля иммигрантов в составе населения достигает определенного уровня (по мнению некоторых авторов – это 10% от общей

численности населения), их желание интегрироваться в это население ослабевает, а после перехода через определенный порог... меняется на противоположное. И тогда приехавшие стремятся сгруппироваться, замкнуться в своей среде и защищать свою первоначальную идентичность, сохраняя свой язык, свою культуру, все свои прежние привычки повседневной жизни. С этого момента процесс интеграции приостанавливается»²⁵. Как результат, по мнению О. Вендиной, в Москве уже происходит постепенное «вымывание» из районов города, концентрирующих наиболее острые социальные, жилищные и экологические проблемы, представителей российского среднего класса с последующим их замещением экономическими мигрантами, что провоцирует формирование ареалов компактного расселения этнических групп. Это создает реальную опасность территориальной сегрегации этнических мигрантов, формирования этнических кварталов расселения как потенциального места концентрации наименее адаптированных к новой социальной среде мигрантов, так как «представители верхних страт общества из числа национальных меньшинств предпочитают близкую им социальную, а не этническую среду»²⁶. Таким образом, замыканию этнических иммигрантских общин также способствует распределение мигрантов и коренных жителей по разным сферам приложения труда и местам проживания.

Проблема здравоохранения для мигрантов

Оказание медицинской помощи населению, согласно стандартам Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), должно осуществляться на основе общедоступности. Само определение «население» включает в себя не только граждан страны, но и иностранцев, беженцев, апатридов, находящихся на территории государства, которые должны иметь доступ к общепринятым стандартам прав человека – обеспечению жизни, физической безопасности и, соответственно, использованию национальной системы здравоохранения. Вплоть до недавнего времени основная часть медицинских услуг предоставлялась населению России на основе Федерального закона от 29 ноября 2010 г. № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в РФ». Закон следующим образом определял круг застрахованных лиц: граждане

²⁵ Жискар д'Эстен В. Французы: Размышления о судьбе народа. М., 2004. С. 183.

²⁶ См.: Иммигранты в Москве / Под ред. Ж.А. Зайончковской. М., 2009.

РФ, постоянно или временно проживающие на территории РФ, граждане иностранных государств и беженцы. Таким образом, действие данного закона не распространялось на трудовых мигрантов, которые подпадают под категорию временно пребывающих. При этом полис добровольного медицинского страхования не являлся обязательным для прибывающих для трудоустройства в Россию. Это, как констатировали эксперты МОМ, создает угрозу стабильной санитарно-эпидемиологической обстановке в стране в силу ряда причин:

- предоставление трудовыми мигрантами недостоверных данных о состоянии здоровья;
- неблагоприятные условия труда и проживания мигрантов и членов их семей, в особенности занятых в неформальных областях экономики, что создает условия для роста их заболеваемости;
- отмена с 2010 г. обязательных выплат работодателями за трудовых мигрантов, в результате чего эта категория граждан имеет возможность получать только экстренную медицинскую помощь;
- недостаточная доступность платных медицинских услуг в силу низких доходов мигрантов, а также языкового барьера (при слабом владении приезжими русским языком и отсутствии услуг переводчиков в медицинских учреждениях)²⁷.

Ограничения в получении медицинского обслуживания в Москве, Санкт-Петербурге и других крупных городах создает условия для возникновения полуправовых частных клиник, ориентированных на оказание медицинских услуг иммигрантам. Примером подобных структур является клиника «Маяк» в Москве, обслуживающая в основном мигрантов–выходцев из государств постсоветского пространства, в особенности из Кыргызстана, где врачи владеют азиатскими языками, а стоимость медицинского обслуживания ниже, чем в других московских больницах, даже для лиц, не имеющих полиса ДМС²⁸.

На сегодняшний день, после ряда изменений в миграционном законодательстве, требования к трудовым мигрантам ужесто-

²⁷ Вопросы предоставления медицинской помощи иностранным гражданам и лицам без гражданства в РФ: Материалы Рабочей группы по медицинским и социальным проблемам трудящихся мигрантов за 2010 г. М.: Бюро МОМ в Москве, 2011. С. 11–12.

²⁸ См.: <https://www.theguardian.com/cities/2015/jun/08/why-migrants-fleeing-moscow-permits-economy>

чили. Для получения патента мигрантам необходимо пройти полное медицинское обследование, включающее анализы на ВИЧ-инфекцию, проказу, туберкулез, венерические заболевания и наркозависимость. В связи с этим отмечаются многочисленные случаи депортации мигрантов при выявлении вышеперечисленных заболеваний, включая пример трудового мигранта из Узбекистана, высланного из России после подтверждения диагноза ВИЧ-инфицированного²⁹, что является нарушением прав человека. Нужно подчеркнуть, что хотя в России уровень заболеваемости ВИЧ выше, чем на всем постсоветском пространстве, и среди коренных граждан процент больных заметно больше, чем среди приезжих, именно мигранты рассматриваются в качестве потенциальных переносчиков этого заболевания. Такие же стереотипы существуют и в отношении такого социально опасного заболевания, как туберкулез, и роли мигрантов как основного источника его распространения, хотя в действительности, по данным центра мониторинга туберкулеза МЗСР РФ, удельный вес не граждан России, в том числе различных категорий мигрантов, в структуре заболеваемости туберкулезом составляет лишь 2%³⁰. При этом следует заметить, что для реализации заявленного Многофункциональным миграционным центром в Москве графика – «патент за два посещения», проведение медицинского обследования, за исключением анализов, представляется экспертам утопией.

С 2019 г. обязательным требованием для трудовых мигрантов стало заключение договора добровольного страхования, что при должной реализации позволяет надеяться на улучшение ситуации с медицинским обслуживанием иностранных работников.

Проблема образования для мигрантов

Одними из наиболее частых обвинений в адрес иммигрантов, высказываемых коренным населением, и одновременно одними из главных причин, препятствующих их успешной интеграции в Москве и Санкт-Петербурге, является слабое знание русского языка и культурных и исторических традиций принимающего сообщества. Помимо сложностей в повседневной бытовой комму-

²⁹ См.: <https://www.newsdeeply.com/refugees/community/2017/08/03/russia-xenophobia-and-profiting-from-migration-controls>

³⁰ «Трудовая миграция в России: медико-социальные и гендерные аспекты»: Материалы Международной конференции 26–27 октября 2011 г. М.: MOM, 2012.

никации, наличие языкового барьера негативно сказывается и на выполнении мигрантами их трудовых обязанностей, что наиболее наглядно проявляется в сфере обслуживания.

В связи с этим с 2015 г. было введено требование, согласно которому для получения патента на осуществление трудовой деятельности все трудовые мигранты обязаны пройти тестирование на владение русским языком, знание истории России и основ законодательства РФ. При этом, несмотря на декларируемый ответственными миграционными ведомствами и подтверждающийся на практике низкий уровень владения русским языком, на начальных этапах тестирования количество мигрантов, успешно сдавших эти тесты, составило 94%. В связи с этим отметим, что реализация данной инициативы принесла очевидные экономические выгоды: с 2015 по 2017 г. совокупный доход 13 сертифицированных российских вузов и 300 аффилированных партнерских центров, проводивших сертификацию, составил 11,5 млрд руб.³¹ Парадоксально, но экзамен по русскому языку во всех аккредитованных вузах Москвы принимается по рекомендованной цене – 5000 руб., а в Многофункциональном миграционном центре Москвы в Сахарове стоимость прохождения экзамена составляет 700 руб. При этом вузы выдают сертификат об успешной сдаче экзамена на 5 лет, а Центр – бессрочный документ. В ряде профильных вузов Москвы, например в РУДН, были открыты специализированные языковые курсы, которые тем не менее не очень востребованы в иммигрантской среде.

Среди наиболее актуальных проблем, связанных с иммигрантскими сообществами в Москве и Санкт-Петербурге, особое место занимает задача интеграции детей мигрантов. У них после переезда в Россию складываются психологические комплексы: нет мотивации к социализации в принимающем сообществе; страх перед школой и учебой в целом; зачастую после переезда родители оставляют своих детей на несколько лет дома, где они помогают родителям по дому или по работе, и др. Для адаптации младшего поколения прибывающих в Россию, позволяющей преодолеть социально-культурные барьеры, необходимо вовлекать их в русскую языковую среду и прививать представления о базовых ценностях и традициях принимающего сообщества. Безусловно, оптимальным для этого средством является школьное образование. Однако первая и основная проблема, с которой здесь сталкиваются дети иммигрантов, – языковой барьер. Причем в дошколь-

³¹ См.: <https://www.newsdeeply.com/refugees/community/2017/08/03/russia-xenophobia-and-profiting-from-migration-controls>

ных учреждениях (ДОУ) эту проблему отмечают в два раза чаще, чем в школе: 70,5 и 39,3% соответственно. Очевидно, что в работу по поддержке детей иммигрантов следует включать не только обучение детей русскому языку, но и формирование толерантного отношения русскоговорящих детей к языку и культуре детей другой национальности.

Родители отмечают, причем в школе больше (28,4%), чем в ДОУ (9,1%), что дети из числа нацменьшинств могут сталкиваться с интолерантным отношением сверстников (символический барьер). Дети могут дразнить, давать обидные прозвища, клички. Агрессивное отношение к нацменьшинствам больше проявляют дошкольники (13,6% против 8,4% в школе)³².

Московские исследователи отмечают серьезные трудности, испытываемые детьми мигрантов в освоении программ школьного курса и социализации в городском социуме. Согласно программе «Столичное образование» на 2010–2016 гг. в Москве предполагалось создание особых образовательных структур, целевой аудиторией которых являлись бы именно дети прибывающих в страну трудовых мигрантов. Однако впоследствии это было признано непродуктивным и, напротив, ограничивающим возможности вхождения в новую языковую и культурную среду. Те же риски сопутствовали инициативам создания специальных классов в обычных московских школах, что сопровождалось ростом отчуждения и дискриминации в детской среде. Кроме того, это уменьшало возможности получения языковых навыков, и без того ограниченных, так как «общение в кругу семьи и внутри определенного анклава мигрантов происходит, как правило, на национальном языке»³³. Таким образом, оптимальной стратегией является совместное обучение детей мигрантов с другими «местными» школьниками, с включением в программу дополнительных часов русского языка и литературы для обеспечения освоения детьми иммигрантов школьного курса в полном объеме. Однако это зачастую вызывает сопротивление родителей – москвичей и питерцев. Социальные сети и интернет-ресурсы заполнены рассказами о негативной

³² *Александрова Т.В., Хоменко И.А.* Проблема поддержки культурного самовыражения национальных меньшинств в детской среде: мнение детей и родителей // Вестник Герценовского университета. 2011. № 8. Авг. С. 94.

³³ *Куприна Т.В.* Обучение детей мигрантов в школах России: Проблемы и пути их решения. С. 68 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obuchenie-detey-migrantov-v-shkolah-rossii-problemy-i-puti-ih-resheniya/viewer>

практике совместного обучения москвичей, питерцев и детей мигрантов, о делении классов на «черные» и «белые», о стремлении московских и питерских родителей оградить своих детей от «чуждого» влияния, о падении качества образования в школах из-за слабо подготовленных детей иммигрантов. Для подъема уровня языковой подготовки в Москве начали создаваться «Школы русского языка». В них дети мигрантов в течение года должны были учить русский язык, а потом поступать в соответствующий их возрасту и уровню класс. Однако, по данным Института демографии ВШЭ, в Москве в таких школах учатся не больше 300 человек, при том что детей мигрантов в столице насчитывается около 60 тыс.

Альтернативой светскому образованию в Москве являются религиозные общеобразовательные учебные заведения, которые появились относительно недавно, но уже завоевали популярность в мусульманской иммигрантской среде. Религиозные школы, например медресе при Московской Соборной мечети / Медресе «Исмаилия», медресе «Аль-Фатиха» при Московской Мемориальной мечети на Поклонной горе и другие, выполняют не только образовательные функции, но и значительно улучшают качество жизни мигрантов-мусульман, так как дают возможность большему числу семей приезжать в Москву вместе с детьми (вместо того, чтобы оставлять их со старшими родственниками). Дети могут обучаться в более безопасной и привычной среде, свободной от дискриминации. Однако наряду с положительными сторонами эти учреждения могут способствовать ограничению контактов младшего поколения мигрантов со своими сверстниками, создавая дополнительные барьеры их языковой и культурной адаптации в принимающем сообществе.

Тем не менее в Москве и Санкт-Петербурге в интеграционных мероприятиях, осуществляемых городскими властями, остаются практически без внимания дети мигрантов³⁴. И это

³⁴ В Санкт-Петербурге исключением здесь является организация немногочисленных экскурсий с посещением традиционного русского фермерского хозяйства «для детей и школьников, а также детей-инофонов». Цель экскурсий – «ознакомление с исконно русскими традициями ведения хозяйства и приобщение к обычаям русского и других народов РФ, проживающих на территории города, и взаимодействие детей и школьников различных национальностей». Экскурсионная программа включает следующие блоки: историческая справка о народах России и национальностях, проживающих в Санкт-Петербурге; знакомство участников мероприятия с сельскохозяйственными животными, составляющими часть быта и национального уклада хозяйства народов России,

невзирая на то, что в школах Санкт-Петербурга обучаются от 5 до 12,8% иноязычных детей³⁵, прибывших в РФ вместе с родителями³⁶. Тем самым правительство своими действиями четко обозначает, что семейная миграция, как потенциальный демографический ресурс города, не является желательной. Зачастую детей мигрантов отказываются принимать в школу, ссылаясь на приказ Министерства образования РФ (Приказ от 22 января 2014 г. № 32), который поставил право детей на школьное образование в зависимость от наличия у родителей регистрации по месту жительства, а для иностранцев также от наличия легального статуса. Приказом были нарушены положение Конституции РФ (статья 43) о том, что каждый имеет право на образование, и ратифицированной Россией «Конвенции по правам ребенка» (статья 28), в которой детям вне зависимости от правового статуса их или их родителей гарантируется бесплатное и обязательное начальное образование. Несмотря на отмену данного приказа в судебном порядке Верховным судом РФ 27 августа 2015 г. в связи с иском НКО «Комитет “Гражданское содействие”», и сегодня имеет место практика, когда директора школ отказывают в приеме детям мигрантов без регистрации/легального статуса, поскольку они испытывают давление представителей миграционных служб и прокуратуры, задача которых – выявление и выдворение из страны мигрантов, нарушивших миграционное законодательство³⁷.

Подобное отношение к проблеме детей мигрантов показывает декларативность всех официальных заявлений о необходимости реализации мер интеграционной политики, поскольку именно «дети мигрантов, прошедшие в школах адаптацию, знающие местный язык и местные правила, не только являются пер-

национальными костюмами и предметами утвари; посещение выставки, освещающей историю и культуру различных народов России, с акцентом на необходимости толерантного отношения к этническому, культурному и религиозному многообразию России и Санкт-Петербурга.

³⁵ Такой разброс в цифрах обусловлен тем фактом, что информацией о реальном количестве детей мигрантов в Санкт-Петербурге «не владеет ни одно ведомство». См.: Ежегодный доклад уполномоченного по правам ребенка в Санкт-Петербурге за 2015 год. СПб., 2016. С. 301.

³⁶ Герасимова Е. Почему школы отказываются принимать детей мигрантов 12.08.2015 «Независимая газета» [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/education/2015-08-12/7_migranty.html

³⁷ <http://refugee.ru/news/verhovnyj-sud-podtverdil-pravo-detej-uchitsya/>

спективными работниками, но и мощным проводником местной культуры и традиций в своей семье»³⁸.

Согласно обнаруженному западными исследователями «парадоксу интеграции», второе и третье поколения иммигрантов, являющиеся, как правило, более интегрированными в социоэкономическом плане, тем не менее острее, чем их родители, переживают дискриминацию и социальное отвержение со стороны принимающего общества³⁹. Поэтому несложно предсказать, что сотни тысяч детей «гастарбайтеров», родившихся или прошедших социализацию в «негостеприимной» России, вряд ли будут мириться с унижением и дискриминацией, которым подвергались и подвергаются их отцы, которые соглашались на любые условия труда и жизни. Второе поколение иммигрантов будет отвергать дискриминацию по этническим и расовым основаниям, этнофобии и ксенофобии «коренного» населения и будет активно протестовать против собственного низкого социального статуса. Как показывают социологические исследования, чем выше уровень воспринимаемой дискриминации, тем выраженнее этническая интолерантность. Тем более что всегда найдутся политические лидеры, готовые сделать защиту этнических интересов своей профессией.

³⁸ Полетаев Д. Мигрантофобия и миграционная политика // Мигранты, мигрантофобии и миграционная политика / Отв. ред. В.И. Мукомель. М.: НП «Центральный дом адвоката», Московское бюро по правам человека, «Academia», 2014. С. 18–19.

³⁹ Alanya Ahu, Baysu Gülseli & Swyngedouw Marc Identifying City Differences in Perceived Group Discrimination among Second-generation Turks and Moroccans in Belgium, *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 41:7, 2015. P. 1088–1110 и др.

Глава 6

Самоидентификация трудовых мигрантов из государств Центральной Азии в новой городской среде

6.1. Мусульманские иммигрантские сообщества Москвы и Санкт-Петербурга: проблемы интеграции

Известно, что мечети играют особую роль в жизни мусульман, в том числе в существовании и консолидации иммигрантских сообществ в Москве и Санкт-Петербурге. Все мечети в Москве были либо построены, либо реконструированы в постсоветский период в связи с растущими запросами мигрантов из стран Центральной Азии и Кавказа, большую часть из которых составляют мусульмане. Это стало отражением возрастания значимости мусульманских религиозных деятелей в современной политической повестке РФ. Доминирующей этнической группой среди исламских лидеров в Москве, как и в Санкт-Петербурге, традиционно являются татары, воспринимаемые как официальные представители мусульман и вместе с тем наиболее лояльные государственным властям (в отличие, например, от выходцев с Северного Кавказа, не имеющих равного представительства среди религиозных авторитетов и в большей степени вовлеченных в бизнес-структуры). Таким образом, организация мечетей в Москве и Санкт-Петербурге характеризуется этнической дифференциацией, где татары занимают административные позиции, мусульмане из российских регионов в основном не представлены, а мигранты из стран Южного Кавказа и Центральной Азии составляют большинство прихожан и потенциальных клиентов связанных с мечетями экономических сетей.

В Москве существуют 4 официально действующие мечети, наиболее посещаемыми из которых являются новая Соборная мечеть, самая крупная на территории Российской Федерации, открытая в 2015 г., расположенная на проспекте Мира, и историческая мечеть на станции метро «Третьяковская» в самом центре столицы. Новая мечеть имеет также административное здание, где расположены отдел внешних связей, залы для проведения различ-

ного рода торжеств, свадеб и собраний, магазины, кафе и ресторан, туристическое бюро и т. д. Помимо места отправления религиозных обрядов, мечети в Москве и Санкт-Петербурге становятся «точками притяжения» мигрантов – выходцев из мусульманских стран, формируя целую инфраструктуру информационных и образовательных центров, центров трудоустройства, торговых площадей; пространства, где создаются и закрепляются этнические сетевые организации, расширяются экономические и социальные связи. Формируемое мечетями «мусульманское пространство» способствует возникновению феномена, как справедливо характеризует его исследователь из Института региональной географии (Лейпциг, Германия) Рано Тураева, «воображаемого сообщества мечети»¹, которое объединяет выходцев из Таджикистана, Узбекистана, Кыргызстана, Казахстана и т. д. и способствует их адаптации в Москве. С другой стороны, опираясь на определение А. Коэна, сообщества – как членов группы людей, имеющих нечто общее друг с другом, что в значительной степени отличает их от членов другой воображаемой группы и, таким образом, противопоставляющее одно сообщество другому или другим социальным общностям², мечеть представляет собой «символические границы сообщества» мигрантов, закрепляя капсулирование их идентичности и, соответственно, препятствуя процессу их интеграции в городское сообщество.

По данным экспертов, многие из групп таджикских и узбекских рабочих организованы по принципу джааматов, во главе с лидером, являющимся одновременно бригадиром, родовым старейшиной и религиозным авторитетом. Кроме того, на территорию России без регистрации (на краткие сроки) приезжают религиозные авторитеты из стран Центральной Азии для проведения различных ритуалов и проповедей. Оба канала могут легко послужить цели распространения экстремистских настроений³. К сожалению, этот прогноз получил подтверждение 4 апреля 2017 г. в Санкт-Петербурге, когда молодой выходец

¹ *Turaeva R.* Imagined mosque communities in Russia: Central Asian migrants in Moscow <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/14631369.2018.1525529>

² *Cohen A.P.* The Symbolic Construction of Community Routledge. London; New York, 2001. P. 12.

³ *Казанцев А.А., Гусев Л.Ю.* Прогноз деятельности террористических организаций в странах Центральной Азии и Афганистане: возможные пути противодействия в интересах безопасности РФ // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2013. Т. 9. № 1. С. 160–176.

из Кыргызстана совершил теракт в метро⁴. Не так давно директор ФСБ Александр Бортников даже заявил, что основу действующих на территории России групп террористов составляют прибывающие из стран бывшего СССР трудовые мигранты, что именно в мигрантской среде преступники ведут активную вербовочную деятельность и рекрутируют исполнителей терактов⁵. Действительно, исследователи отмечают, что политизации ислама способствуют некоторые его характерные черты:

- универсализм в определении мусульманского общества;
- идеал *уммы* как религиозно-политической общности верующих;
- отсутствие церкви как особой организации, через которую можно получить отпущение грехов и обрести спасение;
- исключительная значимость правильной ориентации мирской деятельности верующих;
- образ пророка Мухаммада как оплота идеалов ислама и гаранта благополучия общины, как справедливого и демократичного правителя;
- автономный доступ к Богу всех членов общины: текст священного Корана открыт каждому верующему, и каждый может по-своему интерпретировать его⁶.

Таким образом, ислам для мусульман не только религия, но и образ жизни, а также важнейший источник решений социальных, политических и других светских вопросов.

Однако, как отмечают некоторые эксперты, эти сообщества правоверных мусульман имеют мало общего с традиционной мусульманской уммой, как объединением единоверцев, превосходящим по значимости для его члена чувства принадлежности к определенной этнической группе или роду. В Москве и Санкт-Петербурге границы сообществ определяются скорее странами

⁴ Характерно, однако, что это трагическое событие не привело к ожидаемому всплеску мигрантофобии в городе и, напротив, показало способность петербуржцев к сплочению и совместным действиям перед лицом террористической угрозы.

⁵ *Калюков Е.* Глава ФСБ назвал трудовых мигрантов из СНГ костяком групп террористов // <http://www.rbc.ru/politics/11/04/2017/58ec92ea9a79477def3267f1> (дата обращения 11.04.2017).

⁶ См.: *Кудряшова И.В.* Мусульманская идентичность и современная политика // *Мировой порядок – время перемен: Сб. статей / Под ред. А.И. Соловьева, О.В. Гаман-Голутвиной. М.: Аспект Пресс, 2019. С. 155.*

происхождения мигрантов, а именно постсоветской Центральной Азией, и статусом мигранта, а не только религиозной составляющей. Как отмечает Р. Тураева, мигранты из Афганистана, несмотря на религиозную и даже лингвистическую общность, не включаются в данные сообщества в связи с «иностранным происхождением и другой культурой»⁷, т. е. они не разделяют их общего советского прошлого. Региональная аффилиация, хотя и в меньшей степени, также оказывает влияние на характер взаимоотношений в рамках мусульманского сообщества, разделяя выходцев из Центральной Азии и Кавказа; реже встречается этническая дифференциация на таджиков, узбеков, кыргызов, казахов и туркмен.

При этом в ходе взаимодействия иммигрантских сообществ с коренным населением возрастает уровень этнизации социальных структур. По результатам интервьюирования таджикских иммигрантов в Москве Э. Паин выявил, что необходимость групповой сплоченности возрождает традиции таких региональных и клановых связей, которые уже не встречаются в самом Таджикистане, что, в свою очередь, вызывает резко негативную реакцию общества в традиционно русских частях РФ⁸.

Низкую степень интеграции иммигрантов в Москве и этническую замкнутость их сообществ отмечает и Е. Варшавер, директор Центра исследований миграции и этничности (РАНХиГС при Президенте РФ) на примере граждан Кыргызстана, которые живут в «параллельном городе», полностью полагаясь на советы, информацию и основные услуги своих соотечественников. Около 70% кыргызов в Москве ассоциируют себя преимущественно со своей этнической группой, при этом 35% подчеркивают свою связь с другими кыргызами в Москве скорее, чем в стране происхождения. Несмотря на то что как такового «Кыргыз-тауна» не существует, в Москве функционируют около 80 ресторанов, клиентуру которых составляют преимущественно кыргызы, по меньшей мере 12 кыргызских больниц и других предприятий сферы услуг⁹.

Новые иммигранты из стран ислама часто организованы по сетевому принципу и управляются неформальными социаль-

⁷ *Turaeva R.* Imagined mosque communities in Russia: Central Asian migrants in Moscow <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/14631369.2018.1525529>

⁸ *Pain E.* Russia and the Muslim World: Specifics of Integration of Islamic Population in Russian Society p.4 <https://www.norface.net/wp-content/uploads/2017/09/s1-pain-2.pdf>

⁹ См.: <https://www.theguardian.com/cities/2015/jun/08/why-migrants-fleeing-moscow-permits-economy>

ными лидерами, многие из которых являются религиозными и/или криминальными авторитетами. Причем чем больше проблем с легализацией трудовой деятельности и пребывания возникает у трудовых мигрантов, тем больше они нуждаются в сетях «своих», кто будет им помогать, и тем больше должен мигрант вкладывать средств и усилий в то, чтобы сохранять свое членство в сетях, связывающих его с обществом исхода¹⁰.

Важнейшими факторами, оказывающими влияние на степень интегрированности мигрантов в Москве, по мнению известного российского исследователя миграции В.И. Мукомеля, являются:

- длительность пребывания мигранта в городе, что подтверждается данными опросов – среди респондентов, проживающих в мегаполисе до трех лет, 29,4% интегрированных, среди тех, кто свыше шести, – 36,4%¹¹. Однако существует вероятность не вполне объективной оценки мигрантами собственного положения, где желаемое выдается за действительное;
- с возрастом мигрантов: чем старше мигранты, тем выше среди них доля интегрированных. «Степень интегрированности мигрантов повышается с возрастом, достигая пика среди тридцати-сорокалетних мигрантов и снижается среди пятидесятилетних. Примечательно, что наименее интегрирована молодежь: в Москве и области – двадцатилетние»¹²;
- с уровнем образования: чем он выше, тем более успешно мигрант интегрируется в локальном социуме. В Москве, например, «наиболее высок удельный вес интегрированных среди респондентов со средним специальным/профессиональным и высшим образованием (соответственно 43,2 и 43,4%)»¹³.

¹⁰ Под этнической социальной сетью понимают устойчивые и повторяющиеся доверительно-реципрокные связи разной интенсивности между членами одной этнической группы, основанные на взаимном признании друг друга как представителей определенной этнической общности и реализуемые посредством обмена.

¹¹ *Мукомель В.И.* Этнополитическая ситуация в Москве и Московской области // Этнополитическая ситуация в Российской Федерации: Сб. экспертных докладов / Отв. ред. М.А. Омаров. М., 2018. С. 28.

¹² Там же. С. 29.

¹³ Там же.

Как отмечал еще Д. Горовиц, структура групповых этнических отношений в полиэтническом сообществе может быть либо ранжированной и тем самым создающей иерархический порядок, либо неранжированной и создающей параллельный порядок, в котором каждая группа считает свое членство более престижным. Оба социальных порядка могут порождать этнические конфликты. Однако если в последнем случае этнические группы могут стремиться создать свое собственное государство, то в первом случае этнический конфликт приобретает окраску классового конфликта и происходит мультипликация конфликтности¹⁴. Таким образом, когда социально-экономическое расслоение (классовое, статусное) в обществе приобретает форму этнического расслоения, резко повышается конфликтный потенциал. Не случайно создатели теории этнической конкуренции предполагают, что этнические конфликты прежде всего являются продуктом экономической конкуренции между этнически дифференцированными классами или между этнически различающимися потребителями и поставщиками¹⁵. Поэтому важно отметить, что социально-экономическая стратификация в российских городах начинает накладываться на этнические различия. Сегментация рынков труда постепенно ведет к выделению секторов, занятых преимущественно мигрантами. То есть начинается процесс формирования так называемых этноклассов. В результате «в глазах обывателя сформировались устойчивые образы, с одной стороны, “таджика” – нуждающегося, обделенного богатством и статусом, а с другой стороны, “кавказца”, наслаждающегося благами, недоступными рядовому российскому гражданину. С первым из этих образов ассоциируется “смутное, но сильное ощущение превосходства”, со вторым – ресентимент»¹⁶. Характерно, что мигрантов из республик Северного Кавказа, т. е. граждан России, горожане зачастую не воспринимают как «своих». Получают широкое распространение различные формы прямой дискриминации и сегрегации «этнических чужаков», которые занимают нижние ступени в социальной иерархии, тем самым постепенно превращая российское общество в общество, в котором социальные низы образуют изолированные этнические меньшинства – выходцев из мусульманских стран и регионов.

¹⁴ См.: *Horowitz D. Ethnic Groups in Conflict*. Berkeley, 1985. P. 30.

¹⁵ См.: *Bonacich E. A theory of ethnic antagonism: the split labor market* // *American sociological review*. Nashville, 1972. Vol. 37. № 5. P. 547–559.

¹⁶ *Малахов В.С. Расовый образ мыслей после расизма: случай России на общеевропейском фоне* // *Расизм, ксенофобия, дискриминация. Какими мы их увидели...* Сб. статей / Сост. и отв. ред. Е. Деминцева. М., 2013. С. 123–124.

6.2. Мусульманская наднациональная идентичность: Pro et Contra

Самоидентификация трудовых мигрантов имеет особо важное значение для анализа проблем их адаптации и интеграции в российское общество. Часто как в научной литературе, так и в публицистике они обозначаются как субъекты миграционного процесса. При этом практически не учитываются их собственные представления и о самих себе, и о принимающем сообществе. Это обусловлено трудностями полевых исследований в среде мигрантов, недостаточными знаниями национальных языков народов Центральной Азии исследователями и слабым знанием русского языка у самих мигрантов. Дополнительные сложности возникают также при попытке контактов из-за недоверия к чужим и опасений со стороны граждан Узбекистана, Таджикистана и Кыргызстана. Часто можно видеть нежелание последних выступать в роли информантов и делиться своими проблемами и трудностями. Ситуация с получением необходимых данных, в том числе и представлений мигрантов о самих себе и о принимающем сообществе, немного улучшается благодаря активной деятельности НКО, таких как «ПСП-фонд», «Российский Красный Крест», «Комитет “Гражданское содействие”», «Дети Петербурга» и др.

Например, в разработке специализированной учебно-методической литературы ПСП-фонда «Мухожир аёллар мухожир аёлларга маслахат беришади» (Мигранты советуют мигрантам в пер. с узбекского)¹⁷, «Маслихатҳои мухочирзанон ба мухочирзанон» (Мигрантки советуют мигранткам)¹⁸ активное участие принимали сами трудовые мигранты. Тем не менее качественные данные по условному «миру трудовой миграции» по-прежнему в дефиците. При этом динамика миграционных процессов требует все больше детальных представлений о приезжих из трех республик постсоветской Центральной Азии¹⁹, в том числе и об уровне и содержании их самоидентификации: «наднациональной», «этнической», «субэтнической» и «локальной».

Наиболее частый случай, когда наднациональная категория определяется религиозной идентичностью – мусульманин-суннит, приверженец ханафитского мазхаба. Единственным исключе-

¹⁷ Мухожир аёллар мухожир аёлларга маслахат беришади Россия ҳаётига оид фойдали маслахатлар. СПб.: L-Print, 2019. 51 с.

¹⁸ Маслихатҳои мухочирзанон ба мухочирзанон. Маслихатҳои муфид дар бораи ҳаёт дар Русие. СПб., L-Print, 2019. 52 с.

¹⁹ Для удобства мы будем использовать термин «Средняя Азия».

нием здесь будут исмаилиты – выходцы из Горно-Бадахшанской автономной области. Памирские исмаилиты принадлежат к низаритскому ответвлению исмаилизма, «восходящему своими корнями» к государству Аламут²⁰. Общее их количество в России трудно определить за отсутствием отдельной статистики по приезжим памирцам. В России граждан Таджикистана не делят по этническому и тем более субэтническому признаку. При этом в самой республике субэтническая или локальная идентичность имеет особое, фактически политическое значение. В 2005 г. выходец из ГБАО Т.С. Каландаров подводил подсчет мигрантов из этого уникального района по крупным российским городам. В Москве и Московской области уже тогда проживало порядка 10–15 тыс. памирских мигрантов, в Санкт-Петербурге – около тысячи²¹. Этноконфессиональная специфика данного региона отразилась и на стратегии мигрантов–выходцев из него.

Относительно наднациональной мусульманской самоидентификации в мигрантской среде у экспертов превалирует мнение о ее популярности. Так, А.В. Малашенко считает, что «мусульманином, членом мировой уммы в 1,5 млрд человек, быть комфортней, чем таджиком»²². Позволим не согласиться с Алексеем Всеволодовичем относительно примата панисламистской ориентации у приезжих. Среднеазиатская мусульманская идентичность давно привлекает к себе внимание исследователей как особый случай контаминации религиозного, национального и локального самосознания.

Один из признанных авторитетов по изучению этнополитических и конфессиональных проблем постсоветской Центральной Азии, А. Халид, считал, что в регионе «ислам был изгнан из публичного пространства» и вместе с тем появились «влиятельные светские этнонациональные идентичности»²³. Отсюда популярный в науке тезис о конкуренции национального и религиозно-

²⁰ Каландаров Т.С. Исмаилитская община Москвы: Будущее сквозь призму прошлого // Вестник антропологии. 2018. № 3 (43). С. 114.

²¹ Каландаров Т.С. Памирские мигранты-исмаилиты в России // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М.: Институт этнологии и антропологии РАН (№ 178), 2005. С. 7.

²² Малашенко А.С. Радикалом быть нормально. Каждый умный человек – радикал [Электронный ресурс]. URL: <http://tv2.today/Istorii/Aleksey-malashenko-radikalom-byt-normalno-kazhdy-umnyy-chelovek--radikal> (дата обращения 25.11.2019).

²³ Халид А. Ислам после коммунизма: Религия и политика в Центральной Азии / Пер. с англ. А.Б. Богдановой. М., 2010. С. 11.

го компонентов идентичности мусульман, разделяемый большинством исследователей Ближнего Востока, Средней Азии и Северного Кавказа²⁴.

В реальности же, с точки зрения этнографов, изучающих регион, религиозная идентичность лишь дополняет локальную, подчеркивает ее значение и обеспечивает реализацию социокультурных норм или просто традиций в порядке преемственности поколений. Российский востоковед Л.А. Чвырь выделяла особый вид «этноконфессионального сознания» у народов Средней Азии. Каждый из состава таджикских и узбекских этнических и субэтни-

²⁴ *Мирский Г.И.* Ислам и нация. Ближний Восток и Центральная Азия // Полис. Политические исследования. 1998. № 2. С. 77–82; *Задворнов И.А.* Северный Кавказ: Этнополитические и религиозные особенности социокультурной идентичности // Социологические исследования. 2000. № 10. С. 52–57; *Алиев А.А.* Идеология «мусульманского национализма». М., 2008; *Кудряшова И.В.* Нациестроительство на Ближнем Востоке: От мусульманской Уммы к нации-государству? // Политическая наука. 2008. № 1. С. 132–166; *Прасолов Д.Н.* Исламский фундаментализм и проблема смены религиозной идентичности // Исторический вестник КБИГИ. Нальчик, 2008. С. 230–256; *Халиль М.* Проблемы идентичности в египетском обществе // Россия и мусульманский мир. 2009. № 10. С. 170–182; *Гаджиев К.С.* Этнонациональная и геополитическая идентичность Кавказа // Мировая экономика и международные отношения. 2010. № 2. С. 64–74; *Досанова Г.М.* Городские женщины в хиджабе. Новый феномен в Казахстане // Современные гуманитарные исследования. 2010. № 2. С. 296–301; *Буттаева А.* Ислам в поликонфессиональном пространстве современного Дагестана // Центральная Азия и Кавказ. 2012. № 1. С. 79–92; *Звягельская И.Д.* Исламское возрождение в Центральной Азии: Причины и игроки // Ислам на Ближнем Востоке. 2011. № 6. С. 475–485; *Молодов О.Б.* Проблемы идентификации населения Казахстана и Кыргызстана // Социум и власть. 2014. № 6. С. 95–102; *Павлова О.С.* Язык в структуре этнической и религиозной идентичности чеченцев и ингушей // Социальная психология и общество. 2014. № 2. С. 27–49; *Нации и национализм на мусульманском Востоке.* М., 2015; *Шабханова А.М., Нурилова А.З.* Специфика проявления религиозной идентичности дагестанских народов // Вестник института ИАЭ. 2015. № 1. С. 141–151; *Зеленев Е.И.* Протестные политические движения в арабских странах: Fitnah // Азия и Африка сегодня. 2015. № 5. С. 27–33; *Абашин С.Н.* Исламский вызов идее нации. Некоторые соображения на примере Центральной Азии // Россия и мусульманский мир. 2016. № 3. С. 73–85; *Akbarzadeh Sh.* Political Islam in Kyrgyzstan and Turkmenistan // Central Asian survey. Oxford, 2001. Vol. 2. N 4. P. 451–465.

ческих групп знает, что «вокруг них тоже живут мусульмане», но при этом «каждая этнографическая группа внутри него имеет только “свой” местный вариант ислама». Факт, который, по ее справедливому замечанию, «известен всем этнографам»²⁵. Действительно, практика межэтнического взаимодействия ввиду особой специфики расселения и жизни в долинах Средней Азии невелика. Совместные празднования или совершения традиционных обрядов у этнических групп, даже при их сходстве, как, например, таджикского «гяштака» или узбекского «гяпа», происходят крайне редко, и о них практически не упоминают этнографы. Традиционные празднования всегда имеют сугубо локальное значение²⁶.

М.А. Олимов и С.К. Олимова высказывают схожую с Л.А. Чவர்ь идею о неразрывности религиозной и национальной компонент идентичности, которые «входят в один “портфель” и не конкурируют между собой». В то же время они не создают единую идентичность, где этноним «таджик» может включать в себя гражданство и конфессиональную принадлежность²⁷.

Община и социокультурные нормы столетиями развивались и определяли самосознание у сельского населения региона. Община обретала «сакральную ауру, а ее традиции и обычаи становились “исламскими” в полной мере»²⁸. Всесильный характер традиции в Средней Азии можно объяснить незавершенным характером модернизации в регионе. «Полупереходное» состояние общества премодерна привело к тому, что широкие слои населения сохранили ориентацию на «традиционный жизненный уклад» при решении социальных проблем²⁹.

Еще два аргумента можно привести в подтверждение единства национальной, локальной и религиозной идентичностей у представителей традиционного общества региона. Во-первых,

²⁵ Чவர்ь Л. Этноконфессиональное сознание народов Туркестана // Вестник Евразии. 2002. № 2 (17). С. 123.

²⁶ Рахимов Р.Р. «Мужские дома» в традиционной культуре таджиков. М., 1990. С. 23.

²⁷ Олимов М.А., Олимова С.К. Трансформация идентичности в миграции: Этничность и религия (на примере таджикской трудовой миграции в России) // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 59. С. 159.

²⁸ Халид А. Ислам после коммунизма: Религия и политика в Центральной Азии / Пер. с англ. А.Б. Богдановой. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 41.

²⁹ Вишневский А.Г. Средняя Азия: Незавершенная модернизация // Вестник Евразии. 1996. № 2 (3). С. 133.

это культ местных святых в исламе. Большинство из таковых принадлежат к разным суфийским тарикатам «Накшбандийа», «Кадырийа» и др. Например, в современном Таджикистане из числа учеников Баха' уд-Дина (один из деятелей суфийского тариката «Накшбандийа») почитается Якуб Чархи. Согласно народной традиции он захоронен в культовом комплексе Мавлоно Якуби Чархи, который расположен в пригороде Душанбе, в его восточной части, в селении Хазрати Мавлоно района Рудаки. Это классический случай поклонения местным, признаваемым святым на территории Таджикистана и Узбекистана, гораздо реже Кыргызстана (отсюда и характерная для республики тенденция – деятельности внешних исламистских организаций).

Вероятно, апеллируя к народной традиции почитания суфиев ордена Накшбандийа, некоторые политики и общественные деятели Таджикистана в общении с прессой упоминают о своем родстве с дервишами этого тариката. Например, к их потомкам относит себя Хайридини Абдулло – правозащитник, деятель Общероссийского общественного движения «Таджикские трудовые мигранты»³⁰. Есть сведения, что и Акбар Каххаров, более известный как Ходжи Акбар Тураджонзода, один из лидеров таджикских «демоисламистов», был внуком одного из представителей Накшбандийа (или Кадырийа)³¹. Один из лидеров нелегитимной с точки зрения официальных таджикских властей оппозиции, Умарали Кувватов, в различных интервью также обозначает себя как последователя суфизма³² тариката Накшбандийа³³.

В Узбекистане (в пригороде Ташкента, в Бухаре, в Навои, в Хорезмийской и Кашкадарьинской областях) насчитывается более чем 2000 священных мест³⁴. Исходя из того, что здесь сельское население составляет 49,7% (примерно 16,5 млн человек)³⁵, можно

³⁰ Голос таджикистанцев. 2015. № 77. Март. С. 11.

³¹ *Абашии С.Н.* Потомки святых в современной Средней Азии // Этнографическое обозрение. 2001. № 4. С. 70.

³² *Умарали Кувватов:* На перепутье // Радио Озоди [Электронный ресурс]. URL: <http://rus.ozodi.org/a/exclusive-interview-umarali-quvvatov-dubai-detention-center-/24889462.html> (дата обращения 12.04.2016).

³³ *Назаров Д.* Хаджи-мюрид // Независимая газета. 2012. 5 дек.

³⁴ *Karimov E.* Sacred Sites, Profane Ideologies: Religious Pilgrimage and the Uzbek State // *Everyday Life in Central Asia Past and Present* / Ed. by Jeff Sahadeo and Russell Zanca. Indiana University Press, 2007. P. 319.

³⁵ *Рух О.* Глобализированный ислам: В поисках «новой уммы» [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/globalizirovannyi-islam-v-poiskah-novoy-ummy> (дата обращения 27.11.2019).

быть уверенным, что именно локальный, местный ислам прочно удерживает свои позиции.

Несомненно, он испытывает трансформации в контексте миграционных процессов, но говорить о смене его на версию т. н. глобального ислама, универсалистского политического проекта, претендующего на мировую гегемонию, по терминологии Оливье Руа³⁶, пока рано. По версии О. Руа, глобализация может предоставить возможность «отсоединить ислам от всех конкретных культур»³⁷. В нашем же случае пока не хватает подтверждений гипотезы нивелирования локальных версий мусульманских практик в новых условиях и в процессе миграции. С точки зрения исследователей из Таджикистана, новые коммуникационные технологии и Интернет «соединяют локальные мусульманские общины в Таджикистане, мигрантские общины в России с другими регионами мира, включая Южную Азию, Ближний Восток, Европу», что неминуемо ведет к «формированию глобального исламского халифата, а также к конфликтам между молодежью и старшим поколением по широкому кругу вопросов веры и религии»³⁸.

В качестве второго аргумента относительно приоритета локального и национального в самоидентификации мигрантов можно привести трудности взаимоотношений между приезжими и местными прихожанами в мечетях Поволжья, одном из центров российского ислама. А.Н. Старостин, один из немногих исследователей, кто уделял внимание этой проблеме; именно им была замечена тенденция принимающего сообщества воспринимать ислам как религию приезжих даже в тех регионах, где длительное время часть населения исповедует ислам, как, например, Свердловская область³⁹. Раздражение в отношении приезжих со стороны «старых» прихожан признавал имам исторической

³⁶ Руа О. Глобализированный ислам: В поисках «новой уммы»...

³⁷ Указ. соч.

³⁸ Olimova S. The current state of religious education in Tajikistan: an overview of the situation with recommendations // Bitter J.N. et al. (eds). From confidence building towards co-operative coexistence. The Tajik experiment of Islamic-secular dialogue. Demokratie, Sicherheit, Frieden 172. Baden-Baden: Nomos, 2005. P. 239; Олимова С. Молодежь и ислам в Таджикистане (социологический анализ проблемы) // Расы и народы: ежегодник. М., 2006. Вып. 32. С. 165.

³⁹ Старостин А.Н. Религиозные практики мигрантов из Центральной Азии в уральском мегаполисе (результаты социологического исследования) // Этнопанорама. 2016. № 1–2. С. 46–55.

мечети на Большой Татарской улице Р. Ахметжанов⁴⁰. При этом для татарской молодежи характерно больше подражание выходцам из Северного Кавказа и в практической ритуальной части, и в плане субкультуры тоже. К мусульманам из Средней Азии чувства религиозной солидарности не распространены ни у выходцев из северокавказских республик, ни у мусульман Поволжья. Московские татары старшего поколения, согласно данным интервью, используют по отношению к среднеазиатским мигрантам выражение «каралар» (черные)⁴¹. Пожалуй, одним из немногих позитивных последствий взаимоотношений местных и приезжих мусульман стало все большее использование русского языка, он стал социолектом московских и петербургских мусульман.

Для завершения анализа состояния религиозной наднациональной идентичности следует осветить перспективы распространения радикальных и экстремистских исламистских идей в среде мигрантов. В данном вопросе следует разделять реалии миграционных процессов на Западе и в России. В первом случае можно согласиться с точкой зрения В.С. Малахова о том, что «исламский радикализм», заявивший о себе на рубеже XX–XXI столетий, представляет собой «своеобразный вариант левой идеи»⁴². Об этом свидетельствуют и примеры сотрудничества леворадикальных группировок с представителями Организации освобождения Палестины, и использование идей «социальной справедливости» Корана и учения Пророка. Фактически террор как метод и средство перешел от леворадикальных группировок к исламистским, что говорит не о радикализации ислама, а, наоборот, об «исламизации радикализма»⁴³.

В случае религиозного экстремизма в советской Средней Азии и далее в постсоветской Центральной Азии мы имеем дело

⁴⁰ В мечетях теперь звучит русский язык [Электронный ресурс]. URL: https://www.gazeta.ru/comments/2014/10/02_a_6245221.shtml (дата обращения 27.11.2019).

⁴¹ В мечетях теперь звучит русский язык [Электронный ресурс]. URL: https://www.gazeta.ru/comments/2014/10/02_a_6245221.shtml (дата обращения 27.11.2019).

⁴² Малахов В.С. Грозит ли Европе исламизация // Отечественные записки. 2019 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.strana-oz.ru/2013/1/grozit-li-evrope-islamizaciya> (дата обращения 27.11.2019).

⁴³ Малахов В.С. Не радикализация ислама, а исламизация радикализма [Электронный ресурс]. URL: <https://snob.ru/profile/30596/blog/111653> (дата обращения 27.11.2019).

скорее с политизацией ислама как религиозного учения, используемого как инструмент национально-освободительной борьбы. Известно, что в позднесоветское время в Узбекской ССР и в Таджикской ССР (далее – Тадж. ССР) действовали подпольные религиозные кружки. Сторонники идей политического ислама в еще советских республиках называли себя «Муджадидиялар» (Обновители), но для большинства населения они были «вахобийлар» (ваххабиты)⁴⁴.

В 1978 г. в Курган-Тюбинской области Тадж. ССР действовала нелегальная группа во главе с будущим лидером таджикских «демоислаμισстов» Саидом Абдулло Нури. Насколько данная группа была ваххабистская, реально сейчас сказать трудно, но то что внутри организации подпольщики занимались изучением и распространением взглядов Шейха Хасана аль-Банна, братьев Саида и Мухаммада Кутба, Саида Хавва, Маудуди, заставляет говорить скорее о популярности в их среде панисламистских идей. Именно таджикские исламисты первыми поспешили оформиться политически, воспользовавшись свободами накануне и сразу же после распада СССР. Мы не будем углубляться в реалии межджикского гражданского противостояния, закончившегося поражением проектов политического ислама. Аналогично, но без стольких жертв проект политического ислама потерпел поражение и в Узбекистане. Гораздо более важной для изучения тенденций миграционных процессов стала религиозная политика руководителей двух республик в отношении верующих, поскольку одним из ее закономерных итогов стала миграция в Россию исламских религиозных деятелей и их родственников.

В Узбекистане на неофициальном уровне борьба с исламистами велась в довольно агрессивной форме с 1992 г. На официальном уровне 1 мая 1998 г. в Олий Мажлисе была принята новая редакция закона «О свободе совести и религиозных организаци-

⁴¹ В мечетях теперь звучит русский язык [Электронный ресурс]. URL: https://www.gazeta.ru/comments/2014/10/02_a_6245221.shtml (дата обращения 27.11.2019).

⁴² Малахов В.С. Грозит ли Европе исламизация // Отечественные записки. 2019 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.strana-oz.ru/2013/1/grozit-li-evrope-islamizaciya> (дата обращения 27.11.2019).

⁴³ Малахов В.С. Не радикализация ислама, а исламизация радикализма [Электронный ресурс]. URL: <https://snob.ru/profile/30596/blog/111653> (дата обращения 27.11.2019).

⁴⁴ Россия – Средняя Азия. Политика и ислам в XX – начале XXI в. Т. 2. М., 2011. С. 215.

ях». Согласно ст. 5 в республике не допускался «религиозный и иной фанатизм и экстремизм, действия, направленные на разжигание вражды между различными конфессиями»⁴⁵. Статья 19 обеспечивала законность обязательной проверки содержания религиозной литературы, предшествующей доставке и распространению литературных материалов, издаваемых за рубежом. За издание, хранение и распространение печатной, кинофото-, аудио-, видеопродукции и других материалов, содержащих идеи религиозного экстремизма, сепаратизма и фундаментализма, полагалась уголовная ответственность. Согласно закону также полагался дресс-код, когда не допускалось появление граждан страны в местах массового скопления людей (мероприятий культурного и общественного характера и проч.) в религиозных одеяниях⁴⁶.

Одним из последних законов в отношении борьбы с религиозным экстремизмом стал закон Республики Узбекистан «О противодействии экстремизму» от 12 июня 2018 г. В статье 3 закона даны определения религиозной составляющей экстремизма⁴⁷. Участие или организация нелегальной религиозной группы в Узбекистане с 2018 г. является уголовным преступлением, за которое полагается либо выплата штрафа, либо лишение свободы сроком до пяти лет⁴⁸. В соответствии с законом все религиозные организации должны проходить государственную регистрацию в Министерстве юстиции и соответствовать следующим минимальным критериям: иметь постоянное присутствие в 8 из 14 территориальных образований и доказать наличие в своем составе не менее 100 граждан, с указанием юридического и физического адресов⁴⁹.

28 ноября Госсекретарь США включил Узбекистан в особый список «в связи с серьезными нарушениями свободы вероисповедания или попустительством в данном вопросе». До

⁴⁵ Закон Республики Узбекистан о свободе совести и религиозных организациях от 1 мая 1998 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lex.uz/acts/65089> (дата обращения 27.11.2019).

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Закон Республики Узбекистан о противодействии экстремизму от 12 июня 2018 г. [Электронный ресурс] URL: <http://www.lex.uz/ru/docs/3841963> (дата обращения 27.11.2019).

⁴⁸ Доклад о свободе вероисповедания в странах мира за 2018 г.: Узбекистан. Посольство США в Узбекистане. <https://uz.usembassy.gov/ru/2018-report-on-international-religious-freedom-uzbekistan-ru/> (дата обращения 27.11.2019).

⁴⁹ Там же.

этого времени с 2006 г. (после Андижанских событий) по 2017 г. Узбекистан «находился в списке стран», вызывающих особую обеспокоенность⁵⁰. Представители США выступали как против запрета в Узбекистане на ношение хиджаба в образовательных учреждениях, так и против преследования американских деноминаций, например свидетелей Иеговы. Критика властей Узбекистана за активное вмешательство в религиозную жизнь мусульман часто озвучивается со стороны правозащитных организаций⁵¹ и крайне редко со стороны правительств стран с мусульманским населением⁵². По данным посольства США в Узбекистане, в пенитенциарных учреждениях страны находилось 1503 человека за участие в террористической и экстремистской деятельности. Из них 584 были помилованы во время прихода к власти М. Мирзеева. В соотношении численности населения (32,39 млн человек) республики цифру трудно назвать масштабной. Тем не менее нельзя отрицать, что религиозная свобода в России может быть привлекательной для тех мусульман, которые считают вмешательство в их религиозную жизнь и практику со стороны государства неприемлемой.

В Таджикистане наступление на «вольный» ислам со стороны государства началось в 2008 г., по мере ликвидации наиболее одиозных полевых командиров – ветеранов гражданской войны. В этом же году был создан специальный «Центр исламоведения» при Президенте Республики Таджикистан⁵³. Одной из главных целей данной правительственной организации стала «разработка концепций и программ развития религиозной жизни общества».

Через год был принят закон Республики Таджикистан от 26 марта 2009 г. № 489 «О свободе совести и религиозных объединениях». В 2011 г. он был отредактирован. В преамбуле закона от 28 июня 2011 г. № 739 было обозначено, что «Таджикистан является светским государством». Одновременно признавалась «особая

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Has Mirzoev really brought religious liberty to Uzbekistan? Freedom House [Электронный ресурс] URL: <https://freedomhouse.org/blog/has-mirziyoyev-really-brought-religious-liberty-uzbekistan> (дата обращения 29.11.2019).

⁵² Thousands of Uzbek muslims jailed for “extremism” // Aljazeera [Электронный ресурс]. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2016/01/thousands-uzbek-muslims-jailed-extremism-160107110149439.html> (дата обращения 29.11.2019).

⁵³ Указ Президента Республики Таджикистан от 30 мая 2008 г. № 469 [Электронный ресурс]. URL: http://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=83471 (дата обращения 18.11.2019).

роль ханафитского направления исламской религии в развитии национальной культуры и духовной жизни народа Таджикистана».

Принятием закона официальные власти республики лишили адептов политического ислама номинального статуса соучастников политических процессов республики, который они получили по результатам гражданской войны. Таджикистан стал светской республикой де-юре. Большую дискуссию вызвали пункты нового закона, в которых, по мнению представителей ПИВТ и других сторонников политического ислама, ущемлялись права мусульман.

Так, статья 9 гласила, что «массовой проповеднической деятельностью вправе заниматься только религиозные объединения, зарегистрированные в установленном настоящим Законом порядке». Это означало полный контроль со стороны государства над всеми религиозными организациями.

Одной из горячо обсуждаемых стала также статья 15, которая запрещала «вовлечение несовершеннолетних в деятельность религиозных объединений, а также обучение несовершеннолетних религии без письменного согласия их родителей или лиц, их заменяющих». Этим пунктом ограничивалась пропаганда политического ислама среди молодежи республики и подчеркивался светский характер государства, поскольку, согласно нормам шариата, пределы совершеннолетия у юношей – от 12 до 18 лет.

Данное ограничение дублировалось и в принятом 2 августа 2011 г. законе № 762 «Об ответственности родителей за обучение и воспитание детей». В статье 8 этого акта закреплялась обязанность родителей «не допускать участия детей в деятельности религиозных объединений, за исключением детей, официально обучающихся в религиозных учреждениях»⁵⁴.

Законом «О религиозных объединениях» регламентировалось религиозное образование. Статья 8 (п. 3) разрешала центральным соборным пятничным мечетям и соборным пятничным мечетям «заниматься обучением основам религии в соответствии со своими уставами (положениями) путем создания учебных групп». Предусматривалось получение государственной лицензии на осуществление религиозного обучения (ст. 8, п. 4).

Факультативно, т. е. «в свободное от учебных занятий время и вне рамок учебной программы государственного образования» и при письменном согласии родителей или лиц, их заменяющих,

⁵⁴ Закон Республики Таджикистан «Об ответственности родителей за обучение и воспитание детей» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mmk.tj/ru/legislation/legislation-base/2011/> (дата обращения 21.11.2019).

разрешалось получать религиозное образование детям в возрасте от 7 до 18 лет. Ограничивалась возможность получения религиозного образования за рубежом. Подобное обучение разрешалось «только после получения религиозного образования в Республике Таджикистан и с письменного согласия государственных уполномоченных органов по делам религии и сферы образования».

Статья 9 (п. 3) напрямую противодействовала развитию политического ислама в республике, запрещая государственным должностным лицам и государственным служащим, руководителям и членам политических партий быть учредителями и работниками религиозных объединений.

Закон также определял формы религиозных общин, объединений и их правовое положение (ст. 10, п. 3, 8). Формами религиозной общины были признаны «соборная пятничная мечеть, мечеть пятикратной молитвы, джамоатхона, молитвенные дома, почитаемые объекты и другие формы, не противоречащие законодательству». Формы религиозных организаций частично совпадали с формами религиозных общин – республиканский религиозный центр, центральная соборная пятничная мечеть, центральная джамоатхона, учреждение религиозного образования, церковь, синагога и другие формы, не противоречащие законодательству.

Интересно, что пункт 12 статьи 10 обязывал отчитываться о своей деятельности перед государством исключительно религиозные организации, а не религиозные общины.

В следующей статье давалось юридическое определение мечетей и их классификация по количественному критерию. Пункт 6 статьи 11 обязывал согласовывать выбранных имам-хатибов и имамов мечетей с государственным уполномоченным по делам религий.

Под государственный контроль переходило производство и распространение религиозной литературы. Согласно статье 22 (п. 3) «производство, экспортирование, импортирование, реализация и распространение религиозной литературы, равно и других предметов и материалов религиозного назначения допускается только после получения заключения государственной религиозно-ведческой экспертизы».

Международные связи религиозных организаций, а на деле возможные контакты с мусульманскими организациями Ближнего Востока, согласно статье 24, могли производиться теперь только под надзором государства. Отныне, обладая статусом юридического лица, все религиозные организации могли заниматься производственной и хозяйственной деятельностью, но должны были платить налоги в соответствии с налоговым законодательством республики.

3 мая 2010 г. в рамках политики секуляризации, проводимой правительством республики, был учрежден специальный Комитет по делам религии, упорядочения национальных традиций, торжеств и обрядов⁵⁵. Согласно положению комитет является центральным органом исполнительной власти Республики Таджикистан «и в качестве уполномоченного государственного органа по делам религии, а также контрольного, информационного, консультативного и экспертного органа по вопросам свободы совести и религиозных объединений, проводит государственную политику по обеспечению прав на свободу совести и свободу вероисповедания, упорядочению религиозных традиций и обрядов, координации отношений государства с религиозными объединениями»⁵⁶.

Последние тенденции религиозной политики в Таджикистане были отмечены запретами на ношение бороды выше определенного размера и многими другими запретами, неприемлемыми для мусульман⁵⁷. В целом можно констатировать направление государственной политики идентичности в сторону доисламского периода истории региона и доисламской государственности, проживавших на территории республики ирано-язычных народов предков современных таджиков. Большинство таджиков историческая ценность как доисламского согдийского периода, так и эпохи правления династии Саманидов не разделяется.

Религиозная политика Кыргызстана до 2014 г. резко контрастировала на фоне законодательных ограничений в Узбекистане и Таджикистане. Деятельность религиозных организаций регулировал закон «О свободе вероисповедания и религиозных организациях», где, с одной стороны, были обозначены жесткие запреты и ограничения, специально направленные против экстремистов и исламистов. С другой стороны, меры воздействия не были в должной мере разработаны⁵⁸. Власти Кыргызстана пытались объединить в рамках закона все действующие в республике конфес-

⁵⁵ Положение по делам религии при Правительстве Республики Таджикистан от 3 мая 2010 г. № 226 [Электронный ресурс]. URL: http://www.adlia.tj/show_doc.fwx?rgn=15459 (дата обращения 07.11.2019).

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Не больше кулак: В Таджикистане назвали предельную длину бороды имамов [Электронный ресурс]. URL: <https://tj.sputniknews.ru/country/20170807/1023014981/tadzhikistan-boroda-imam-dlina.html> (дата обращения 27.11.2019).

⁵⁸ Закон Кыргызской Республики от 31 декабря 2008 г. № 282 [Электронный ресурс]. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/202498> (дата обращения 29.11.2019).

сии, при этом позиции и взаимоотношения верующих мусульман и государства не были в должной мере определены. «Закон о противодействии экстремистской деятельности» от 31 декабря 2008 г. № 282 больше ориентирован на исламистские радикальные группы и общества.

В Кыргызстане с 2010 г. совершенно легально действовала организация «Таблиги Джамаат», запрещенная в Казахстане, Китае, в России и Узбекистане⁵⁹. До сих пор в республике идет дискуссия относительно ее «экстремистского» статуса. Исходя из результатов исследования «Религиозная безопасность в Кыргызской республике» Э. Насрединова и Н. Эсенамановой, политика нейтралитета, проводимая долгое время властями, была пересмотрена. На уровне Совета обороны Республики Кыргызстан (КР) была разработана новая концепция государственной политики в религиозной сфере КР на 2014–2020 гг. Из принципиально новых задач в ней можно обозначить «формирование границ деятельности религиозных организаций (нарушение прав и свобод других граждан, политизация религии)» и «предупреждение и профилактика религиозной радикализации граждан и предотвращение экстремистской и террористической деятельности на религиозной почве»⁶⁰.

В Узбекистане, когда впервые в жесткой форме власти стали оказывать давление на религиозных деятелей, они начали эмигрировать в Россию. В 1996 г. в Казани появляются эмиссары из «Исламского движения Узбекистана» (международная террористическая организация). С этого времени помимо данной группировки опасность представляют такие организации, как: «Джамоати Таблиг» (Кыргызстан, Узбекистан), «Тоҷикистони озод» (Таджикистан), «Хизб-ут Тахрир» (все три республики). Движение «Салафия» на сегодняшний день являет собой значительную угрозу для правящего режима Эмомали Рахмона в Таджикистане. Официально действующее с 1997 г. движение, по словам ее лидера Мумамадди Рахматулло, насчитывало на 2011 г. 20 000 человек, средний возраст которых не больше 35 лет, т. е. движение достаточно молодое. В отличие от своих предшественников – «Хизб-ут Тахрир», «Исламское Движение Узбекистана»

⁵⁹ Balci B. The rise of the Jama'at al Tabligh in Kyrgyzstan: the revival of Islamic ties between the Indian subcontinent and Central Asia? // Central Asian Survey. 2012. Vol. 31. Issue 1. P. 65.

⁶⁰ Свобода религии и убеждений в Кыргызстане. Содействуя межконфессиональному согласию и обеспечению верховенства права / Под ред. Д. Кабака. Бишкек, 2015. С. 22.

(ИДУ) и одиозных малоизвестных ваххабистских групп, бывших в составе Объединенной таджикской оппозиции, «Салафия» сразу же заявила, что не преследует каких-либо политических целей, а занимается исключительно религиозными вопросами⁶¹. При этом настороженность властей Таджикистана вызвал тот факт, что миссионеры-салафиты с 2001 г. уделяют особое внимание таджикским мигрантам, находящимся на территории России. В Согдийской области Республики Таджикистан местные власти открыто выражали свои опасения тем, что члены «Салафии», которые учились в религиозных школах Пакистана и Саудовской Аравии, ведут активную пропаганду среди молодежи. Распространители религиозной литературы салафитов задерживались и на юге страны⁶². В свою очередь, Хизб-ут Тахрир пытается распространить свое влияние во всех республиках региона. Большинство резонансных случаев ареста участников данной организации в России связано с мигрантами из Узбекистана и Таджикистана.

В 2013 г. с возникновением организации «Исламское государство Ирака и Леванта» (ДАИШ или ИГИЛ) угроза от ИДУ и «Талибана» отходит на второй план. Известно, что те, кто представлял боевиков ИДУ, присягнули запрещенной в России организации ИГИЛ. «Талибан» же, в свою очередь, всегда был сконцентрирован преимущественно на внутренних делах Афганистана. Лидеры этого движения, как известно, негативно относятся к отъезду боевиков в Сирию и в Ирак. ДАИШ (запрещенная в Российской Федерации организация) становится значительным фактором во внутривнутриполитической жизни Таджикистана.

В мае 2015 г. в соцсетях стал распространяться видеоролик, в котором пропавший в феврале того же года бывший командир ОМОНа МВД Таджикистана Г. Халимов объявил о том, что уже месяц воюет в Сирии на стороне ДАИШ. В этом видео он призывал соотечественников, в какой бы стране они ни находились, присоединяться к нему, в том числе и для борьбы с режимом Э. Рахмона. 4 сентября неизвестными было совершено нападение на центральный аппарат Министерства обороны в Душанбе и отделение внутренних дел города Вахдат. Силовыми структурами республики оно было расценено как попытка государственного переворота. В подготовке и его организации был обвинен заместитель министра обороны Таджикистана Абдухалим Назарзода.

⁶¹ *Гуфронов Д.* Салафиты идут к мигрантам? [Электронный ресурс]. URL: <http://tajmigrant.com/607.html> (дата обращения 05.09.2019).

⁶² См.: http://bi-om.ru/om/index.php?option=com_content&task=view&id=34&Itemid=44.

По сведениям прессы, в период гражданской войны он воевал на стороне Объединенной таджикской оппозиции (ОТО).

После ликвидации группы генерала Назарзода начались аресты подозреваемых в соучастии, среди них оказалось 25 членов Партии исламского возрождения Таджикистана (ПИВТ). В сентябре 2015 г. ПИВТ вновь переходит на нелегальное положение в республике. Таким образом, соглашение между властью и оппозицией от 1997 г. было денонсировано спустя 18 лет. Лидер партии еще с марта 2015 г. находился за рубежом. Власти Таджикистана объявили его в розыск через «Интерпол». Были арестованы по уголовным статьям практически все представители руководства ПИВТ. К январю 2016 г. было раскрыто 835 преступлений, по которым выявлены и привлечены к уголовной ответственности 247 человек.

Ислам как вероучение и мировоззрение на протяжении более чем 1300 лет влиял на развитие народностей Средней Азии. С течением времени здесь образовалась общность людей, для которых ислам стал основной и первостепенной компонентой их идентичности. Советская власть пыталась нивелировать «мусульманскую компоненту» в национальной идентичности, содействовать ее маргинализации, вытесняя ее на условную периферию, однако значительных успехов в этом не достигла. Тем не менее советским идеологам удалось разделить некогда намертво скрепленное светское и религиозное в том, что можно условно называть менталитетом. Это разделение, помимо иных факторов, способствовало снижению популярности и влияния представителей политического ислама в советской Средней Азии.

На фоне общесоюзных дезинтеграционных процессов, выражавшихся в том числе и в росте националистических настроений, в условиях смягчения религиозной политики центра и при серьезной внешней поддержке представителям политического ислама удалось организовать и приступить к выражению своих интересов. С 1992 г. эта группа действовала в том числе и силой оружия. Однако после гражданской войны «политический ислам» теряет вес и среди верующих, и среди политиков.

Воспользовавшись внутренними конфликтами в ПИВТ и ослаблением ее влияния на общество, политическое руководство Таджикистана сумело установить контроль над религиозной жизнью в стране. Серией законов 2010–2015 гг. была выстроена система государственного контроля над верующими и за исполнением предписаний вероучения. Несомненно, остаются оппозиционные настроения, обращающиеся, прежде всего, к мусульманской риторике, панисламистским идеям и апеллирующие к религиозным

чувствам населения, в большей степени их выражают маргинализированные группы, но при этом отдельные их представители уже имеют боевой опыт, приобретенный в Сирии и в Ираке.

По данным приблизительных подсчетов, на период 2017 г. в Сирии на стороне Исламского государства (террористическая организация, запрещенная в Российской Федерации) и на стороне террористической организации Аль-Каида воевало порядка 5500 выходцев из Средней Азии, включая 2000 граждан Узбекистана, от 1300 до 2000 граждан Таджикистана и 850 граждан Кыргызстана⁶³. Часть бывших боевиков вернулась в страны проживания. Даже во время участия в боевых действиях в Сирийской Арабской Республике выходцев из региона национальная идентичность превалировала над религиозной.

Национальная сегрегация присутствовала даже на уровне, казалось бы, международной террористической деятельности. Например, в запрещенной в России террористической организации «Исламское государство» выходцы из Средней Азии формировали свои национальные подразделения. Казахи и таджики, к примеру, создали «Казахский джамаат» и «Таджикский джамаат». Узбеки, в свою очередь, присоединились к группировкам «Kateebat at Tawhid wal Jihad» и «Kateebat Imam Al-Bukhari», обе аффилированные с запрещенной в России организацией «Джебхат ан-Нусра». Первая из указанных считается самой большой террористической группой, состоящей из узбеков. В США она была признана международной террористической организацией.

Исламская компонента идентичности неразрывно связана с локальной. Упомянутый выше активный деятель политического ислама в Таджикистане Саид Абдулло Нури, создатель ПИВТ, имел наибольшую поддержку в Тавильдаре и в Вахшской долине. И сам любил объяснять это тем, что люди из «Каратегина и Гарма с древних времен соревновались с людьми из других областей Мавераннахра, они были больше влюблены в Ислам, больше вовлечены в Ислам... И среди них было много ученых исламского права. С другой стороны, эти люди имели безграничное желание, стремление и любовь к Исламу, их дети поэтому получали прежде всего религиозное образование. Другая причина в том, что эти люди в результате упорного труда становились богаче»⁶⁴.

⁶³ Soliev N Central Aisa. Kazakhstan, Kyrgyzstan, Taikistan, Turkmenistan, Uzbekistan // Couner Terrorist Trends and Analyses. Vol. 11. № 1. P. 65.

⁶⁴ Nourzhanov K., Bleuer K. Tajikistan: a political and social history. Canberra, 2013. P. 269.

В его словах можно увидеть один из распространенных не только в Средней Азии, но и на Ближнем Востоке нарративов превосходства региональной, локальной и субэтнической общности. В подобных нарративах превозносятся определенная субэтническая принадлежность как наиболее преданная и даже соответствующая «правильному» исламу, в отличие от соседних. Так, в статье С. Дюдоадьона подробно рассматривается, каким образом в локальном контексте (на примере г. Худжанда) религиозная легитимность используются в борьбе за власть⁶⁵.

Одним из последних исследований, которое может подвести на данном этапе итог относительно трансформации религиозной идентичности (в данном случае) таджиков – это статья М.А. Олимова и С.К. Олимовой «Трансформация идентичности в миграции: Этничность и религия (на примере таджикской трудовой миграции в Россию)». Авторы сравнивают данные опросов относительно религии в Таджикистане в 1996-м, 2010-м и 2019 гг. Так, в 2010 г. 99% респондентов сообщили, что верят в бога, 94,8% признали себя мусульманами, 0,4% – христианами, 0,2% – неверующими. Из мусульман 87,1% признали себя суннитами, 3,2% – исмаилитами, 1,4% – шиитами, 7,1% не сообщили, к какому течению ислама они принадлежат, 1,1% отказались отвечать⁶⁶. За 14 лет, с 1996 по 2010 г., согласно данным опросов, число людей, кто считают себя «убежденными» мусульманами, а не «этническими» (т. е. по наследству), выросло в четыре раза. Но при этом две трети опрошенных причисляли себя к «этническим» мусульманам. Главные причины соответствующей религиозной принадлежности – это родители (28,6%) и культурная традиция (26,1%)⁶⁷. Многие исследователи склонны алармистски воспринимать перспективу глобального ислама и лояльности к нему со стороны мигрантов-мусульман⁶⁸. На наш взгляд, стадии полного разло-

⁶⁵ *Dudoignon S.* (2011) From revival to mutation: the religious personnel of Islam in Tajikistan, from de-Stalinization to independence (1955–1991) // *Central Asian Survey*. 30(1). P. 53–80.

⁶⁶ *Олимов М.А., Олимова С.К.* Трансформация идентичности в миграции: Этничность и религия (на примере таджикской трудовой миграции в России) // *Вестник Томского гос. ун-та. История*. 2019. № 59. С. 159.

⁶⁷ Там же. С. 160.

⁶⁸ *Tucker N.* (2015). Islamic State Messaging to Central Asian Migrant Workers in Russia. *Central Eurasia – Religion in International Affairs* (CERIA) Briefs. G. Washington University Central Asia Program.

жения традиционного общества в Узбекистане, Таджикистане и Кыргызстане не наступило даже в условиях интенсивных урбанизационных и миграционных процессов, и расширенная семья, а значит, традиции по-прежнему оказывают серьезное влияние на стратегию мигрантов.

Помимо мусульманской, вторая наднациональная категория региональная не проявляется, как правило, в повседневной жизни самих мигрантов. При этом для большинства российских граждан категории «выходцы из Средней Азии», реже «из Центральной Азии», «среднеазиатские мигранты», «гастарбайтеры» актуальные и встречаются не реже дефиниций уже по национальному признаку. В поисковике Google словосочетание «среднеазиатские мигранты» дает 89 700 000 поисковых запросов. Термин «гастарбайтер» – порядка 771 000 запросов. По данным А. Старостина, проводившего пять лет назад мониторинг СМИ, дефиниции «мигрант», «гастарбайтер» были популярнее этнонимов «таджик», «узбек» и словосочетания «выходцы из Средней Азии»⁶⁹. В наше же время, если говорить о языке СМИ, то присутствует тенденция заменять словосочетание «среднеазиатские мигранты» на «иностранные рабочие».

В перспективе определение «гастарбайтер», вероятно, потеряет свою популярность, как это произошло в Федеративной Республике Германия. Скорее, оно будет также использоваться для обозначения второго поколения трудовых мигрантов⁷⁰. Сами же представители трудовой миграции из трех постсоветских республик в отношении себя используют слово «мигрант». На современном узбекском и таджикском языках для обозначения эмигрантов используются слова арабского происхождения (от راجام «мухожир»⁷¹ и «мухочир»⁷²). Несмотря на заимствование арабского термина, тесно связанного с миграцией по религиозным мотивам – فرجام (миграция) от слова راجاء (переселение из Мекки в Медину), и в современном узбекском, и таджикском

⁶⁹ Исхаков Р.Л., Старостин А.Н., Шадрин Н.В. Освещение трудовой миграции в российских средствах массовой информации (Образ «гастарбайтера» в ленте информационных агентств) [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/migration/31493/> (дата обращения 02.11.2019).

⁷⁰ Гулина О.Р. Семантика миграционных терминов // Журнал исследований социальной политики. 2016. № 3 (14). С. 334.

⁷¹ Русско-узбекский словарь / Под ред. А. Усманова и Р. Абдурахманова. Ташкент, 1953. С. 95.

⁷² Русско-таджикский словарь. М., 2019. С. 193.

языках термин «эмигрант» на языке оригинала не имеет религиозных коннотаций. При этом, как видно, не разделяются понятия «эмигрант», «иммигрант» и «мигрант» в обоих языках. В киргизском языке используются заимствованные из русского языка определения «мигрант», «эмигрант» и связанные с ними однокоренные слова⁷³.

6.3. Бремя «традиции», или Локальные сообщества в условиях миграции

Как верно было замечено С.А. Абашиним, для жителей, в частности, Узбекистана поездка на заработки не была принципиально новым явлением. Во времена СССР действовала практика вахтовых наборов, временного переселения рабочей силы за пределы Узбекской ССР, да и последствия мощнейшего института интеграции – Советской армии – давали о себе знать⁷⁴. Но на фоне других союзных республик тот же Узбекистан отличался низкой миграционной мобильностью всех населявших республику этнических групп (узбеков, таджиков, каракалпаков, корейцев и других). По данным, приводимым А. Ильхамовым за 1968–1970 гг., только 1,4% этнических узбеков покинули республику в сравнении с 6,7% русских, уехавших в эти два года⁷⁵.

В союзных республиках сельское население активно выезжало в крупные города на заработки, поскольку экономика сельского хозяйства уже не позволяла обеспечить техникой и различной современной продукцией. Исследователем М. Ривз было замечено, как жители Баткенской области Кыргызстана расхожую фразу «шаарга кеткен» (уехать в город) к середине XX в. стали использовать в контексте поездки в Россию, в Москву на заработки⁷⁶. Ранее она означала просто поездку в районный центр за необходимыми продуктами и товарами.

⁷³ Киргизско-русский словарь: В 2 кн. Фрунзе, 1985. С. 960.

⁷⁴ Абашин С.Н. Возвращение домой: семейные и миграционные сценарии в Узбекистане // *Ab Imperio*. 2015. № 3. С. 129.

⁷⁵ *Ilkhamov A. Labour Migration and the Ritual Economy of the Uzbek Extended Family* Author(s): Alisher Ilkhamov Source: *Zeitschrift für Ethnologie*, Bd. 138, H. 2, Special Issue: Mobility and Identity in Central Asia (2013). P. 259.

⁷⁶ *Reeves M. Black Work, Green Money: Remittances, Ritual and Domestic Economies in Southern Kyrgyzstan* // *Slavic Review*. 2012. Vol. 71. No. 1. P. 108.

Аналогичным образом сельское население Узбекской ССР выезжало в крупные города на заработки. Дополнительным фактором, помимо улучшения материального положения большой семьи, был демографический. Ферганская область была перенаселена в силу высокой рождаемости, поэтому дефицит земли в 1989 г. стал одной из главных причин межэтнического конфликта с турками-месхетинцами. В советское время жители Ферганской долины переезжали в Джизакскую и Сырдарьинскую области, где специально путем совершенствования ирригации создавались условия для развития сельского хозяйства⁷⁷. После распада СССР и приобретения независимости стало невозможно искусственным образом поддерживать занятость сельского населения. Дополнительные сложности были связаны также с жесткими мерами руководства республики в отношении мелкой розничной торговли, базаров и рынков⁷⁸. Действия государства были мотивированы необходимостью восполнить дефицит бюджета, ответом на них стала массовая трудовая миграция населения.

За последние тридцать лет наибольший рост населения – почти в 1,8 раза – отмечался в Таджикистане. В 1,7 раза увеличилось население Узбекистана и Туркмении, в 1,5 раза – население Кыргызстана⁷⁹. Демографические рекорды Таджикистана прямо влияют на его общую демографическую нагрузку, которая на 2019 г. составляла 59,5%⁸⁰. На практике это означает, что каждый работающий человек в республике должен обеспечить более чем в 1,5 раза большее количество товаров и услуг, чем было бы необходимо для него самого и чем внутренний рынок страны может обеспечить. Данное обстоятельство является сегодня одним из самых значимых факторов трудовой миграции. Согласно опубликованным данным Всемирного банка, аналогичная ситуация существует в Кыргызстане и Узбекистане⁸¹.

⁷⁷ *Op. cit.*

⁷⁸ *Op.cit.* Р. 260.

⁷⁹ *Щербакова Е.* Россия и ее ближайшие соседи: 30 лет спустя после Всесоюзной переписи населения 1989 года // Demoscope weekly [Электронный ресурс]. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2019/0833/barom02.php> (дата обращения 30.11.2019).

⁸⁰ Население Таджикистана [Электронный ресурс]. URL: https://countrymeters.info/ru/Tajikistan#age_structure (дата обращения 30.11.2019).

⁸¹ Age Dependence Ratio (% of Working-Age Population) – Uzbekistan, Turkmenistan, Tajikistan, Kazakhstan, Kyrgyz Republic. [Электронный ресурс]. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.DPND?locations=UZ-TM-TJ-KZ-KG> (дата обращения 30.11.2019).

Для объективного рассмотрения развития общей стратегии поведения мигрантов следует начинать с мотивации. Первопричиной, по словам их самих (в данном случае киргизских мигрантов), является экономика. Согласно данным, полученным М. Ривз в Баткенской области, абсолютное большинство опрошенных семей мигрантов указали в первую очередь «экономические» мотивы, обусловленные либо отсутствием рабочих мест на родине, либо нехваткой средств для нужд повседневной жизни⁸². В Узбекистане в начале XXI в. снижение доходов населения даже привело, как было замечено А. Ильхамовым, к возвращению узбеков к кочевой жизни в условиях новой экономической реальности⁸³.

*Мигранты как представители
традиционного общества*

Социокультурные нормы, точнее, потребность их поддержки в современном мире, являются одним из факторов, стимулирующих миграционные процессы в Узбекистане, Кыргызстане и Таджикистане. Это уже достаточно давно было установлено в зарубежной этнографии. В России одним из первых, кто обратил на это внимание российских исследователей, был С.Н. Абашин. К середине 2000-х гг. М. Ривз было подмечено, что в Баткенской области Кыргызстана росли расходы на брак, а кыргызский сом постепенно «утрачивал силу» их обеспечивать⁸⁴. Эта общая для региона тенденция выезжать в Россию для обеспечения большой расширенной семьи не приведет к изменению социокультурных норм, наоборот, новые возможности заработка сохраняют их значимость и актуальность в жизненной стратегии выходцев из региона. Отправляемая часть заработанных средств идет, как правило, на обеспечение традиционных празднеств (стоимость которых постепенно возрастала с ростом миграции), строительство недвижимости для членов большой семьи, лечение и образование. Длительное физическое отсутствие, таким образом, компенсировалось внешним доходом отсутствующего и сохранением за ним социального места в семье, махалле или кишлаке⁸⁵. Это является

⁸² Age Dependence Ratio (% of Working-Age Population) – Uzbekistan, Turkmenistan, Tajikistan, Kazakhstan, Kyrgyz Republic. [Электронный ресурс]. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.DPND?locations=UZ-TM-TJ-KZ-KG> (дата обращения 30.11.2019).

⁸³ Op. cit. P. 260.

⁸⁴ Op. cit. P. 111.

⁸⁵ Op. cit. P. 112.

дополнительным мотивом предпочтения маятниковой миграции в Россию из государств данного региона.

Статус и значение семьи в Узбекистане в советское и постсоветское время отличались в зависимости от места проживания. Городские семьи находились под европейским влиянием, к сельским семьям больше применимо было понятие «традиционные». Последние и в наше время являются типичными для сельских районов, в небольших городах и в пригородах больших городов и столицы. Большие, более подходящий термин для них – «расширенные» семьи являются традиционными и обладают следующими определяющими их характеристиками, отмеченными А. Ильхамовым.

1. Это семьи с более чем одним взрослым поколением, составляющим одно и более домашнее хозяйство.

2. В семье единый бюджет, и из разных домашних хозяйств в него вносится вклад. Статьи расходов определяются главой семьи.

3. «Бремя» традиции одновременно является системой поддержания связей внутри семьи за счет распределения ролей в ней.

Стратегия главы семьи – патриарха определяется достижением следующих целей, кроме нетрадиционных, таких как обязанности кормильца обеспечение пропитанием, покупка одежды, товаров, медицинских услуг, образование детей и т. д.:

- 1) женить сыновей и выдавать замуж дочерей, выбирать им брачных партнеров;
- 2) строительство нового дома для женатых сыновей;
- 3) празднование традиционных событий жизненного цикла, таких как «нихох тои» (свадьба), «мáрака» (похороны), «бешик тои» (рождение младенца), «суннат тои» (обрезание), «худойе» (поминки)⁸⁶.

Все три задачи требуют огромных финансовых затрат, выполнить которые возможно исключительно вкладом нескольких домашних хозяйств за счет заработка в России.

Празднование «нихох тои» является одним из самых дорогостоящих. По данным российских СМИ, она может достигать и нескольких десятков тысяч долларов⁸⁷. Согласно подсчетам узбекистанских СМИ затраты не достигают подобных сумм, но

⁸⁶ Op. cit P. 265.

⁸⁷ Карамзин И. В позе брака: в Узбекистане утвердили правила проведения свадеб [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/924930/igor-karmazin/v-poze-braka-v-uzbekistane-utverdili-pravila-provedeniia-svadeb> (дата обращения 04.11.2019).

все равно достаточно большие – примерно 5 тыс. долларов стоит средняя свадьба в Ташкенте на 250 человек⁸⁸.

Аналогичная ситуация в соседнем Кыргызстане, где свадебные торжества на 300 человек обходятся в среднем в 7–8 тыс. долларов. В Таджикистане средняя стоимость празднования также превышала барьер в 5 тыс. долларов. Давление традиции было настолько весомым, что зачастую брались кредиты, выплаты которых заставляли выезжать на заработки за рубеж. Кредиты на свадьбы и огромные затраты достигали таких размеров, что власти были вынуждены вмешаться. В Республике Таджикистан еще 8 июня 2007 г. был принят закон «Об упорядочении традиций, торжеств и обрядов», с последующими редакциями. В частности, были регламентированы сроки торжества (не более двух дней), количество гостей до 200 человек с обеих сторон⁸⁹.

К мерам против высоких затрат для обеспечения традиционных практик стали прибегать позднее и власти Узбекистана. Кенгаши Сената и Законодательной палаты Олий Мажлиса Республики Узбекистан 14 сентября 2019 г. утвердили новое «Положение о порядке проведения свадебных, семейных, юбилейных торжеств, семейных поминальных обрядов и мероприятий, посвященных памяти усопших». Согласно новым правилам, которые вступят в силу с 1 января 2020 г., все семейные мероприятия, кроме похорон, проводятся в течение одного дня. Количество гостей не может превышать 200 человек, количество задействованного транспорта не может превышать трех легковых автомобилей. Запрещается проявление излишества и расточительства в ходе проведения семейных мероприятий, контроль над соблюдением этого и других правил возлагается на местные хокимияты, органы прокуратуры, внутренних дел, ЗАГС и налоговые органы⁹⁰.

⁸⁸ Сколько стоит провести свадьбу в Узбекистане? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.uznews.uz/ru/article/1395> (дата обращения 04.11.2019).

⁸⁹ Закон Республики Таджикистан от 8 июня 2007 г. № 272 «Об упорядочении традиций, торжеств и обрядов в Республике Таджикистан» [Электронный ресурс]. URL: <https://mfa.tj/ru/main/view/3960/zakon-respubliki-tadzhikistan-ob-uporyadochenii-traditsii-torzhestv-t-obryadov-v-respublike-tadzhikistan> (дата обращения 04.11.2019).

⁹⁰ Латинов Ш. Парламент утвердил порядок проведения свадеб // Газета.UZ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2019/09/14/events/> (дата обращения 04.11.2019).

Попытки на законодательном уровне ограничить затраты на семейные празднества предпринимаются и в южных районах Кыргызстана. Пока они существуют только в виде предложений, но что важно, это инициатива самих сельских жителей, а не властей, как в случае Таджикистана и Узбекистана⁹¹.

На примере таджикских расширенных семей можно видеть, как традиционное общество во многом игнорирует государственные меры противодействия высоким затратам. Так, производятся негласные выплаты за невесту от 1000 до 5000 долларов и больше. В последнее время таджикская молодежь предпочитает проводить свадебные торжества в России, что позволяет снять все ограничения, актуальные для Таджикистана по количеству затрат, гостей и т. д.⁹² Таким образом, традиция, как неотъемлемая часть самоидентификации, сопротивляется внешнему воздействию государства и использует миграцию для самосохранения.

Традиция в полном соответствии с подходом Э. Хобсбаума является изобретенной. На примере традиционных семей Таджикистана, Узбекистана и Кыргызстана видно, как «совокупность общественных практик ритуального или символического характера регулируется с помощью (в Средней Азии) явно признаваемых правил». Приверженность правилам и их неукоснительное соблюдение производится с целью внедрения определенных норм поведения, социокультурных норм, подтверждающих посредством повторения в последующих поколениях преемственность во времени. Слова классика подтверждаются эмпирически и в наше время, когда в условиях современных миграционных процессов традиционные практики адаптируются к новой экономической реальности и используют ее.

Согласно данным, полученным в ходе исследования категорий самоидентификации мигрантов в Санкт-Петербурге, из 81 половина респондентов (42 человека) подтвердили факт наличия родственников в России, 37 выразили желание остаться в России на постоянное проживание и лишь трое связывают свое будущее с миграцией в европейские страны. 14 респондентов пожелали

⁹¹ В Баткенской области введут ограничение на проведение тоев [Электронный ресурс]. URL: <https://rus.azattyk.org/a/29767086.html> (дата обращения 04.11.2019).

⁹² Пять причин, почему таджики празднуют свадьбы в Москве [Электронный ресурс]. URL: <https://tj.sputniknews.ru/opinion/20180518/1025565620/moscow-tajikistan-russia-svadba-tadzhiki.html> (дата обращения 04.11.2019).

вернуться домой, и 22 не дали никакого ответа. Сохранение у всех респондентов связей с родственниками на родине еще раз свидетельствует о существовании расширенной семьи в Узбекистане и в Таджикистане и ее «филиалах» в России.

Спецификой не только народов Средней Азии, но и многих этнических групп неарабского происхождения является тесная контаминация религии и традиции на уровне самоидентификации. Они неразрывно связаны одна с другой, что находит отражение в повседневной жизни, в традиционных практиках и т. д.

Собственно, как это определил один из информантов, «главное это наши мусульманские традиции» (*из интервью с респондентом из Республики Таджикистан, 32 года, г. Канибадам*). Среди традиционных праздников, за исключением Новруза, часто информантами назывались религиозные праздники Ид-аль-Фитр и Ид-аль-Адха.

В связи с этим основным пожеланием к сохранению традиций было желание оставаться мусульманином/мусульманкой.

...Держу пост, хожу в мечеть по пятницам, начинаю молиться пять раз даже на рабочем месте! Не пью, не курю, занимаюсь только спортом! Никогда не отказывался от своих традиций (*из интервью с А. Омоновым – 28 лет, Республика Узбекистан*).

Далее, уже в меньшей степени выражалось, однако все же выражалось желание, чтобы дети знали родной язык. Один из ответов респондента совмещал в себе оба желания:

Я пока не решила все, но хочу, чтобы они знали таджикский. Я очень надеюсь, что они будут религиозны. Но все же это будет их выбор (*из интервью с Махинов, 19 лет, г. Худжанд, Республика Таджикистан*).

Традиции для детей:

Коран читать и намаз совершать (*из интервью с Гулипой, 46 лет, г. Бишкек, Республика Кыргызстан*); я не знаю, какие традиции должны бы были соблюдать мои дети. Из праздников у нас же есть только Курбан-Байрам... и Новруз (*из интервью с Ханифой, 18 лет, г. Канибадам, Республика Таджикистан*).

Установки морали среди некоторых респондентов определялись как часть традиции, передаваемой по наследству:

Жить с одной женщиной, не изменять, как ее муж и отец ее детей (*из интервью с Гулипой, 46 лет, г. Бишкек, Республика Кыргызстан*).

Каждый кыргыз должен уважать старших. То, что я заметил, пока учился здесь... То, что у нас молодежь больше уважает старшее поколение, чем здесь, например. ...В Кыргызстане ты не увидишь ни одной бабушки и дедушки, чтобы они ходили одни с большими сумками по рынку или жили одни. Такого нет там. Там всегда дети заботятся о своих родителях. А здесь я часто вижу такое: такая бабушка, уже еле ходит, с большими сумками заходит в магазин. У нас такого нет вообще (*из интервью с Э.Н. Куланбаевым, 23 года, г. Бишкек, Республика Кыргызстан*).

Предпочтение своей национальной кухни также определялось как соблюдение традиции, в том числе и религиозной традиции.

Да, я обязательно праздную такие религиозные праздники, но из-за работы не всегда получается сходить в мечеть и молиться. Но дома мы готовим особенное блюдо плов или же звоним своим родственникам в Таджикистан и поздравляем их с праздником (*из интервью с О.М. Косимовым, 52 года, г. Курган-тюбе, Республика Таджикистан*);

...из-за плотного графика не могу ходить в мечеть. Но дома со своими друзьями готовим плов каждый праздник и посидим (*из интервью с Бахромом, 28 лет, г. Ургенч, Республика Узбекистан*).

Вопрос: Сложно ли в России соблюдать ваши традиции? Соблюдаете ли вы традиции у себя на родине? Пришлось ли от чего-то отказаться после переезда в Россию?

Ответ: Не сложно, я все соблюдаю так, как в Узбекистане. Ем национальные блюда. Если это не суп, то мы кладем на одну тарелку, как в Узбекистане. Даже если я на улице, то я постараюсь поесть в узбекских кафе (*из интервью с Гофуром, 50 лет, г. Ташкент, Республика Узбекистан*).

За все время интервью было лишь одно контрастирующее с общей установкой на сохранение религиозной и национальной идентичности, а именно, пожелание придерживаться общечеловеческих ценностей.

Мне кажется, что обычные человеческие ценности важнее традиций. Надо, конечно, чтобы они знали историю. Если мой ребенок будет находить веру в религии, то я не буду против, но

буду следить за этим, потому что можно легко удариться в фанатизм *(из интервью с Сафиной, 22 года, г. Душанбе, Республика Таджикистан)*.

В некоторых интервью можно видеть, каким образом респондент пытается сформулировать максимальное число критериев понимания соответствия поведения узбекским традициям:

Живу со своими земляками, и мы всегда едим наши национальные блюда, общаемся на узбекском, смотрим концерты наших узбекских певцов и артистов. Все соблюдается так, как в Узбекистане. На каждый национальный праздник мы надеваем свои национальные платья и идем даже на работу в них. Наши начальники радуются и поздравляют нас *(из интервью с Гульнорой, 51 год, Республика Узбекистан)*.

Вопрос: Сложно ли в России соблюдать ваши традиции?

Ответ: Нет, совсем не сложно. Да, я соблюдаю традиции. Праздную Рамадан, Курбан-Байрам, и тут нет запрета мусульманам носить наши головные уборы. До сих пор ем наши традиционные блюда, и мы всегда ведем себя как в Узбекистане и уважаем старших. Я отказалась от нашей национальной одежды, так как здесь бывает очень холодно, и мне пришлось ходить в джинсах, в чем я раньше никогда не ходила *(из интервью с Зоей, 44 года, Республика Узбекистан)*. Я живу со всей семьей, и мы все живем так, как и в Узбекистане. Например, едим свои национальные блюда, общаемся на узбекском, смотрим узбекские фильмы и концерты *(из интервью с Г.П. Мадмаровым, 55 лет, Ферганская область, Республика Узбекистан)*.

Органичность религиозного и традиционного в самоидентификации мигрантов прослеживалась в ответах на вопрос относительно сложности в соблюдении традиций на территории Российской Федерации. Рассматривая более подробные интервью, в которых интервьюируемые не ограничивались при ответе на вопрос «Трудно ли Вам соблюдать традиции, проживая в России?» одной лишь фразой «Нет, не трудно», можно выделить три группы респондентов.

Первая группа не проводит четкой границы между традициями и религией. И, отвечая на вопрос о традиционных устоях, имеет в виду религиозные:

Местное население может возмущаться (по поводу мусульманских праздников, обрядов, традиций), так как в чужой

монастырь со своим уставом не ходят. Я понимаю, что я здесь гость. Я здесь резать барана не буду, дома, в общем-то, тоже не режу (*из интервью с Б. Айымжан, 24 года, г. Бишкек, Республика Кыргызстан*); традиции свои тут соблюдать не сложно (мусульманские), ни от чего не пришлось отказываться, здесь ничего не запрещено (*из интервью с Бахтоваром, 29 лет, г. Душанбе, Республика Таджикистан*).

Респонденты во второй группе однозначно не утверждают о наличии больших трудностей с соблюдением традиций, однако подчеркивают определенные аспекты, вызывающие неудобства. Это нехватка времени, несовпадение выходных дней и национальных праздников и прочее:

Про традиции могу сказать, что мы празднуем все праздники, но не так масштабно, как на Родине... Не приходится отказываться полностью, просто уже точно не как дома (*из интервью с Адуллохом, 29 лет, г. Ташкент, Республика Узбекистан*).

Полностью отказываться (от традиций) нет, не приходится. Но тут труднее – просто некогда, не на все денег хватает (*из интервью с Р. Маматовым, 20 лет, г. Самарканд, Республика Узбекистан*).

Следующая группа подчеркивает особое влияние семьи в поддержании традиционных устоев. Если человек мигрировал и живет с семьей, ему легче продолжать соблюдать традиции вне родины:

Если семья тут – не сложно (*соблюдать традиции*) (*из интервью с Алиматом, 27 лет, г. Душанбе, Республика Таджикистан*); Нет, не сложно (*соблюдать традиции*). Мы тут своей большой семьей праздники празднуем и все в порядке. Главное в соблюдении традиций, чтобы вокруг были твои родственники (*из интервью с Изатом, 52 года, г. Худжанд, Республика Таджикистан*).

Среди национальных праздников чаще всего упоминается Новруз. В целом государственные праздники отмечаются по мере возможности:

...с ребятами из Узбекистана, из Кыргызстана, из Казахстана иногда во время таких праздников национальных, как Новруз, 21 марта мы справляем, такой Новый год: мы собираемся с ребятами, готовим плов, празднуем, так сказать, если это выход-

ной. В меру своих возможностей, потому что это же общежитие *(из интервью с А. Османалиевой, 20 лет, Бишкек, Республика Кыргызстан)*.

Есть, например, Новруз, есть государственные праздники Республики Узбекистан, которые не празднуются в России, но мы их, допустим, можем праздновать ... иногда мы празднуем День независимости... Новруз мы празднуем, но это тоже так: какое-нибудь блюдо сделать, которое готовят именно к этому празднику – сумалаяк *(из интервью Ж. Муминовым, 22 года, Самарканд – Санкт-Петербург)*.

Из ответов очевидно, что государственные праздники не так важны для мигрантов, как религиозные. При этом и те и другие отходят на второй план в условиях проживания вне семьи и вне традиционного общества (речь идет в основном о молодых мигрантах), восприятие ими реальности трансформируется, становится более подвижным:

Конечно, Санкт-Петербург и Россия влияют на то, чтобы отходить от некоторых принципов. Традиции соблюдает закрытое общество, которое не принимает из внешнего мира ничего. Потому что то, что приходит к нам с Запада или из России, может повлиять негативно или нарушить наши устои, обычаи, поэтому мы стараемся соблюдать наши традиции. У нас очень богатые традиции. Здесь, в отличие от Узбекистана, есть свобода. Когда у тебя есть свобода, очень легко забываются свои традиции и обычаи *(из интервью с И. Юсуповым, 26 лет, Ферганская область, Республика Узбекистан)*.

Были и респонденты, понимающие под традициями не только национальные праздники, но и внутренние устои своего общества, такие как уважение к старшим, гостеприимство, беспрекословный авторитет родителей и прочее:

...наш народ, кыргызы, они всегда отличались именно гостеприимностью *(из интервью с А. Османалиевой, 20 лет, г. Бишкек, Республика Кыргызстан)*.

Традиции, не связанные с празднованием каких-то событий, это, пожалуй, то, что в характере или в этногенезе нашего народа, это уважение к старшим, уважение к младшим... *(из интервью с Ж. Муминовым, 22 года, Самарканд – Санкт-Петербург)*.

Такие традиции, являющиеся больше поведенческими установками, как правило, сохраняются мигрантами и вне своего родного общества.

Три респондента из восьмидесяти одного на вопрос «Трудно ли Вам соблюдать традиции, проживая в России?» дали положительный ответ. Проблемы, перечисленные ими, связаны с отсутствием понимания со стороны принимающего общества: неприятные взгляды во время празднований, невозможность уйти с работы в пятницу или в другой день, являющийся праздником в родной стране мигранта, но при этом не являющийся таковым в России.

Когда здесь ходим в мечеть, люди смотрят, это неприятно, мы же на улице будем сидеть, хочется в мечети читать. Конечно, неприятно на улице сидеть, но надо же читать. На улице неудобно просто. Люди не мусульмане по-другому смотрят, плохо (из интервью с Д.Р. Муродовым, 25 лет, г. Турсунзаде, Республика Таджикистан).

Лояльность расширенной семье и ее членам, ориентация на ее помощь, взаимовыручка родственников, все эти практики в повседневной деятельности трудовых мигрантов подтвердились как в ходе работы над нашими интервью, так и в других исследованиях.

Так, среди источников помощи для таджикских мигрантов за границей 57,1% респондентов называли своих родных, 54,3% своих друзей, 45,2% односельчан и 20,1% выходцев из одного региона⁹³.

Одним из атрибутов традиционного общества является ограничение самостоятельного выбора для молодежи брачных партнеров. Согласно нашим полевым материалам родители мигранты, определяя потенциальных женихов и невест, руководствуются двумя критериями: конфессиональная и этническая принадлежность. Из всего числа респондентов (81 человек) на подобные личные вопросы в ходе интервью согласились беседовать 30 человек. Для 8 человек главной была названа религиозная принадлежность потенциального брачного партнера.

Вопрос: Примите ли вы невестку другой национальности и религиозной принадлежности?

⁹³ Olimova S., Olimov M. Religious Institutions and Tajik Migrant Integration [Электронный ресурс]. URL: <https://doc-research.org/2018/02/religious-institutions-tajik-migrant-integration-russia/> (дата обращения 30.11.2019).

Ответ: Да, приму, но при одном условии, если она примет Ислам. Даже в Коране написано, если из-за кого-то не мусульманин примет Ислам, то тому очень большое вознаграждение *(из интервью с О.М. Косимовым, 52 года, г. Курган-Тюбе, Республика Таджикистан)*.

Вопрос: Если ваш сын женится на девушке другой национальности и веры?

Ответ: Это не соответствует нашим узбекским нормам, но если она примет ислам, и если мой сын не против, то я одобряю *(из интервью с О. Абдукаримовой, 48 лет, г. Ош, Республика Киргизстан)*.

В ответах встречались проявления этнического фаворитизма, в основном среди граждан Узбекистана и Таджикистана.

– Я бы не вышла замуж *(не за таджика)*. Важно, чтобы это был таджик. Даже моя бабушка не отдает меня за одного парня. Мы с одного района, а он живет в другом. Она говорит, что это не то. Я не знаю, почему. Он должен быть мусульманином *(из интервью с Ханифой, 18 лет, г. Канибадам, Республика Таджикистан)*.

– Никогда не соглашусь на другую национальность для детей. Только таджика – для детей своих. В избранниках своих детей не важна нация, главное, чтоб был мусульманином. У меня жена таджичка. Для меня не важно, какой национальности будут избранники детей. Если они будут русскими, если они согласятся принять ислам, то тогда можно, а если не захотят – нет. Невеста может быть из любого района Таджикистана, главное, чтобы не памирка. Памирки самые красивые, но у них религия другая. Нельзя. Главное, чтоб одна религия *(из интервью с Ш.Х. Хочихоновым, г. Исфара, Республика Таджикистан)*.

Вопрос: Женились бы вы на девушке другой национальности, но при этом мусульманке?

Ответ: Нет, никогда! Только на узбечке *(из интервью с Бахромом, 28 лет, г. Ургенч, Республика Узбекистан)*.

Вопрос: Женитесь ли вы на девушке другой национальности, если ради вас она согласится принять ислам?

Ответ: Нет! Только на узбечке и мусульманке, потому что здесь другой менталитет, и они никогда не смогут соблюдать наши обычаи и традиции *(из интервью с Яшеном, 28 лет, г. Хива, Республика Узбекистан)*.

Исходя из содержания полевых материалов, на данный момент говорить о перспективе исчезновения значимости расширенной узбекской семьи рано. Хотя есть определенные тенденции сокращения ее численности. В середине XX в. советский этнограф М.В. Сазонова насчитывала в одном узбекском домашнем хозяйстве до 45–60 членов семьи⁹⁴. Спустя столетия также проводивший исследование в Хорезмийской области Т. Тревизани, насчитал в среднем шесть-семь человек в домашнем хозяйстве. Сокращение численности обусловлено тем фактом, что значительная часть членов семьи находится на заработках. Главным образом им было подмечено, что «сети расширенной семьи играют решающую роль» в повседневной жизни людей из сельской местности⁹⁵. Предоставленные возможности глобализации (электронные переводы, видеосвязь, Интернет и др.) способствовали, условно скажем, формированию «филиалов» домохозяйства расширенной традиционной узбекской семьи в России. Доказав свою актуальность в эпоху модерна, традиционные узбекские сети домохозяйств, восходящие к каждой семье, продолжают свое существование и развитие и в эпоху постмодерна.

Трансформация традиционной расширенной семьи тем не менее тоже происходит, и этого нельзя отрицать. Изначально трудовую миграцию в основном представляло мужское население региона. Постепенно в активно развивающейся сфере услуг России все большее значение стал приобретать женский труд. Последствием стала и женская миграция. Социальные связи мигранток с семьей и родными столь же, если не более сильны и крепки. Если для мужской трудовой миграции был характерен сезонный характер, то женская, в свою очередь, носит более постоянный характер. Женщины более мотивированы к поиску стабильной работы и жилья, поскольку это поможет в дальнейшем перевезти детей и забрать их от родственников. Соответственно, помимо повышения статуса и роли женщины в расширенной семье, в перспективе будет возможно ослабление связей в последней. Как верно было замечено О. Бредниковой и О. Ткач, «моральные и экономические обязательства перед другими родственниками значительно сокращаются либо снимаются

⁹⁴ Сазонова М.В. К этнографии узбеков южного Хорезма // Труды хорезмской археолого-этнографической экспедиции. М., 1952. С. 34.

⁹⁵ Trevisani Tommaso (2010). Land and Power in Khorezm: Farmers, Communities, and the State in Uzbekistan's Decollectivisation. P. 46.

вообще», «ответственность за родственников редуцируется до ответственности за детей»⁹⁶.

Как правило, именно на уровне расширенной семьи пытаются произвести расчет рискам, но, судя по темпам миграции, на многие риски идут сознательно. Страхи, риски и опасения можно условно разделить на две группы. Первая группа в отношении отъезжающего: это опасения о том, будет ли найдена работа, будут ли оформлены все необходимые документы и без ошибок? Какие будут последствия на уровне семьи? Вторая группа рисков в отношении оставшихся на родине членов семьи: как скажется недостаток социализации и отсутствие родителей на детях, не станут ли они чрезмерно «волевыми» (эрке)? Пойдут ли среди знакомых и соседей слухи и вредные сплетни (ушактар) о поведении уехавших на заработки⁹⁷. Все указанные риски сохраняют свою актуальность и в наше время, дополнительно возникают еще опасения попадания молодежи, уехавшей на работу в Россию, в религиозные секты и группировки экстремистов. Подавляющим большинством населения в трех республиках Средней Азии перешедшие на сторону экстремистских организаций и террористических исламистских организаций воспринимаются как маргиналы и изгои.

Подводя итоги изучения развития самоидентификации трудовых мигрантов из Узбекистана, Таджикистана и Кыргызстана, можно выделить следующие значимые результаты:

1. Для большинства мигрантов локальная идентичность является приоритетной категорией, но она неразделима с наднациональной религиозной ее компонентой. В совокупности они, по версии Л.В. Чвырь, составляют этноконфессиональную идентичность.

2. Именно локальная самоидентификация имеет наибольшую значимость как в повседневной практике мигрантов, так и долгосрочной стратегии (цели, мотивация, задачи и т. д.). Благодаря родственным и земляческим связям (за исключением социальных сетей) идет при необходимости поиск работы, жилья и денежных средств.

3. Значение локальной идентичности ограничивает процесс разложения традиционной расширенной семьи. В новых условиях

⁹⁶ Бредникова О., Ткач О. Дом для номады // Laboratorium. 2010. № 3. С. 89.

⁹⁷ Reeves M. Black Work, Green Money: Remittances, Ritual and Domestic Economies in Southern Kyrgyzstan // Slavic Review. 2012. Vol. 71. No. 1. P. 109.

«бремя» традиции по-прежнему определяет цели и задачи большинства трудовых мигрантов. Ярким примером тому являются дорогостоящие торжества (свадьбы, тои, поминки), обеспечение которых требует участия большого количества родственников и их совместных затрат.

4. Трансформация традиционного общества происходит за счет все большего вовлечения женщин в трудовую миграцию. Вместе с тем повышается их роль и самостоятельность в расширенной семье. Формируются новые ориентиры в плане расходования заработанных средств и новые практики.

Глава 7

Возможности и ограничения использования цифровых технологий в процессе адаптации трудовых мигрантов

Современные глобальные трансформации предполагают возрастание экономического значения крупных городов, меняя демографические процессы в сторону все больших диспропорций в экономическом потенциале, географии занятости населения, благосостояния и качества жизни¹. Постиндустриальная экономика крупных городов предъявляет новые требования к скорости коммуникаций, гибкости рынка труда, адаптивности под меняющиеся потребности сферы услуг. Все это в полной мере относится к ключевым городским центрам экономического развития в России.

На фоне более чем 81%-ной доли пользователей Интернета в России наблюдается значимое снижение цифрового неравенства как за счет постепенного выравнивания цифрового поведения в прежних регионах-аутсайдерах, так и благодаря распространению использования цифровых технологий среди населения в возрасте более 60 лет². Текущие очевидные трансформации государственного управления демонстрируют все большее проникновение цифровых технологий в части взаимодействия с гражданами через сервисы государственных услуг, открытых данных и проч.

Трудовая миграция остается одной из ключевых компонентов выравнивания отрицательного демографического баланса населения России, которая обеспечивает замещение экономических потребностей преимущественно низкоквалифицированной рабочей силой. Вместе с тем в последние 15 лет миграционная политика России сохраняла преимущественно инерционный характер с точки зрения организации взаимодействия.

¹ 100 крупнейших городов России по населению. 2019. Список РФ [Электронный ресурс]. URL: http://www.statdata.ru/largest_cities_russia (дата обращения 10.10.2019).

² Просторы интернета: для работы или развлечений? // ВЦИОМ. 20 сентября 2018. № 3767. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9322> (дата обращения 10.10.2019).

Институциональные и правовые механизмы взаимодействия государственных служб с трудовыми мигрантами в значительной степени отстают от аналогов, соответствующих цифровому взаимодействию с гражданами России. Подобная институциональная асимметрия позволяет по-новому посмотреть на вопрос цифрового неравенства. В конечном счете, практикуемый в миграционной политике подход обнаруживает свою ригидность в отношении не только к актуальным тенденциям в трудовой миграции, но и применительно к особенностям второго поколения трудовых мигрантов.

Вместе с тем актуальность использования цифровых технологий основывается в значительной степени на том факте, что в случае трудовых мигрантов официальное взаимодействие с ними государственных структур является или крайне ограниченным (по времени и форме), либо оценивается приезжими как серьезный риск, которого стоит избегать (риски задержания сотрудниками полиции, коррупционные издержки и проч.).³ Это ведет к тому, что институциональные каналы взаимодействия оказываются малоэффективны, а их место занимают неофициальные и нередко нелегальные механизмы, обеспечивающие гибкое оказание услуг, посредничество и помощь. Основанные на подобных практиках неформальные сети способствуют легитимации незаконных практик, ограничивая публичные взаимодействия трудовых мигрантов с экономическими агентами и государством, что в конечном итоге ведет к крайне низкому уровню индивидуальной адаптации приезжающих на заработки.

Современные исследователи данного вопроса рассматривают цифровые трансформации преимущественно через призму социальных и культурных эффектов от миграционных потоков. В рамках концепций транснационализма и транслокальности цифровая среда позволяет не только гибко поддерживать через новые формы вербальной коммуникации и символических репрезентаций собственную идентичность, но при этом и трансформировать ее в новые форматы⁴. Глобальные трансформации, как манифестирует в своих работах Д. Диминеску, сопровождаются появлением новой фигуры мигранта, одновременно «подключенного» к разным коммуникационным контекстам.

³ Клондайк для коррупции: почему мигрантов доверили полиции? URL: <https://www.vestnik-migranta.ru/2018/05/avgorovoy.html> (дата обращения 10.10.2019).

⁴ *Brinkerhoff J.M.* Digital diasporas: Identity and transnational engagement. Cambridge University Press, 2009.

Использование цифровых технологий демонстрирует существование своеобразной «портативности сетей принадлежности»⁵, когда общая готовность мигрантов к территориальной мобильности и медиапрактики создают континуум, в котором они способны сохранять ощущение своего присутствия в разных местах и, что наиболее важно, не ощущать так остро разрывы, традиционно сопровождающие уход из родных мест.

Как отмечают К. Лёрс и С. Понзанеси, подобные процессы носят сложный и противоречивый характер в силу взаимосвязанности процессов инкапсуляции и космополитизации, сопровождающих трансграничную трудовую миграцию⁶.

В этом отношении формирование «цифровых разрывов» между местным населением и приезжими мигрантами⁷, где параметры неравенства, социокультурной дистанции и институциональной неэффективности легальных адаптационных каналов создают основы для модели инкапсуляции мигрантов в сетях доверия/общине, что в некоторой степени соответствует эффекту маргинализации в классической модели миграции.

Политическая нестабильность и гуманитарные кризисы в настоящее время, на примере Сирии, демонстрируют то, как цифровая коммуникация позволяет обеспечивать адаптацию беженцев к новой для них средах посредством цифровых практик: распространения полезной информации, обсуждения проблем, поиска контактов для организации переезда в страны Европы из зоны вооруженного конфликта⁸.

Вместе с тем большое количество работ демонстрируют переход иммигрантских сообществ в формат цифровой диаспоры. Разработанная Д. Бринкерхофф, К. Диамандаки и др. концепция предполагает возможность существования различий при сохранении общинности ее членов благодаря индивидуальным практикам цифрового поведения. В исследованиях цифровых диаспор в Европе и США отмечается влияние информационных технологий, выступающих не только как каналы и инструмен-

⁵ *Diminescu D.* The connected migrant: An epistemological manifesto // *Social Science Information*. 2008. V. 47 (4). P. 573.

⁶ *Leurs K., Ponzanesi S.* Connected migrants: Encapsulation and cosmopolitanization // *Popular Communication*. 2018. V. 16. № 1.

⁷ *Leurs K.H.A.* Digital passages. Migrant youth 2.0: Diaspora, Gender & Youth Cultural Intersections. Amsterdam University Press, 2015.

⁸ *Dekker R. et al.* Smart refugees: how Syrian asylum migrants use social media information in migration decision-making // *Social Media+ Society*. 2018. V. 4. №. 1. P. 205.

ты снижения миграционных барьеров⁹, но и в случае социальных сетей как средства межкультурной коммуникации между местным населением и мигрантами¹⁰. Как отмечают российские исследователи, в России «социальные сети выступают в роли своеобразных драйверов новой этнической социальности и этнического дискурса»¹¹, кристаллизующего идентичности в рамках мусульманского, националистического и традиционалистски-советского проектов.

Выступая нередко в качестве инструментов межкультурной адаптации и социального включения, информационные коммуникативные среды демонстрируют данный эффект в большей степени применительно ко второму поколению мигрантов, молодежи, которая охотнее разделяет общие интересы и предпочтения вне зависимости от стран происхождения^{12, 13}.

Вместе с тем роль информационных технологий не столь однозначна, поскольку их использование имеет двустороннюю направленность, когда новые каналы коммуникации используются для расширения мигрантами дискриминационных или виджиглантистских практик в отношении соотечественников (например, женщин), что лишь цифровизирует практики социального доминирования¹⁴.

Вместе с тем в вопросе миграционной политики можно говорить о достаточно ограниченном изучении практик использования цифровых сред для взаимодействия представителей принимающих стран с трудовыми мигрантами и обеспечения цифровых

⁹ *Dekker R., Engbersen G.* How social media transform migrant networks and facilitate migration // *Global Networks*. 2014. V. 14. № 4. P. 401–418.

¹⁰ *Alencar A.* Refugee integration and social media: a local and experiential perspective // *Information, Communication & Society*. 2018. V. 21. № 11.

¹¹ *Кужелева-Саган И.П.* и др. «Цифровые диаспоры» мигрантов из Центральной Азии: виртуальная сетевая организация, дискурс «воображаемого сообщества» и конкуренция идентичностей. Томск, 2016. С. 153.

¹² *Dhoest A.* Connections that matter: The relative importance of ethnic-cultural origin, age and generation in media uses among diasporic youth in Belgium // *Journal of Children and Media*. 2015. V. 9. № 3.

¹³ *Andrade A.D., Doolin B.* Information and communication technology and the social inclusion of refugees // *Mis Quarterly*. 2016. V. 40. № 2.

¹⁴ *Gabdulhakov R.* In the bullseye of vigilantes: Mediated vulnerabilities of Kyrgyz labour migrants in Russia // *Media and Communication*. 2019. V. 7. №. 2.

адаптационных механизмов и сервисов. Часто речь идет о цифровой составляющей режимов миграционного управления («умные границы»)¹⁵ или о цифровых сервисах помощи мигрантам¹⁶.

Государственные органы России в настоящий момент ориентированы на цифровизацию миграционного законодательства с целью совершенствования его механизмов. С этой позиции Концепция государственной миграционной политики РФ до 2025 года предполагает осуществление ряда мер, таких как:

- оснащение Государственной границы РФ техническими средствами, позволяющими своевременно выявлять и пресекать въезд и выезд иностранных граждан, не имеющих правовых оснований пребывания на территории РФ;
- расширение использования современных биометрических технологий для идентификации личности в целях повышения эффективности государственного контроля (надзора) в сфере миграции, обеспечения общественной безопасности и предоставления государственных услуг в сфере миграции;
- совершенствование административных процедур в сфере миграции путем внедрения электронных форм взаимодействия, а также создания, поддержания и развития государственных информационных систем.

Несмотря на намерения правительства оптимизировать миграционные процессы с помощью использования цифровых технологий, приоритетом развития миграционной политики для государства на данном этапе все еще является совершенствование и использование уже существующих информационных технологий в ущерб внедрению и разработке новых практик цифрового взаимодействия, при этом подобное совершенствование необходимо.

С другой стороны, данные инициативы почти полностью связаны лишь с использованием различной информации при осуществлении государственного контроля (надзора) в сфере миграции. Безусловно, подобная стратегия реализуется через программы «умных границ», автоматизированного пограничного контроля, в США и ЕС, однако стоит обратить внимание на крайне

¹⁵ *Троицкая О.В.* Будущее миграционного управления: «умные границы» и информационные технологии // Миграционные мосты в Евразии: модели эффективного управления миграцией в условиях развития евразийского интеграционного проекта. М., 2017.

¹⁶ *Chen W., Choi A.S.K.* Internet and social support among Chinese migrants in Singapore // New media & society. 2011. V. 13. № 7.

высокую потребность также в предоставлении государственных услуг и сервисов в сфере миграции.

Проблемой является то, что реализация инициатив не продумана с точки зрения коммуникации с трудовыми мигрантами. Например, сайт единого портала государственных услуг, позволяющий получать некоторые государственные услуги для иностранных граждан в электронной форме через сеть Интернет, имеет интерфейс и все разделы только на русском и английском языках, что при наличии многошагового алгоритма действий при использовании сайта для получения хотя бы одной услуги создает большие сложности для трудовых мигрантов, от которых требуют владения русским языком на базовом уровне (ТБУМ/А1), которого в данном случае недостаточно. Хотя ряд регионов планируют внедрение новых технологий учета, например, в 2019 г. правительство Санкт-Петербурга сообщило о разработке электронной карты мигранта, однако конкретные сроки реализации проекта неясны.

Весьма остро стоит вопрос об использовании цифровых технологий для задач адаптации трудовых мигрантов. В Санкт-Петербурге правительством был создан интернет-ресурс для мигрантов, предоставляющий актуальную информацию об истории, традициях СПб., основах миграционного законодательства, трудоустройстве, медицинской помощи и т. п. Вся информация, размещенная в разделах сайта, представлена только на русском, однако эта информация продублирована в бумажных информационных справочниках для трудовых мигрантов, издающихся на русском, узбекском и таджикском языках.

К уже упомянутому положительному опыту реализации цифровых сервисов в многофункциональном миграционном центре в Москве можно добавить создание приложения по изучению русского языка для операционной системы Android «Россия для всех». Запущенное для граждан Узбекистана приложение представляет собой учебный курс для самостоятельной подготовки к комплексному экзамену по русскому языку, истории России и законодательству РФ. Приложение имеет высокую пользовательскую оценку 4,5 и более 10 тыс. скачиваний. Однако подобные положительные примеры являются единичными и не влияют на существующий вакуум в области цифрового взаимодействия с трудовыми мигрантами.

Наша оценка роли цифровых технологий для обеспечения адаптации миграционного потока из стран Средней Азии была построена на нескольких уровнях анализа. В первом уровне были анализированы сайты, каналы, приложения, доступные в сети

Интернет, а также группы в социальных сетях на русском, кыргызском, узбекском и таджикском языках.

Существующие информационные ресурсы можно условно разделить на российские сайты частных компаний, оказывающих платные услуги мигрантам, и на информационные ресурсы, бесплатно информирующие иностранных граждан о процессе миграции в Россию на русском и родном языках.

В первом случае можно отметить веб-сайты следующих организаций: «Центр Право», «PrivetMigrant», «Мигрант-Гарант», «Migrantoff». Все они предоставляют помощь по оформлению гражданства, вида на жительства, разрешения на временное проживание, а также возможность сдачи тестирования по русскому языку. В социальных сетях более успешна компания «Мигрант-Гарант».

Во втором случае речь идет о ресурсах Федерация мигрантов России, «Я – мигрант», «Мигрант.ру», «Topmigrant», «Мигранты в России», «Вестник мигранта» и др. Все они в равной степени выполняют информационную функцию. На них публикуется информация об оформлении необходимых документов, об изменениях в российском законодательстве, о мерах против нелегальной миграции, об условиях работы в РФ.

Примером ресурса на национальных языках является сайт Muhojir.info. В то же время представленный контент сайта создается на русском языке, а доступные для скачивания и последующего заполнения необходимые формы – на таджикском. На ресурсе представлены видеоролики, в которых разъясняются правила въезда в Россию, условия работы, в виде текстов и таблиц доносится информация о получении патента, правовой помощи, а также присутствует раздел, содержащий статьи о преодолении проблем, с которыми в миграции сталкиваются женщины¹⁷.

Как отмечают в своем исследовании П.А. Глухов и А.П. Окушова, среди функций виртуальных этнокомьюнити можно выделить такие, как трансляция национальной культуры, анонсирование культурно-национальных мероприятий, национальных и религиозных праздников, оказание помощи и услуг в области культурной адаптации и правовой легализации, трудоустройства, поддержание культурных связей диаспоры с исторической родиной, трансляцию национальных новостных поводов¹⁸.

¹⁷ Muhojir.info. URL: <http://muhojir.info/> (дата обращения 06.10.19).

¹⁸ Глухов А.П. Ключевые функции этносообществ социальных сетей в трансляции и воспроизводстве виртуальной этнонациональной идентичности и сохранении национальной культуры. Томск, 2015. С. 63–73.

Исследовательница С.С. Носова обращает внимание на тот факт, что большинство сообществ, найденных с помощью самых простых ключевых слов, оказываются заброшенными и, что для нас наиболее важно, «такой популярный инструмент онлайн-коммуникации, как социальные сети, все еще редко используется для решения проблем интеграции мигрантов в принимающее общество»¹⁹.

Можно отметить, что возрастающую популярность приобретают каналы на видеохостинге «YouTube». Наиболее характерным примером является популярный канал «Голос мигранта». Контент канала носит информационно-рекомендательный характер. Все видео на таджикском (иногда в названии роликов присутствуют русские слова). На канале более 168 тыс. подписчиков и около 150 видео. В комментариях под роликами, повествующими об изменении законов в РФ, зрители канала реагируют преимущественно негативно: «...Никогда не издает законы в нашу пользу». Относительно деятельности канала отзывы, наоборот, положительные: «Лучший блогер для братьев и сестер!»²⁰.

Таким образом, анализ существующих интернет-ресурсов демонстрирует тенденцию в целом пассивного использования цифровых технологий для упрощения въезда граждан Киргизии, Таджикистана и Узбекистана на территорию России. Существующие информационные ресурсы предназначены для информирования потенциальных мигрантов об условиях эмиграции и работы в России, об особенностях российского общества и культуры и, с одной стороны, призваны частично облегчить процесс адаптации, а с другой – предотвратить возникновение проблем, связанных с недостаточным знанием приезжими миграционного законодательства РФ. В то же время объединяющим признаком становится не статус мигранта, а религиозные и культурные нормы, транслируемые в многочисленных группах в социальных сетях, что говорит о недостатках проводимой миграционной политики, не позволяющей актуализировать ценности, не связанные с национальной принадлежностью мигрантов.

Результаты второго уровня анализа касаются оценки уровня владения трудовыми мигрантами из республик Средней Азии информационными технологиями и их использования в процессе

¹⁹ Носова С.С. Организация социального взаимодействия представителей этносообществ в социальных сетях (на примере узбекских и таджикских виртуальных групп на платформах «Facebook», «Одноклассники» и «ВКонтакте»). Томск, 2015. С. 101.

²⁰ Голос мигранта. URL: <https://www.youtube.com/channel/UChID8qxMVA2KIjbW3DWwgOQ> (дата обращения 12.10.19).

трудовой миграции. Данные основываются на пилотной серии полуструктурированных интервью, взятых в разных районах Санкт-Петербурга у трудовых мигрантов²¹ и продавцов-консультантов²² в салонах сотовой связи, контактирующих с трудовыми мигрантами. Данная методология перекрестного интервьюирования по исследуемым проблемам позволяет говорить о достаточной релевантности результатов ситуации в Санкт-Петербурге.

Полученные в ходе исследования результаты имеют ряд ограничений по интерпретации. С одной стороны, в силу сложности самой коммуникации проблемно определить связь выявленных тенденций с социально-демографическими характеристиками трудовых мигрантов, а также с их уровнем владения русским языком. С другой стороны, в силу высокого социально-экономического статуса Санкт-Петербурга ограничением может являться региональная специфика трудовой миграции.

В настоящий момент можно говорить, что трудовые мигранты используют Интернет на регулярной основе и чаще всего с персональных сотовых телефонов (76%). В этом отношении мигранты достаточно мобильны и не привязаны к точкам доступа (локальные сети, WI-FI), что позволяет им получать интернет-услуги персонально: «Очень часто пользуюсь интернетом, захожу через телефон. Сам пользуюсь, редко к кому-то обращаюсь, если только телефон не ломается» (Эльдор, 29 лет, работник сферы ЖКХ).

Таблица 1

Частота пользования Интернетом

Частота	Относительная доля (%)
Не использует	2
Редко	5
Периодически	15
Постоянно	47
Регулярно	20
Затруднились с ответом	11

Источник: формализованные результаты проведенных интервью.

²¹ Пилотная выборка включила интервью с 46 трудовыми мигрантами, включая 5 женщин, от 20 до 55 лет из Таджикистана, Узбекистана, Киргизии. Вопросы интервью см. приложение 1.

²² Пилотная выборка включила 45 интервью с работниками салонов сотовой связи от 20 до 40 лет. Вопросы интервью см. приложение 2.

В структуре наиболее посещаемых информационных ресурсов доминируют социальные сети (46%): Одноклассники и ВКонтакте; видео- и фотосервисы (28%): YouTube и Instagram; поисковые системы (11%): Yandex, Mail.ru, Google. При этом можно отметить, что среди трудовых мигрантов наблюдается общая тенденция все большего и активного использования сервисов-мессенджеров: Telegram, IMO, Whatsapp, Viber, Skype.

Важно, что Интернет в целом рассматривается как удобный и полезный способ поиска информации (33%), а также способ развлечений (13%). В этом отношении само мобильное устройство является для трудовых мигрантов, как и для россиян, привычным полезным атрибутом в их жизни:

Не могу назвать каких-то конкретных сайтов. Поисковиками пользуюсь – Google, Yandex. По работе сейчас ничего не ищу, нет нужды. Из соцсетей у меня на телефоне есть Whatsapp, Одноклассники. Еще Яндекс.Транспорт очень удобно из приложений (*Гульчухра, 36 лет, уборщица*).

Таблица 2

Обычный круг общения через Интернет

Типичный круг общения	Относительная доля (%)
Родственники, семья	48
Друзья, знакомые	25
Коллеги или люди, связанные с работой	15
Затруднились с ответом	12

Источник: формализованные результаты проведенных интервью.

Характерными примерами является популярность сообществ в социальных сетях и особенно в групповых чатах мессенджеров (чаще всего в Telegram), где коммуникация в большей степени связана не с формированием новой этнической социальности, а с потребностью оперативно решать возникающие проблемы. Подобные чаты имеют территориальную привязку, структуру доски объявлений и крайне высокую активность (более 15 000 подписчиков и почти ежеминутное обновление). Большинство сообщений написаны на национальных языках и касаются съема жилья, объявлений о подработках или работе (нередко на русском языке), консультации и услуг врача, услуг автотранспорта и «въезда-выезда» из РФ для «обновления» миграционной карты, недорогих товаров (продукты, телефоны) и услуг (документы для легализации, юристы).

Таблица 3

Сообщества трудовых мигрантов в Telegram
(Санкт-Петербург)

Название	Число подписчиков
Питерда Иш Елонлари	86 981
Питерда иш кв елонлари	61 485
@PITERDA ISH ELON KVARTIRA	22 400
Питерда иш квартира ва бошка элонлар	20 588
Питерда Узбек Махалла	19 962
Питерда Узбек Мухожирлар	17 228
ПИТЕР-ТАЯНЧ	17 079
ПИТЕРДА ИШ ЭЪЛОНЛАР	11 800
ВОДИЙГА ОДАМ ВА ЮК ОЛИБ КЕТАМАН	1427

Источник: данные Telegram.

Интернет-коммуникация чаще всего используется трудовыми мигрантами для связи с родственниками или семьей на родине, однако нередко и внутри России в работе и для решения бытовых вопросов.

Неудивительно, что множественный характер коммуникации частично закрепляет двуязычие (не менее 30%), где русский язык востребован для общения с коллегами или по рабочим вопросам:

Да, общаюсь. С семьей и друзьями. На русском и узбекском, смотря с кем *(Даврон, 25 лет, работник сферы ЖКХ)*.

На фоне уже отмеченной пользы Интернета в поиске новой информации можно сказать, что трудовые мигранты осваивают цифровые технологии преимущественно уже в России. В силу множества причин поиск работы и жилья, а также решение других важных вопросов трудовой миграции чаще происходит не самостоятельно, а через помощь друзей и знакомых соотечественников, работающих в России:

Не, на Родине больше информации узнал от старших братьев. Они еще до меня в Россию ездили *(Алим, 27 лет, работник кафе-бистро)*.

В других случаях Интернет используется для общения с соотечественниками, находящимися на месте предполагаемого пребывания.

Таблица 4

Использование Интернета в целях поиска информации по вопросам, связанным с трудовой миграцией

Практика использования	Относительная доля (%)
Было	27
Не было	53
Затруднились с ответом	20

Источник: формализованные результаты проведенных интервью.

Существующие потребности в использовании цифровых технологий не просто четко идентифицировать, поскольку достаточно часто респонденты отмечают, что информации достаточно много:

Даже не знаю. Думаю, что найти можно любую информацию. Главное – желание (*гражданин Узбекистана, 21 год, бармен*).

С другой стороны, можно отметить, что нередко трудовые мигранты (преимущественно уже в России) ищут информацию по миграционным вопросам (требования законодательства и пр.) на интернет-ресурсах официальных служб. В этом случае нередко отмечается, что официальные сайты часто малополезны из-за неадаптированности информации:

Искала долго, помогли только непроверенные (неофициальные) сайты. Там объясняется все намного проще (*гражданка Узбекистана, 23 года, менеджер*).

Специализированные форумы мигрантов (не только из Средней Азии) становятся действительными каналами получения информации для базовой адаптации на новом месте жительства и работы, что говорит о крайне неэффективной информационной политике в части адресного информирования прибывающих иностранных граждан. В ряде случаев респонденты прямо отмечают существующие у трудовых мигрантов потребности относительно интернет-сервисов:

Нужен какой-то сайт, через который можно было бы заранее подавать свои данные на получение патента, регистрации (*гражданин Узбекистана, 36 лет, сварщик*).

Интервьюирование продавцов-консультантов салонов сотовой связи в целом указывает на средний уровень владения трудовыми мигрантами цифровыми технологиями. При этом можно отметить наличие цифрового неравенства среди мигрантов:

Уровень знакомства с цифровыми технологиями оценил бы по-разному. Есть такие, которые вообще ничего не понимают и не знают, а есть и такие, которые и за новинками следят, и интересуются, и настройку телефона могут сами произвести полностью (*продавец-консультант Константин, Салон МТС, метро «Озерки»*).

Таблица 5

Оценка владения цифровыми технологиями в среде мигрантов

Оценка	Доля (%)
Плохо	28
Средне	43
Хорошо	3
Неопределенно	25

Источник: формализованные результаты проведенных интервью.

С другой стороны, чаще всего интервьюируемые отмечали, что при выборе товара или услуги трудовые мигранты преимущественно или делают самостоятельный выбор по рекомендации знакомых, либо принимают решение коллективно:

Покупатели обычно молодые или в среднем возрасте, решение о покупке принимают по 2-3 человека, редко самостоятельно. Бывает, что решение принимает тот, кто говорит со мной, а не тот, кому, видимо, покупают (*продавец-консультант, салон МТС, метро «Комендантский проспект»*).

Таблица 6

Способ принятия решения
о приобретении товара или услуги

Способ принятия решения	Доля (%)
Коллективный	66
Индивидуальный	7
Неопределенный ответ	27

Источник: формализованные результаты проведенных интервью.

Подобные практики «коллективизма» связаны не только с вопросом безопасного передвижения по городу (возможность объясниться по-русски или получить помощь при встрече с органами правопорядка), но и с сохраняющимся низким уровнем самостоятельности, который растет у трудовых мигрантов, работающих и проживающих в России продолжительное время (от 3–5 лет).

В настоящее время салоны связи являются важным элементом инфраструктуры жизни трудовых мигрантов, поскольку посещение данных мест позволяет получить крайне востребованные услуги: купить телефон, подключиться к тарифу, оформить страховку, сделать перевод на родину.

Таблица 7

Приобретаемые товары или услуги

Товар/услуга	Доля (%)
Денежные переводы	10
Покупка телефона	31
СИМ-карты/подключение Интернета	45
Пополнение баланса телефона	7
Другое	7

Источник: формализованные результаты проведенных интервью.

При этом полученная в ходе интервьюирования информация позволяет оценить аудиторию салонов связи, приходящуюся на трудовых мигрантов, как достаточно значимую:

Очень часто приходят. Таджикистан и Узбекистан – самое массовое, человек 50–90 за смену примерно (*Геннадий, продавец-консультант, салон «Мегафон», метро «Дыбенко»*).

Таблица 8

Частота посещения салонов сотовой связи
трудовыми мигрантами

Среднее число посетителей в день	Доля салонов (%)
10	19
20	4
30	1
40	4
50	2
60	6

Источник: формализованные результаты проведенных интервью.

По результатам интервью ориентировочное среднее число трудовых мигрантов, посещающих салон сотовой связи, составляет около 20 человек за рабочий день. Это позволяет оценивать число ежесуточных посещений данных мест в 10 000–15 000 человек по Санкт-Петербургу.

Эти данные важны для понимания оптимальных принципов реализации программ адаптации трудовых мигрантов, поскольку крайнюю актуальность в этом вопросе приобретает регулярная коммуникация, особенно с точки зрения поддержания позитивного контакта. В этом отношении ключевым является использование тех городских пространств, которые имеют для мигрантов ценность и воспринимаются как относительно безопасные. С этой точки зрения салоны сотовой связи способны обеспечивать информирование трудовых мигрантов о полезных сервисах и возможностях ведения легальной трудовой деятельности, получения социальной помощи и проч.

Опираясь на полученные данные из интервью респондентов, можно выдвинуть гипотезу, что адаптационный потенциал информационных технологий в среде трудовых мигрантов в значительной степени связан с общей потребностью в информации, новостях. В ходе интервью нередко отмечалось, что возможность найти информацию является главной положительной харак-

теристикой Интернета, тогда как мотив связи с родными в ходе интервью практически не фигурировал.

С этой точки зрения стратегия реализации цифровой компоненты миграционной политики, равно как и политики национальной, должна ориентироваться на форматы взаимодействия, для которых приоритетом является предоставление удобных, доступных и полезных услуг в цифровой форме. Информационная же политика в отношении трудовых мигрантов может быть успешно реализована лишь в рамках используемых ими коммуникационных виртуальных сред (например, мессенджеры, YouTube).

Заключение

Выводы и некоторые рекомендации

Еще в 2012 г. В.В. Путин призвал к выработке «умной» иммиграционной политики¹, однако этот призыв, как представляется, не был услышан. Поскольку оптимизировать осуществление так называемой национальной, и миграционной политики в Москве и Санкт-Петербурге (как и в других крупных городах России) и решить задачу выбора иммигрантами стратегии интеграции в российское общество можно только в том случае, если акцент в деятельности властей будет смещен с полицейских мер и депортаций незаконных иммигрантов, с массовых мероприятий преимущественно культурно-фольклорного характера и работы исключительно с национально-культурными объединениями и их лидерами – на предотвращение пространственной сегрегации и социально-профессиональной дискриминации иммигрантов, особенно так называемых видимых мигрантов из стран и регионов ислама. Это станет возможным, когда усилия власти будут направлены на утверждение равенства граждан перед законом, расширение участия в управлении, на снижение уровня коррупции в тех сферах, которые особенно чувствительны для этнической политики. Без этих системных мер, реально меняющих среду обитания россиян, трудно рассчитывать на изменение их установок и ценностей².

¹ *Путин В.В.* Строительство справедливости: социальная политика для России // Комсомольская правда. 13 февраля 2012 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://premier.gov.ru/events/news/18071>

² Однако, несмотря на официальную риторику, Россия до сих пор не присоединилась к Международной конвенции ООН о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей, Конвенции МОТ № 97 «О трудящихся-мигрантах» и № 143 «О злоупотреблении в области миграции и об обеспечении трудящимся-мигрантам равенства возможностей и обращения» (*Поletaев Д.* Мигрантофобия и миграционная

Дополнительную опасность несет сегодня то, что многие российские политики и управленцы «...разделяют с политическими маргиналами готовность помещать миграционную проблематику в контекст “межнациональных/межэтнических отношений”, – отмечает В. Малахов. В таком контексте сложнейший комплекс общественных отношений – между работодателями и работниками, между административными структурами и бизнесом, между организованными преступными группировками и властями, между приезжими и местными работниками и так далее – упрощаются до отношений между “этносоми”. Результат такого упрощения – истолкование социальных конфликтов, связанных с иммиграцией, в качестве “межнациональных конфликтов”. Крайне опасное упрощение, особенно если учесть, какой мобилизационный потенциал оно в себе таит. Пока претендентами на то, чтобы воспользоваться этим потенциалом, являются внесистемные общественные активисты – “националисты” и “экстремисты”. Но совсем не исключено, что к этому ресурсу захотят прибегнуть и некоторые системные политики»³.

Как считают эксперты, для решения накопившихся проблем в первую очередь необходимо ужесточить контроль над работодателями, которые своими действиями стимулируют рост нелегальной миграции. Пока схема неформального рынка труда эффективно работает и при этом экономически выгодна, бороться с ней практически невозможно. Поэтому предлагаемая работодателям некоторыми экспертами идея формирования поликультурных трудовых коллективов и создание в них благоприятных межэтнических отношений для взаимной интеграции представителей разных этнических групп остается не более чем благим пожеланием. Однако одними репрессивными мерами нельзя решить проблему, в частности заставить хозяйствующих субъектов участвовать в процессе интеграции трудовых мигрантов. Помимо «кнута» необходим и «пряник», например налоговые льготы для тех предпринимателей, которые создают дополнительные рабочие места для трудовых мигрантов, не нарушая при этом миграционного законодательства (как, например, это делается в Лондоне), создают условия для посещения их работниками обязательных курсов русского языка и т. д.

политика // Мигранты, мигрантофобии и миграционная политика / Отв. ред. В.И. Мукомель. М.: НП «Центральный дом адвоката», Московское бюро по правам человека, «Academia», 2014. С. 17).

³ Малахов В. Культурные различия и политические границы в эпоху глобальных миграций. М., 2014. С. 205–206.

В свою очередь, эффективная борьба с коррупцией в работающих с нелегалами государственных учреждениях может происходить только на фоне ситуации, когда работодателям и самим нелегалам станет уже невыгодно существовать в рамках незаконных схем. Иначе любые ужесточения мер не достигнут должного результата. Схема «откупа» от государственных чиновников (полиции и миграционных служб) уже сформировалась и вполне эффективно работает на протяжении длительного периода времени. Поэтому видится крайне важным разделение полномочий между исполнением закона и контролем над его исполнением.

Необходимы серьезные меры по противодействию ксенофобии и мигрантофобии в принимающем обществе, преодолению этноцентризма в общественном дискурсе, в том числе в СМИ, школьных и вузовских образовательных программах. Электронные и печатные средства массовой информации должны осуществлять просветительскую работу по разъяснению опасности ксенофобии и радикализма. Следует расширить систему поддержки СМИ, способствующей полному и объективному отражению многокультурной жизни России. Необходимо поощрение социальной рекламы, а также акций и кампаний, нацеленных на формирование установок доверия к институтам государственной власти, противодействия проявлениям социальной нетерпимости и агрессивного поведения. Необходимо создание циклов теле- и радиопередач и публикаций, ориентированных на профилактику интолерантного поведения, противодействие идеологии экстремизма, этнонационализма, терроризма.

Толерантные отношения в молодежной среде следует формировать через преподавание более широкого круга гуманитарных и обществоведческих дисциплин, в частности, в высшей школе посредством различных курсов по государственно-религиозным отношениям, этнологии, этнополитологии, основам мировых религий, межкультурной коммуникации. Современное вузовское образование должно способствовать расширению сферы и практики межкультурного взаимодействия, формированию установок толерантного поведения, отказа молодежи от конфликтных моделей поведения. Именно через образовательные программы путем изучения истории, этнографии, языков, культурно-нравственных аспектов религии следует развивать у студенческой молодежи навыки критического мышления и преодолевать ксенофобские стереотипы. В вузовском образовании, вне зависимости от специализации, должна присутствовать идея этнокультурного многообразия глобального мира, равноправия культур и языков,

равенства граждан вне зависимости от их расовой, этнической и религиозной принадлежности.

В условиях многократного увеличения источников исторической и псевдоисторической информации необходимо, чтобы преподавание истории в школе и в вузе стало одной из важнейших форм гуманитарного образования для выработки у старшеклассников и студентов целостного и объективного взгляда на прошлое и настоящее нашей мультикультурной страны, формирования патриотических позиций и социальной солидарности.

Как представляется, в осуществлении миграционной политики по-прежнему уделяется недостаточно внимания мерам по адаптации принимающего общества к серьезному изменению, под влиянием массовой миграции, социокультурной среды и снижению уровня ксенофобии. Политика адаптации и интеграции мигрантов нуждается в легитимации. Соответственно ряд профилактических мер должен быть направлен на повышение этнокультурной компетентности и снижение взаимных предубеждений как у представителей этнического большинства, так и среди представителей этнических меньшинств и, прежде всего, мигрантов. Причем начинать эту работу нужно с дошкольного возраста и в школе. Необходимо активно распространять позитивную информацию о вкладе трудовых мигрантов в экономику принимающего социума, знакомить горожан с культурой и образом жизни стран исхода мигрантов, поскольку информированность о другой этнической группе рассматривается исследователями как один из ключевых факторов ее успешной адаптации⁴. Необходимо создавать условия для интенсификации межкультурных дружеских контактов, поскольку доказано, что они способствуют взаимной интеграции членов этнических групп. Поэтому важно внедрять практику реализации на уровне местного самоуправления программ этнокультурного развития муниципальных образований, особенно находящихся в зонах интенсивных межэтнических контактов.

Как уже отмечено ранее, миграционная ситуация в Москве и Санкт-Петербурге, фиксируемая официальной статистикой, не дает полной картины и не отражает реального положения дел. Поэтому у экспертов появляются серьезные основания опасаться, что в крупных городах России, и прежде всего в Москве и Санкт-Петербурге, начнется процесс формирования замкнутых иммигрантских (прежде всего мусульманских) сообществ и в них поя-

⁴ Ward C., Kennedy F. The measurement of sociocultural adaptation // International journal of Intercultural Relations. 1999. Vol. 23 (4). P. 659–677.

вятся «этнические» кварталы. Тем более что, как уже отмечалось, иммиграция часто носит нелегальный характер. *Этому процессу необходимо всячески препятствовать.* Правда, пока опасность территориальной сегрегации для российских крупных городов только потенциальна в силу крайне низкого уровня жизни, социальной защищенности и мотивации трудовых мигрантов. Тем не менее если российское государство «действительно стремится к интеграции иммигрантов и не готово мириться с их геттоизацией, то оно должно обеспечить реальное, а не просто формальное равенство возможностей. Мероприятия же по обеспечению такого равенства предполагают защиту социально-экономических и культурных прав мигранта»⁵.

Необходимо уделить серьезное внимание кадровому составу институтов миграционной политики, организовать эффективную этнополитическую подготовку кадров государственных и муниципальных служащих, отвечающих за формирование региональных моделей миграционной политики. Тем более что на эту проблему указывал в 2016 г. Президент России.

Необходимо также унифицировать саму систему институтов, ответственных за реализацию миграционной политики, поскольку необходимость проведения единой государственной миграционной политики диктует необходимость создания не только общей доктринальной и законодательной базы такой политики, но и единых институтов, с помощью которых эта политика будет реализовываться (об этом также говорил Президент РФ В.В. Путин в 2016 г.). Надо пересмотреть и расширить функции данных политических акторов, наделить их полномочиями координации политики адаптации и интеграции мигрантов.

Институты миграционной политики должны наладить тесное сотрудничество с академической наукой и исключить практику, когда исследования проводятся случайными людьми, а корпус экспертов формируется за счет общественных активистов/этнических предпринимателей и чиновников (об этом также говорил Президент РФ В.В. Путин в 2016 г.).

Крайне важно выработать серьезные и единые критерии оценки деятельности институтов миграционной политики. По мнению экспертов, таковыми критериями не могут быть количество проведенных фольклорных фестивалей и конкурсов или суммы, потраченные на поддержку национально-культурных автономий и их лидеров. Очевидным критерием оценки будет

⁵ Малахов В. Понаехали тут... Очерки о национализме, расизме и культурном плюрализме. М., 2007. С. 132.

служить уровень распространения настроений интолерантности или толерантности и гражданской солидарности в каждом конкретном регионе. Оценка уровня подобных настроений может быть осуществлена социологическими методами, но проводить социологические замеры должны лишь независимые от региональных властей профессиональные социологические службы⁶.

Также насущно необходимы профессиональный анализ этнокультурных и социально-экономических процессов на федеральном и региональном уровнях и принятие на основе этого анализа комплекса решений в координации с другими управленческими структурами, которые обеспечивают социальное благополучие местных этнокультурных групп и исключают совмещение этнической топографии с топографией бедности и неблагополучия. Для этого необходимы постоянный мониторинг и профилактика межэтнической и межконфессиональной конфликтности. На этой основе можно будет предпринимать превентивные меры, предупреждать такие конфликты, а не реагировать на уже возникшие напряжения.

Городские власти должны поощрять ассоциации, объединения, коллективы, построенные на территориальных, хозяйственных, профессиональных принципах. Эти коалиции должны пересекать этнические границы, затруднять образование моноэтнических группировок и этнополитических союзов, переводить соперничество на межэтнический уровень.

Необходимо препятствовать резкой социальной стратификации по этническим признакам, предотвращать явные диспропорции в социальных условиях жизни непосредственно контактирующих групп, обеспечивать равные условия для социального продвижения граждан независимо от их этнической принадлежности.

В Москве и Санкт-Петербурге действуют десятки этнокультурных общественных объединений (НКА), задачей которых должна стать не только демонстрация культурного богатства России и содействие развитию этнических и культурных традиций, но и их совместная деятельность, проведение общих мероприятий. Городским властям следует поддерживать действующие и содействовать учреждению новых некоммерческих общественных объединений (НКО), которые способствуют развитию межнационального и межкультурного диалога, оказывают

⁶ См.: *Шабаев Ю.П., Садохин А.П.* Локальные проблемы реализации государственной национальной политики // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2014. Т. 10. № 1. С. 27–28.

информационную и правовую помощь трудовым мигрантам, поддерживают и развивают идею российской нации-согражданства. Следует оказывать логистическую, методическую, грантовую поддержку социально значимым проектам адаптации и интеграции мигрантов, осуществляемым НКО, содействовать реализации обучающих программ и тренингов по предупреждению этнических конфликтов для представителей неправительственных организаций, проведению семинаров по обмену опытом и налаживанию координационных связей между ними. Этнические общины в крупных городах России должны получить право на различные формы общественного самоуправления, культурно ориентированную хозяйственную деятельность, организацию образовательного процесса любого уровня, собственные культурные учреждения, общественные фонды, разнообразные связи с родственными этническими группами в России и за рубежом. «Не вместо, а вместе с национально-государственными образованиями, национально-культурная автономия является важнейшей формой национального самоопределения народов Российской Федерации»⁷. Однако не стоит ожидать, что они способны самостоятельно справиться с решением задач адаптации и интеграции мигрантов в принимающее общество.

Но прежде всего необходимо решать насущные для большинства россиян социально-экономические проблемы и проблемы повышения эффективности системы государственного управления. Поскольку когда россиянам социологи предлагают назвать самые острые проблемы в стране «без подсказки», они упоминают так называемые межнациональные отношения (включая проблемы иммиграции) лишь на двадцатом месте, тогда как вопросы обеспечения социальной справедливости, развития экономики, низкого уровня жизни, безработицы, коррупции и бюрократизма лидируют в этом списке⁸.

Меры по адаптации и интеграции мигрантов должны носить адресный характер, учитывать дифференциацию мигрантов, а именно их объектом должны прежде всего быть мигранты, стремящиеся «стать россиянами». Так, приступая к решению проблем адаптации и интеграции мигрантов из мусульманских государств, следует разделять, с одной стороны, явления, свойственные практически для всех массовых потоков иммигрантов: стремление со-

⁷ См.: *Шабаетов Ю.П., Садохин А.П.* Указ. соч. С. 31–32.

⁸ Национальный вопрос в России. ВЦИОМ. 2017 [Электронный ресурс]. URL: http://wciom.ru/fileadmin/file/reports_conferences/20115/2017-09-11-nac_otnoshtnja.pdf

хранить свою культуру, язык и традиции, которые подвергаются опасности исчезновения или трансформации, с другой стороны, специфические особенности интеграции мигрантов мусульман. Так, надо учитывать, что для правоверного мусульманина существует только одна родина – Умма, т. е. община всех верующих мусульман, а разделение духовного и светского – это худшая несправедливость, означающая процесс деисламизации. «Поэтому если христианский универсализм не ставит под сомнение национальную и государственную принадлежность верующих, то исламский универсализм претендует на исключительность, поэтому разделение по языковому, национальному, идеологическому, ценностному и страновому принципу для него лишено смысла. Ислам – это вера и культ, это родина и гражданство, которые аннулируют различия между правоверными»⁹.

Если не предпринимать упреждающих мер по аккультурации таких мигрантов, их «культурного растворения» в новой для них городской среде обитания на уровне повседневных практик и взаимодействий, то этническая интолерантность будет только усиливаться, более того, следствием будет рост значения традиционных этнокультурных и религиозных ценностей как принимающей, так и приезжающей стороны. «Анклавизация», формирование этнических кварталов – наиболее серьезная потенциальная опасность ускорения процесса не только функциональной, но и территориальной сегрегации наименее приспособленных к городской среде мигрантов и роста дистанции между ними и представителями принимающего общества. Причем такие анклавы могут быть не только иммигрантскими, они могут формироваться и уже формируются за счет внутренних мигрантов из нестабильных регионов РФ с избыточной рабочей силой (республики Северного Кавказа). Не менее реальна и угроза дальнейшей криминализации миграционной сферы, сужение легитимного пространства миграции и распространения теневых отношений в сфере занятости.

Очевидно, что терпимость к «другим» легче достигается в обществах, в которых нет значительного социально-экономического неравенства, в которых все индивиды обладают перспективой продвижения вверх (восходящая социальная мобильность) и в которых сильны ассоциации интересов и другие институты гражданского общества. Поэтому низкий уровень социальной интегрированности иммигрантов в российское общество, как из-

⁹ Четверикова О. Ислам в современной Европе: стратегия «добровольного гетто» против политики интеграции // Россия XXI. 2005. № 1. С. 71–72.

вестно, не отличающееся социальным благополучием и высоким уровнем жизни большинства граждан, объясняется тем, что в нашу страну едут не навсегда и не для получения социальных льгот и пособий, как сегодня в Европу, а заранее настраиваясь на временную тяжелую и непрестижную работу, а также на потенциальную дискриминацию и функциональную сегрегацию. Поэтому, в частности, в российских городах нет пока и иммигрантских гетто, а стратегия полной интеграции мигрантов из стран Центральной Азии в российское общество хотя иногда и декларируется, однако практически не реализуется.

Как результат часть вернувшихся из «негостеприимной» России молодых иммигрантов становились жертвой вербовщиков из ИГИЛ. Так, один из вернувшихся из России мигрантов так объясняет сложившуюся ситуацию: «Те, кто уезжает туда, в ИГ, ненавидят Россию за условия и труд, в которых им приходилось жить. Они находятся в безвыходном положении. Тут работать невозможно, тут нужно обязательно нарушать закон, чтобы хоть что-то заработать, в России невозможные условия, но хоть какие-то деньги, в “Исламском государстве” им обещают и деньги и свободу. Почему не поехать туда? Пять тысяч таджиков уже там»¹⁰.

Сегодня, несмотря на общую тенденцию к относительной стабилизации всех сфер жизни страны, этнополитическая ситуация особенно в крупнейших городах России сохраняет неустойчивость. Так, экспансия в российские города носителей «иных» жизненных ценностей и моделей поведения, не соответствующих традиционным ценностям и установкам жителей крупных российских городов, действительно может стимулировать этнополитическую мобилизацию¹¹. Этническая идентичность и самосознание в подобной ситуации начинают выполнять защитные функции, особенно для переживающих нисходящую мобильность групп на-

¹⁰ См.: Хоперская Л.В. «Исламское государство» как новая угроза национальной безопасности государств ЕАЭС // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. Ростов н/Д, 2015. С. 56.

¹¹ По данным социологического опроса петербуржцев, участвовали в санкционированных акциях протеста 3,9%, в несанкционированных – 1% опрошенных, однако готовы прибегнуть к протесту в случае необходимости до 18,2%. Потова О.В. Факторы политической стабильности в российском мегаполисе (на примере Санкт-Петербурга) // Проблема устойчивости политических систем современного мира: Материалы Международной научной конференции / Под ред. С.Г. Еремеева, И.И. Кузнецова. М.: Изд-во Московского ун-та, 2018. С. 263.

селения. Как утверждает Р. Сеннетт, в настоящее время «мы» – это «акт самозащиты. Желание сообщества основано на стремлении защитить себя»¹². В современной России это относится, прежде всего, к русскому городскому населению (особенно от живущих в крупнейших городах страны – Москве и Санкт-Петербурге), от ценностных ориентиров и установок которого решающим образом зависит и сохранение межэтнического мира в стране в условиях роста миграционных потоков, и направленность, характер и результаты политических трансформаций российского общества.

По мнению Дж. Берри, интеграция в мультикультурном обществе может быть достигнута только при взаимном приспособлении, позитивном восприятии культурного многообразия и проведении политики поддержки и сохранения культур, а также равноправного участия всех групп в жизни страны¹³. Поэтому выстраивание эффективной модели управления миграционными отношениями требует не только постоянного совершенствования инструментов правового регулирования в миграционной сфере, включая меры ответственности за нарушение миграционного законодательства и противодействия незаконной миграции, создания системы контроля за миграционными потоками, но и поиска новых подходов к реализации политики адаптации и интеграции мигрантов, выработки ее эффективного инструментария и методов, учитывая вызовы потенциальной этнокультурной фрагментации принимающего российского общества, территориальной и функциональной сегрегации иммиграционных сообществ и возникновения на этой основе межэтнических конфликтов.

¹² *Sennett R.* The Corrosion of Character: The Personal Consequences of Work in the New Capitalism. L., 1998. P. 138.

¹³ *Berry J.W.* Acculturation: Living successfully in two cultures // International journal of intercultural relations 2005. Vol. 29 (6). P. 697–712.

Литература

- Абашии С.Н.* Потомки святых в современной Средней Азии // Этнографическое обозрение. 2001. № 4. С. 62–83.
- Абашии С.Н.* Возвращение домой: семейные и миграционные сценарии в Узбекистане // Ab Imperio. 2015. № 3. С. 125–165.
- Абашии С.* Транснациональная миграция в Россию и интеграционный потенциал трудовых мигрантов // Трудовая миграция и политика интеграции мигрантов в Германии и России: Монография / Ред. и сост. М.С. Розанова. СПб.: Скифия-принт, 2016. С. 43–58.
- Абашии С.Н.* Исламский вызов идее нации. Некоторые соображения на примере Центральной Азии // Россия и мусульманский мир. 2016. № 3. С. 73–85.
- Александрова Т.В., Хоменко И.А.* Проблема поддержки культурного самовыражения национальных меньшинств в детской среде: мнение детей и родителей // Вестник Герценовского ун-та. 2011. № 8. Авг.
- Алиев А.А.* Идеология «мусульманского национализма». М.: Изд-во Московского ун-та, 2008. 102 с.
- Анкоси М.М.* К вопросу о структуре, динамике и тенденциях этнической преступности в Российской Федерации // Вестник Московского ун-та МВД. 2019. № 2.
- Аргументы и факты. 2013. № 44.
- Аргументы и факты. 2018. № 7. С. 25.
- Аствацатурова М.А., Тишков В.А., Хоперская Л.Л.* Конфликтологические модели и мониторинг конфликтов в Северо-Кавказском регионе. М., 2010.
- Ачкасов В.А.* Рост этнического многообразия и толерантность в крупных городах России: «случай» Санкт-Петербурга // Трудовая миграция и политика интеграции мигрантов в Германии и России: Колл. монография / Ред. и сост. М.С. Розанова. СПб.: Скифия-принт, 2016. С. 141–153.
- Ачкасов В.А.* Этнополитическая ситуация в г. Санкт-Петербурге и Ленинградской области // Этнополитическая ситуация в Российской Федерации: Сб. экспертных докладов / Отв. ред. М.А. Омаров. М., 2018. С. 63–157.

- Бекашев К., Моисеев Е. Право Евразийского экономического союза. М.: Проспект, 2017.
- Берри Дж.У. Аккультурация и психологическая адаптация: обзор проблемы // Развитие личности. 2001. № 3–4. С. 183–193.
- Бредникова О., Ткач О. Дом для номады // Laboratorium. 2010. № 3. С. 72–95.
- Бредникова О., Панченков О. Азербайджанские торговцы в Петербурге: между «воображаемыми сообществами» и «первичными группами» // Диаспоры. 2011. № 1.
- Буттаева А. Ислам в поликонфессиональном пространстве современного Дагестана // Центральная Азия и Кавказ. 2012. № 1. С. 79–92.
- В Баткенской области введут ограничение на проведение тоев [Электронный ресурс]. URL: <https://rus.azattyk.org/a/29767086.html> (дата обращения 04.11.2019).
- В мечетях теперь звучит русский язык [Электронный ресурс]. URL: https://www.gazeta.ru/comments/2014/10/02_a_6245221.shtml (дата обращения 27.11.2019).
- Винер Б. Этнические общины и идентичность в Санкт-Петербурге // В поисках России. Серия публикаций к дискуссии об идентичности. Т. 1: Северо-Запад России – Санкт-Петербург. СПб.: Интерсоцис, 2008.
- Вишневский А.Г. Средняя Азия: Незавершенная модернизация // Вестник Евразии. 1996. № 2 (3). С. 136–159.
- Вишневский А.Г. Миграционная стратегия России и политика толерантности // Национальный психологический журнал. 2011. № 2 (6).
- Вишневский А.Г., Захаров С.В. и др. Демографические итоги 2014 года: Краткий доклад // Демографическое обозрение. 2015. Т. 2. № 4. С. 35–76.
- Вопросы предоставления медицинской помощи иностранным гражданам и лицам без гражданства в РФ: Материалы Рабочей группы по медицинским и социальным проблемам трудящихся мигрантов за 2010 г. М., Бюро МОМ в Москве, 2011.
- Вопросы миграции: Материалы Санкт-Петербургского форума труда «Экспофорум». СПб., 2019.
- Воронина Н.А. Законодательство об адаптации и интеграции мигрантов в Российской Федерации: тенденции развития // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. 2019. №. 3 (83).
- Гаджиев К.С. Этнонациональная и геополитическая идентичность Кавказа // Мировая экономика и международные отношения. 2010. № 2. С. 64–74.
- Гастарбайтеры в Петербурге // Санкт-Петербургские ведомости. 2018. 27 февр. С. 4.

- Герасимова Е. Почему школы отказываются принимать детей мигрантов 12.08.2015 «Независимая газета». http://www.ng.ru/education/2015-08-12/7_migranty.html (дата обращения 19.10.19).
- Глухов А.П. Ключевые функции этносообществ социальных сетей в трансляции и воспроизводстве виртуальной этнонациональной идентичности и сохранении национальной культуры. Томск, 2015. С. 63–73.
- Голос таджикистанцев. 2015. № 77. Март.
- Голос мигранта [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/channel/UChID8qxMVA2KIjbW3DWwgOQ> (дата обращения 12.10.19).
- Григорьев М., Осинников А. Нелегальные мигранты в Москве. М.: Европа, 2009.
- Гулина О.Р. Семантика миграционных терминов // Журнал исследований социальной политики. 2016. № 3 (14). С. 331–346.
- Гуфронов Д. Салафиты идут к мигрантам? [Электронный ресурс]. URL: <http://tajmigrant.com/607.html> (дата обращения 05.09.2019).
- Деминцева Е.Б., Кашицкий Д.С. Медицинская помощь мигрантам из Средней Азии в Москве в условиях социальной исключенности // Вестник российской нации. 2015. № 4. С. 214–226.
- Дети мигрантов в московских школах: Соцсети и интернет-ресурсы заполнены негативными рассказами жителей Москвы // К-News. 04.09.2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://knews.kg/2019/09/04/deti-migrantov-v-moskovskih-shkolah-sotsseti-i-internet-resursy-zapolneny-negativnymi-rasskazami-zhitelej-moskvy/>
- Дмитриева Т.Н. Реализация политики адаптации и интеграции мигрантов в Российской Федерации как фактор развития институтов гражданского общества: Автореф. ... канд. полит. наук (23.00.02). М., 2019.
- Доклад о свободе вероисповедания в странах мира за 2018 г.: Узбекистан. Посольство США в Узбекистане [Электронный ресурс]. URL: <https://uz.usembassy.gov/ru/2018-report-on-international-religious-freedom-uzbekistan-ru/> (дата обращения 27.11.2019).
- Долой учебники. Реально ли детям мигрантов получить нормальное образование в российских школах // Мигранты Сегодня. 7 ноября 2018 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.migrant-today.ru/2018/11/doloy-uchebniki-realno-li-detyam-migrantov-poluchit-normalnoe-obrazovanie-v-rossijskih-shkolah/>
- Досанова Г.М. Городские женщины в хиджабе. Новый феномен в Казахстане // Современные гуманитарные исследования. 2010. № 2. С. 296–301.
- Дятлов В.И. Мигранты и принимающее общество: стратегии и практики адаптации (на примере Иркутска). URL: http://www.buk.irk.ru/exp_seminar/3/3_dyatlov.pdf

- Ежегодный доклад уполномоченного по правам ребенка в Санкт-Петербурге за 2015 год. СПб., 2016.
- Ерофеев Ю.* Национально-культурная автономия или этнокультурное объединение? // The Finno-Ugric mediacentre FINUGOR.RU. URL: <http://finugor.ru/news/you-erofeev-nacionalno-kulturnaya-avtonomiya-ili-etnokulturnoe-obedinenie-0> (дата обращения 22.10.2019).
- «Если оставить нашу сферу без внимания, будет хаос» // Петербургский дневник. 2019. 5 нояб. С. 8.
- Жискар д'Эстен В.* Французы: Размышления о судьбе народа. М., 2004. С. 183.
- Задворнов И.А.* Северный Кавказ: Этнополитические и религиозные особенности социокультурной идентичности // Социологические исследования. 2000. № 10. С. 52–57.
- Зайончковская Ж.А. и др.* Мигранты глазами москвичей // Демоскоп Weekly. 2014. № 605–606. С. 1–28.
- Закон Кыргызской Республики от 31 декабря 2008. № 282 [Электронный ресурс]. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/202498> (дата обращения 29.11.2019).
- Закон Республики Узбекистан о свободе совести и религиозных организациях от 1 мая 1998 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lex.uz/acts/65089> (дата обращения 27.11.2019).
- Закон Республики Узбекистан о противодействии экстремизму от 12 июня 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lex.uz/ru/docs/3841963> (дата обращения 27.11.2019).
- Закон Республики Таджикистан «Об ответственности родителей за обучение и воспитание детей» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mmk.tj/ru/legislation/legislation-base/2011/> (дата обращения 21.11.2019).
- Закон Республики Таджикистан от 8 июня 2007 г. № 272 «Об упорядочении традиций, торжеств и обрядов в Республике Таджикистан» [Электронный ресурс]. URL: <https://mfa.tj/ru/main/view/3960/zakon-respubliki-tadzhikistan-ob-uporyadochenii-traditsii-torzhestvt-obryadov-v-respublike-tadzhikistan> (дата обращения 04.11.2019).
- Защита прав москвичей в условиях массовой миграции / Науч. ред. Ж.А. Зайончковская. М.: Центр миграционных исследований, 2014.
- Звягельская И.Д.* Исламское возрождение в Центральной Азии: Причины и игроки // Ислам на Ближнем Востоке. 2011. № 6. С. 475–485.
- Зеленев Е.И.* Протестные политические движения в арабских странах: Fitnah // Азия и Африка сегодня. 2015. № 5. С. 27–33.
- Зиновьева Т.И., Афанасьева Ж.В.* Исследование поликультурного состава современной начальной школы города Москвы // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: «Педагогика и психология». 2015. № 1 (31). 2015. С. 65–70.

Известия. 2015. 28 авг. С. 1, 2.

Иммигранты в Москве / Под ред. Ж.А. Зайончковской. М., 2009.

ИНАБ № 2 – 2015. Межнациональное согласие в региональном контексте [Электронный ресурс]: Сб. науч. ст. / Рук. проекта и отв. ред. Л.М. Дробижева. Электрон. текст. дан. (объем 0,94 Мб). М.: Институт социологии РАН, 2015 [Электронный ресурс]. URL: http://www.isras.ru/files/File/INAB/inab_2015_2_final.pdf (дата обращения ноябрь 2019).

Исхаков Р.Л., Старостин А.Н., Шадрин Н.В. Освещение трудовой миграции в российских средствах массовой информации (Образ «гастарбайтера» в ленте информационных агентств) [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/migration/31493/> (дата обращения 02.11.2019).

Казаков М. Партия двух миллионов мигрантов: в Москве создано новое политдвижение таджикских гастарбайтеров и беженцев // Настоящее время. 2019. 18 сент.

Казанцев А.А., Гусев Л.Ю. Прогноз деятельности террористических организаций в странах Центральной Азии и Афганистане: возможные пути противодействия в интересах безопасности РФ // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2013. Т. 9. № 1. С. 160–176.

Каландаров Т.С. Исмаилитская община Москвы: Будущее сквозь призму прошлого // Вестник антропологии. 2018. № 3. (43). С. 112–132.

Каландаров Т.С. Памирские мигранты-исмаилиты в России // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М.: Институт этнологии и антропологии РАН (№ 178). 2005. 26 с.

Калюков Е. Глава ФСБ назвал трудовых мигрантов из СНГ костяком групп террористов // <http://www.rbc.ru/politics/11/04/2017/58ec92ea9a79477def3267f1>.

Карамзин И. В позе брака: в Узбекистане утвердили правила проведения свадеб [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/924930/igor-karmazin/v-poze-braka-v-uzbekistane-utverdili-pravila-provedeniia-svadeb> (дата обращения 04.11.2019).

Карпенко О. Языковые игры с «гостями с юга»: кавказцы в российской демократической прессе 1997–1999 гг. // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / Под ред. В. Малахова и В. Тишкова. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, Ин-т философии РАН, 2002.

Киргизско-русский словарь: В 2 кн. Фрунзе, 1985. 960 с.

Клондайк для коррупции: почему мигрантов доверили полиции? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vestnik-migranta.ru/2018/05/avgorovoy.html> (дата обращения 10.10.2019).

Коллиер П. Как миграция изменяет наш мир. М., 2016.

- Кон И. Психология предрассудка (О социально-психологических корнях этнических предрассудков) // Психология национальной нетерпимости: Хрестоматия / Сост. Ю.В. Чернявская. Минск, 1998. С. 10–11.
- Кондацьоне К. Миграционная политика, как планирование наугад // Иммиграционная политика западных стран: альтернативы для России. М., 2002.
- Консультативный совет одобрил идею создания в Петербурге государственного многофункционального миграционного центра [Электронный ресурс]. URL: http://www.spbdn.ru/news/news_spbdn/actual/8635/ (дата обращения 11.09.2019).
- Космарская Н.П. «Коррупция», «толпы» и «лезгинка»: региональная специфика отношения россиян к мигрантам (на примере Москвы и Краснодара) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2018. Т. XXI. № 2.
- Костиков В. Как поймать перо жар-птицы? // Аргументы и факты. 2017. № 45. 8–14 нояб. С. 5.
- Крайний Я. Мигрантов хотят перевести на «цифру» // Санкт-Петербургские ведомости. 2019. 1 окт.
- Кудряшова И.В. Нациестроительство на Ближнем Востоке: От мусульманской Уммы к нации-государству? // Политическая наука. 2008. № 1. С. 132–166.
- Кудряшова И.В. Мусульманская идентичность и современная политика // Мировой порядок – время перемен: Сб. статей / Под ред. А.И. Соловьева, О.В. Гаман-Голутвиной. М.: Аспект Пресс, 2019.
- Кужелева-Саган И.П. и др. «Цифровые диаспоры» мигрантов из Центральной Азии: виртуальная сетевая организация, дискурс «воображаемого сообщества» и конкуренция идентичностей. Томск, 2016.
- Курпина Т.В. Обучение детей мигрантов в школах России: Проблемы и пути их решения [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obuchenie-detey-migrantov-v-shkolah-rossii-problemy-i-puti-ih-resheniya/viewer>
- Латинов Ш. Парламент утвердил порядок проведения свадеб // Газета. UZ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2019/09/14/events/> (дата обращения 04.11.2019).
- Лебедева Н.М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию. М., 1999.
- Лебедева Н., Зубова Д. Психологическая адаптация москвичей к культурному многообразию: опыт качественного исследования // Межкультурные отношения на постсоветском пространстве / Под ред. Н.М. Лебедевой. М.: Менеджер, 2017.
- Левада-центр <http://www.levada.ru/print/25-08-2015/ksenofobiya-i-nationalizm>

- Левада-центр <https://www.levada.ru/2019/09/18/monitoring-ksenofobskih-nastroenij-2/>
- Левада-центр. Всероссийский опрос для Ла Страда Украина, 2007, N=2011 // Пресс-выпуск ВЦИОМ. № 978. М., 2008.
- Ломская Т. Страна становится менее привлекательной для жителей СНГ // Ведомости. 2019. 8 апр.
- Малашенко А.С. Радикалом быть нормально. Каждый умный человек – радикал [Электронный ресурс]. URL: <http://tv2.today/Istorii/Aleksey-malashenko-radikalom-byt-normalno-kazhdyu-umnyu-chelovek--radikal> (дата обращения 25.11.2019).
- Малахов В.С. Грозит ли Европе исламизация // Отечественные записки [Электронный ресурс]. URL: <http://www.strana-oz.ru/2013/1/grozit-li-evrope-islamizaciya> (дата обращения 27.11.2019).
- Малахов В.С. Не радикализация ислама, а исламизация радикализма [Электронный ресурс]. URL: <https://snob.ru/profile/30596/blog/111653> (дата обращения 27.11.2019).
- Малахов В. Понаехали тут... Очерки о национализме, расизме и культурном плюрализме. М., 2007.
- Малахов В.С. Расовый образ мыслей после расизма: случай России на общеевропейском фоне // Расизм, ксенофобия, дискриминация. Какими мы их увидели... Сб. статей / Сост. и отв. ред. Е. Деминцева. М., 2013. С. 123–124.
- Малахов В. Культурные различия и политические границы в эпоху глобальных миграций. М., 2014.
- Малахов В.С. Интеграция мигрантов: Концепции и практики. М.: Фонд «Либеральная Миссия», 2015.
- Малахов В.С. Феномен «новых иммиграционных стран»: российский случай в общеевропейском контексте // Трудовая миграция и политика интеграции мигрантов в Германии и России: Колл. монография / Ред. и сост. М.С. Розанова. СПб.: Скифия-принт, 2016. С. 33–42.
- Маслихатҳои мухочирзанон ба мухочирзанон. Маслихатҳои муфид дар бораи ҳаёт дар Русия. СПб., L-Print, 2019. 52 с.
- Межкультурные отношения на постсоветском пространстве / Под ред. Н.М. Лебедевой. М.: Менеджер, 2017.
- Межуев Б. Политика натурализации в Европейском союзе и США [Электронный сервис]. URL: <http://antropok.archipelag.ru/keys4/keys4.htm>
- Миграционная политика: Диагностика, вызовы, предложения / Е.Б. Деминцева, Н.В. Мкртчян, Ю.Ф. Флоринская. М.: НИУ Высшая школа экономики, 2016.
- Миграционный центр Москвы расширяет географию информирования трудовых мигрантов. 13 октября 2016 [Электронный сервис]. URL: <https://mc.mos.ru/ru/about/piece-of-news/233>.

- Миллер А. Нация как рамка политической жизни // Pro et Contra: Журнал российской внутренней и внешней политики. 2007. Т. 11. № 3 (37).
- Мирский Г.И. Ислам и нация. Ближний Восток и Центральная Азия // Полис. Политические исследования. 1998. № 2. С. 77–82.
- Моисеенко В., Переведенцев В., Воронина Н. Московский регион: миграция и миграционная политика. М., 1999.
- Молодов О.Б. Проблемы идентификации населения Казахстана и Кыргызстана // Социум и власть. 2014. № 6. С. 95–102.
- Московская модель этнической политики / Под ред. О.В. Кульбачевской, В.В. Степанова. М., 2015.
- Мукомель В.И. Миграционная политика России. Постсоветские контексты. М., 2005.
- Мукомель В.И. Трансформация трудовой миграции: социальные аспекты // Россия реформирующаяся. Вып. 11 / М.К. Горшков (ред.). М.: Новый хронограф, 2012.
- Мукомель В. и др. Адаптация и интеграция мигрантов: методологические подходы к оценке результативности и роль принимающего общества // Россия реформирующаяся. 2016. № 14. С. 419–422.
- Мукомель В.И. Мигранты на российском рынке труда: занятость, мобильность, интенсивность и оплата труда // Statistics and Economics 2017. V. 14. № 6.
- Мукомель В.И. Этнополитическая ситуация в Москве и Московской области // Этнополитическая ситуация в Российской Федерации: Сб. экспертных докладов / Отв. ред. М.А. Омаров. М., 2018. С. 4–62.
- Мухожир аёллар мухожир аёлларга маслахат беришади Россия хаётига оид фойдали маслахатлар. СПб.: L-Print, 2019. 51 с.
- Назаров Д. Хаджи-мюрид // Независимая газета. 2012. 5 дек.
- Население Таджикистана [Электронный ресурс]. URL: https://countrysimeters.info/ru/Tajikistan#age_structure (дата обращения 30.11.2019).
- Нации и национализм на мусульманском Востоке. М.: Институт востоковедения РАН, 2015. 488 с.
- Национальные меньшинства на рынках труда и жилья: социологические исследования этнофобий и дискриминации в субъектах Российской Федерации. М.: РГНФ, 2014.
- Национальный вопрос в России. ВЦИОМ. 2017 [Электронный ресурс]. URL: http://wciom.ru/fileadmin/file/reports_conferences/20115/2017-09-11-nac_otnoshtnja.pdf
- Не больше кулака: В Таджикистане назвали предельную длину бороды имамов. [Электронный ресурс]. URL: <https://tj.sputniknews.ru/country/20170807/1023014981/tadzhikistan-boroda-imam-dlina.html> (дата обращения 27.11.2019).

- Негров Е.О. Потенциал конфликтного дискурса: политологическая оценка общественного мнения петербуржцев // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2016. Сер. 6. Вып. 3.
- Носова С.С. Организация социального взаимодействия представителей этносообществ в социальных сетях (на примере узбекских и таджикских виртуальных групп на платформах «Facebook», «Одноклассники» и «ВКонтакте»). Томск, 2015.
- Нужны ли иммигранты российскому обществу? / Под ред. В.И. Мукомеля и Э.А. Паина. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2006.
- Общественное мнение – 2015. М., 2016.
- Олимов М.А., Олимова С.К. Трансформация идентичности в миграции: Этничность и религия (На примере таджикской трудовой миграции в России) // Вестник Томского гос. ун-та. История. 2019. № 59. С. 158–166.
- Олимова С. Молодежь и ислам в Таджикистане (социологический анализ проблемы) // Расы и народы: Ежегодник. М.: Наука, 2006. Вып. 32. С. 157–179.
- Основные показатели по миграционной ситуации в Российской Федерации за январь–июль 2019 года // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. 16.08.2019. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item/18064421> (дата обращения 26.09.2019).
- Павлова О.С. Язык в структуре этнической и религиозной идентичности чеченцев и ингушей // Социальная психология и общество. 2014. № 2. С. 27–49.
- Паин Э. Ксенофобия и национализм в эпоху российского безвременья // Pro et Contra. 2014. № 1–2. Янв.–апр.
- Панченков О.В. Роль «этнической идентичности» в исследованиях миграции и ответственность социального ученого // Журнал социологии и социальной антропологии. СПб., 2008. № 1.
- Парламентская газета. 2005. 27 окт. http://www.cprf.info/news/party_news/50047.html.
- Петербург станет толерантней – <http://www.baltinfo.ru/2015/02/15/Peterburg-stanet-tolerantnei-k-svoim-336631>
- Петербургский дневник. 2013. 31 янв. С. 2.
- Петербургский дневник. 2019. 5 нояб. № 206 (2172). С. 9.
- Пешкова В.М., Рочева А.Л. Мигрантки из Средней Азии в большом городе и беременность: выбор, проблемы, перспективы // Демоскоп Weekly. 2013. № 555–556.
- Полетаев Д. Мигрантофобия и миграционная политика // Мигранты, мигрантофобии и миграционная политика / Отв. ред. В.И. Мукомель. М.: НП «Центральный дом адвоката», Московское бюро по правам человека, «Academia», 2014.

- Попова О.В.* Факторы политической стабильности в российском мегаполисе (на примере Санкт-Петербурга) // Проблема устойчивости политических систем современного мира: Материалы Международной научной конференции / Под ред. С.Г. Еремеева, И.И. Кузнецова. М.: Изд-во Московского ун-та, 2018.
- Почти 210 тысяч трудовых патентов оплатили с помощью QR-кода за полгода. Официальный сайт Мэра Москвы. 9 августа 2019. URL: <https://www.mos.ru/news/item/60123073/>
- Положение по делам религии при Правительстве Республики Таджикистан от 3 мая 2010 г. № 226 [Электронный ресурс]. URL: http://www.adlia.tj/show_doc.fwx?rgn=15459 (дата обращения 07.11.2019).
- Прасолов Д. Н.* Исламский фундаментализм и проблема смены религиозной идентичности // Исторический вестник КБИГИ. Нальчик, 2008. С. 230–256.
- Приказ Департамента образования города Москвы от 16 марта 2010 г. № 681 «О правилах приема детей в первый класс государственных образовательных учреждений системы Департамента образования города Москвы, реализующих основные общеобразовательные программы (с изменениями на 1 февраля 2011 года)». URL: <http://docs.cntd.ru/document/537900404> (доступно 20.10.2019).
- Проект Ю.Л., Чукуров А.Ю.* Отношение к инокультурным мигрантам жителей современного российского мегаполиса (на примере Санкт-Петербурга) URL: <http://emissia.org/offline/2017/2555.htm>
- Просторы интернета: для работы или развлечений? // ВЦИОМ. 20 сентября 2018. № 3767. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9322> (дата доступа 10.10.2019).
- Путин В.В.* Строительство справедливости: социальная политика для России // Комсомольская правда . 13 февраля 2012 г. URL: <http://premier.gov.ru/events/news/18071>
- Путин поддержал идею разработки закона о российской нации – Interfax. ru-russia/535019
- Пять причин, почему таджики празднуют свадьбы в Москве [Электронный ресурс]. URL: <https://tj.sputniknews.ru/opinion/20180518/1025565620/moscow-tajikistan-russia-svadba-tadzhiki.html> (дата обращения 04.11.2019).
- Расследование РБК: кто зарабатывает на мигрантах // РБК. 20 июля 2015. URL: <https://www.rbc.ru/politics/20/07/2015/55a269449a7947fa0ba06593>
- Рахимов Р.Р.* «Мужские дома» в традиционной культуре таджиков. М., 1990. 153 с.
- Родионова Е.В.* Мигранты в Санкт-Петербурге: возможности интеграции и риски // Государственная национальная политика России: экс-

- пертное мнение / Ред. В.В. Степанов, А.В. Черных. М.: ИЭА РАН, 2018. С. 302–308.
- Розанова М.С.* Россия – новая иммиграционная страна? Динамика изменения подходов к интеграции мигрантов: от политики интеграции к «миграционной полиции» (на примере Санкт-Петербурга) // Трудовая миграция и политика интеграции мигрантов в Германии и в России: Колл. монография / Под ред. М.С. Розановой. СПб.: Центр гражданских, социальных, научных и культурных инициатив «СТРАТЕГИЯ», 2016.
- Россия – Средняя Азия. Политика и ислам в XX – начале XXI в. Т. 2. М., 2011.
- Рух О.* Глобализированный ислам: В поисках «новой уммы» [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/globalizirovannyu-islam-v-poiskah-novoy-ummy> (дата обращения 27.11.2019).
- Русско-таджикский словарь. М.: Т&P Books Publishing, 2019. 262 с.
- Русско-узбекский словарь / Под ред. А. Усманова и Р. Абдурахманова. Ташкент, 1953. 581 с.
- Рутман М.* Взятчники наращивают калибр // Санкт-Петербургские ведомости. 2018. 8 февр. С. 4.
- Рыбаковский Л.Л.* Миграция населения: прогнозы, факторы, политика. М., 1989.
- Сазонова М.В.* К этнографии узбеков южного Хорезма // Труды хорезмской археолого-этнографической экспедиции. М., 1952. С. 247–318.
- Свобода религии и убеждений в Кыргызстане. Содействуя межконфессиональному согласию и обеспечению верховенства права / Под ред. Д. Кабака. Бишкек, 2015. 84 с.
- Сводный годовой доклад о ходе реализации и оценке эффективности реализации государственных программ Санкт-Петербурга за 2016 год. Характеристика итогов реализации государственной программы Санкт-Петербурга в 2016 году. <http://government.ru/media/files/cG6nOsmqRzygK01IjvjgXzFxuufA8VPl.pdf>
- Сергеева З.Х.* Феномен миграции в российских СМИ и оценках экспертов // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2008. Т. 4. № 3.
- Сколько стоит провести свадьбу в Узбекистане? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.uznews.uz/ru/article/1395> (дата обращения 04.11.2019).
- Социальная и культурная дистанция. Опыт многонациональной России / Под ред. Л.М. Дробижевой. М., 1998.
- Социальные факторы межэтнической напряженности в России: Монография / Отв. ред. Ю.Б. Епихина, М.Ф. Черныш. М.: ФНИСЦ РАН, 2017. С. 85.
- Справедливая Россия. Петербург. 2011. № 7 (24). Авг. С. 1.

- Справочник по терминологии в области миграций (русско-английский). М., 2011.
- Старостин А.Н.* Религиозные практики мигрантов из Центральной Азии в уральском мегаполисе (результаты социологического исследования) // *Этнопанорама*. 2016. № 1–2. С. 46–55.
- 100 Крупнейших городов России по населению. 2019. Список РФ. URL: http://www.statdata.ru/largest_cities_russia (дата обращения 10.10.2019)
- Танги А. де.* Великая миграция: Россия и россияне после падения железного занавеса. М., 2012.
- Терентьев Д.* Бритые души // *Совершенно секретно*. 2006. № 2 (201). Февр.
- Тишков В.А.* Этническое и религиозное многообразие – основа стабильности и развития российского общества: Статьи и интервью. М., 2008.
- Тишков В.А.* Понимание этнокультурного разнообразия и оценка российской полиэтничности: Материалы семинара «Роль институтов гражданского общества в снижении межэтнической напряженности» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iea-ras.ru/index.php?go=News&in=view&id=399> (дата обращения 22.10.2019).
- Троицкая О.В.* Будущее миграционного управления: «умные границы» и информационные технологии // *Миграционные мосты в Евразии: модели эффективного управления миграцией в условиях развития евразийского интеграционного проекта*. М., 2017.
- Трудовая миграция в России: медико-социальные и гендерные аспекты: Материалы Международной конференции 26–27 октября 2011 г. М.: МОМ, 2012.
- Тюрюканова Е.* Женщины и современный миграционный режим // *КОСМОПОЛИС: Журнал мировой политики*. 2003. № 3 (5).
- Указ Президента Республики Таджикистан от 30 мая 2008 г. № 469 [Электронный ресурс]. URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=83471 (дата обращения 18.11.2019).
- Указ «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы» / Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/58986> (дата обращения 31.10.2019).
- Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 «О стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» [Электронный ресурс]. URL: <http://президент.рф/news/17165> (дата обращения 12.09.2019).
- Умарали Кувватов: На перепутье // *Радио Озоди* [Электронный ресурс]. URL: <http://rus.ozodi.org/a/exclusive-interview-umarali-quvvatov-dubai-detention-center-/24889462.html> (дата обращения 12.09.2019).

- Устав ГБУ «Московский дом национальностей» [Электронный ресурс]. URL: http://mdn.ru/download/Normativnye_dokumenty/ustav_mdn.pdf (дата обращения 11.09.2019).
- Устав СПб ГКУ «Санкт-Петербургский дом национальностей» [Электронный ресурс] <http://www.spbdn.ru/about/docs/charter/> (дата обращения 11.09.2019).
- Флоринская Ю. Масштабы трудовой миграции в Россию [Электронный ресурс]. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2342#top.
- Хайкин С.Р., Бережкова С.Б. Социологический мониторинг межнациональных и межконфессиональных отношений Федерального агентства по делам национальностей // Мониторинг общественного мнения. № 5 (135). Сент.–окт. 2016. С. 105–106.
- Халид А. Ислам после коммунизма: Религия и политика в Центральной Азии / Пер. с англ. А.Б. Богдановой. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 304 с.
- Халиль М. Проблемы идентичности в египетском обществе // Россия и мусульманский мир. 2009. № 10. С. 170–182.
- Хиришман А.О. Выход, голос и верность. М., 2009.
- Хоперская Л.В. «Исламское государство» как новая угроза национальной безопасности государств ЕАЭС // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. Ростов н/Д, 2015.
- Чевырь Л. Этноконфессиональное сознание народов Туркестана // Вестник Евразии. 2002. № 2 (17). С. 136–145.
- Четверикова О. Ислам в современной Европе: стратегия «добровольного гетто» против политики интеграции // Россия XXI. 2005. № 1.
- Численность и миграция населения Российской Федерации в 2015 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b16_107/Main.htm (дата обращения 30.09.2019)
- Чистякова Н.Е. Миграция в Санкт-Петербурге: Демографический аспект // Социология вчера, сегодня, завтра. Вторые социологические чтения памяти В.Б. Голофафа / Под ред. О.Б. Божкова. СПб., 2008.
- Чудиновских О.С. Национальные системы сбора статистических данных о миграции в современной России // «Миграция и развитие»: Материалы Международной конференции (Пятые Валентиновские чтения) / Под ред. В.А. Ионцева. Т. 2. М., 2007.
- Чудиновских О.С. Сколько в России международных мигрантов? // Мигранты, мигрантофобии и миграционная политика / Отв. ред. В.И. Мукомель. М.: НП «Центральный дом адвоката», Московское бюро по правам человека, «Academia», 2014. С. 31–50.
- Щербакowa Е. Россия и ее ближайшие соседи: 30 лет спустя после Всесоюзной переписи населения 1989 г. // Demoscope weekly [Электронный ресурс]. url: <http://www.demoscope.ru/weekly/2019/0833/barom02.php> (дата обращения 30.11.2019).

- Шаббаев Ю.П., Чарина А.М. Региональные этноэлиты в политическом процессе (финноугорское движение: становление, эволюция, идеология, лидеры). Сыктывкар: КРАГСиУ, 2008.
- Шаббаев Ю.П. Этнополитика в современной России: политические практики и институциональные ресурсы управления // Социология и социальная антропология. 2014. № 2.
- Шаббаев Ю.П., Садохин А.П. Локальные проблемы реализации государственной национальной политики // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2014. Т. 10. № 1.
- Шабханова А.М., Нурилова А.З. Специфика проявления религиозной идентичности дагестанских народов // Вестник института ИАЭ. 2015. № 1. С. 141–151.
- Щербакова Е. Миграция в России, итоги первого полугодия 2019 года. № 827-828 <http://www.demoscope.ru/weekly/2019/0827/barom04.php> (дата обращения 19.11.2019).
- Электронный ресурс URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37868/ (дата обращения 19.11.2019).
- Этнические процессы в столичном мегаполисе / Отв. ред. В.Р. Филиппов. М.: ИА РАН, 2008.
- Юшковская И. Едут братья по Союзу: «Лимита XXI века» имеет азиатские черты лица // Санкт-Петербургские ведомости. 2014. 2 окт. С. 4.
- Aboussi M., Raya Lozano E. y Espadas Alcázar M.A. Asociacionismo inmigrante, tercer sector y administración pública en Andalucía: dimensiones de política, necesidades de gobernanza y oportunidades para la ciudadanía activa / En E. Raya Lozano, M.A. Espadas Alcázar y M. Aboussi (Coords.) Inmigración y ciudadanía activa. Contribuciones sobre gobernanza participativa e inclusión social (pp. 87–119). Barcelona: Icaria editorial, 2014.
- Adler P.S. The transitional experience: an alternative view of culture shock // Journal of Humanistic Psychology. 1975. Vol. 15. P. 13-23.
- Age Dependence Ratio (% of Working-Age Population) – Uzbekistan, Turkmenistan, Tajikistan, Kazakhstan, Kyrgyz Republic. [Электронный ресурс]. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.DPND?locations=UZ-TM-TJ-KZ-KG> (дата обращения 30.11.2019).
- Akbarzadeh Sh. Political Islam in Kyrgyzstan and Turkmenistan // Central Asian survey. Oxford, 2001. Vol. 2. N 4. P. 451–465.
- Alanya Ahu, Baysu Gülseli & Swyngedouw Marc Identifying City Differences in Perceived Group Discrimination among Second-generation Turks and Moroccans in Belgium, Journal of Ethnic and Migration Studies, 41:7, 2015. P. 1088–1110.

- Alexandrov D., Karepin V., Musabirov I., Chuprina D.* Educational Migration from Russia to the Nordic Countries, China and the Middle East. Social Media Data // Companion Proceedings of the Web Conference 2018. Geneva: International World Wide Web Conferences Steering Committee, 2018. P. 49–50.
- Alencar A.* Refugee integration and social media: a local and experiential perspective // Information, Communication & Society. 2018. T. 21. № 11.
- Allport G.W.* The nature of prejudice. Reading, MA: Addison-Wesley, 1954.
- Andrade A.D., Doolin B.* Information and communication technology and the social inclusion of refugees // Mis Quarterly. 2016. V. 40. № 2.
- Balci B.* The rise of the Jama'at al Tabligh in Kyrgyzstan: the revival of Islamic ties between the Indian subcontinent and Central Asia? // Central Asian Survey. 2012. Vol. 31. Issue 1. P. 61–76.
- Berry J.W.* Immigration, acculturation, and adaptation. Applied Psychology: An International Review, 1997. Vol. 46. P. 5–68. URL: <http://dx.doi.org/10.1080/026999497378467>.
- Berry J.W.* Conceptual approaches to acculturation // Acculturation: theory, method and applications / K. Chun, P. Balls-Organista, G. Marin (eds.). Washington: APA Press, 2003. P. 17–37.
- Berry J.W.* Acculturation: Living successfully in two cultures // International journal of intercultural relations 2005. Vol. 29 (6). P. 697–712.
- Berry J.W., Phinney J.S., Sam D.L., Vedder P.E.* Immigrant Youth: Acculturation, Identity, and Adaptation // Applied Psychology. 2006. Vol. 55. P. 303–332.
- Berry J.W., Phinney J.S., Sam D.L., Vedder P.E.* Immigrant Youth: Acculturation, Identity, and Adaptation: Acculturation, identity, and adaptation across national contexts / Lawrence Erlbaum Associates Publishers, 2006.
- Berry J.W.* Immigration, settlement and policy: Social and psychological analyses // Social Psychology Dynaics. University of the West Indies Press, 2012.
- Bessudnov A.* Ethnic Hierarchy and Public Attitudes Towards Immigrants in Russia // European Sociological Review. Vol. 32, I. 5, 1 October 2016.
- Bonacich E.* A theory of ethnic antagonism: the split labor market // American sociological review. Nashville, 1972. Vol. 37. № 5. P. 547–559.
- Brinkerhoff J.M.* Digital diasporas: Identity and transnational engagement. Cambridge University Press, 2009.
- Bromlei Iu.* Towards a Typology of Ethnic Processes // British Journal of Sociology. 1999. № 3. P. 341–348.
- Chen W., Choi A.S.K.* Internet and social support among Chinese migrants in Singapore // New media & society. 2011. V. 13. № 7.
- Cohen A.P.* The Symbolic Construction of Community Routledge London; N.Y., 2001.

- Culture shock // Philip Bock (Ed.). N.Y., 1970.
- Dekker R., Engbersen G.* How social media transform migrant networks and facilitate migration // *Global Networks*. 2014. V. 14. № 4. P. 401–418.
- Dekker R. et al.* Smart refugees: how Syrian asylum migrants use social media information in migration decision-making // *Social Media+ Society*. 2018. V. 4. № 1.
- Dhoest A.* Connections that matter: The relative importance of ethnic-cultural origin, age and generation in media uses among diasporic youth in Belgium // *Journal of Children and Media*. 2015. V. 9. № 3.
- Diminescu D.* The connected migrant: An epistemological manifesto // *Social Science Information*. 2008. V. 47(4).
- Dudoignon S.* From revival to mutation: the religious personnel of Islam in Tajikistan, from de-Stalinization to independence (1955–1991). *Central Asian Survey*. 2011. 30 (1). P. 53–80.
- Gabdulhakov R.* In the bullseye of vigilantes: Mediated vulnerabilities of Kyrgyz labour migrants in Russia // *Media and Communication*. 2019. V. 7. № 2.
- Gordon M.M.* Assimilation in American life: The role of race, religion, and national origin. N.Y., 1964.
- Has Mirzoev really brought religious liberty to Uzbekistan? Freedom House [Электронный ресурс]. URL: <https://freedomhouse.org/blog/has-mirziyoyev-really-brought-religious-liberty-uzbekistan> (дата обращения 29.11.2019).
- Horowitz D.* Ethnic Groups in Conflict. Berkeley, 1985.
- Ilkhamov A.* Labour Migration and the Ritual Economy of the Uzbek Extended Family Author(s): Alisher Ilkhamov Source: *Zeitschrift für Ethnologie*, Bd. 138, H. 2, Special Issue: Mobility and Identity in Central Asia (2013).
- International Migration Law. Glossary on Migration. IOM, Geneva, 2004.
- Issue Paper. Human rights aspects of immigrant and refugee integration policies 2019 // Council of Europe. URL: <https://rm.coe.int/168093de2c> (дата обращения 26.09.2019).
- Karimov E.* Sacred Sites, Profane Ideologies: Religious Pilgrimage and the Uzbek State" / *Everyday Life in Central Asia Past and Present* / Ed. by Jeff Sahadeo and Russell Zanca. Indiana Univ. Press, 2007. P. 319–338.
- Leurs K., Ponzanesi S.* Connected migrants: Encapsulation and cosmopolitanization // *Popular Communication*. 2018. V. 16. № 1.
- Leurs K.H.A.* Digital passages. Migrant youth 2.0.: Diaspora, Gender & Youth Cultural Intersections. Amsterdam Univ. Press, 2015.
- Light I., Karageorgis S.* The Ethnic Economy // *The Handbook of Economic Sociology* / Ed. by N. Smelser, R. Swedberg. Princeton, 1994.
- Muhojir.info. URL: <http://muhojir.info/> (дата обращения 06.10.19).

- Nourzhanov K., Bleuer K.* Tajikistan: a political and social history. Canberra: ANU Press, 2013. 404 p.
- Oberg K.* Cultural shock: Adjustment to new cultural environments // Practical Anthropology. 1960. Vol. 7. P. 177–182.
- OECD. International migration outlook 2013. Paris, France: OECD Publishing, 2013.
- Olimova S., Olimov M.* Religious Institutions and Tajik Migrant Integration [Электронный ресурс]. URL: <https://doc-research.org/2018/02/religious-institutions-tajik-migrant-integration-russia/> (дата обращения 30.11.2019).
- Olimova S.* The current state of religious education in Tajikistan: an overview of the situation with recommendations // Bitter J.N. et al. (eds). From confidence building towards co-operative coexistence. The Tajik experiment of Islamic-secular dialogue. Demokratie, Sicherheit, Frieden 172. Baden-Baden: Nomos, 2005. P. 239–254.
- Pain E.* Russia and the Muslim World: Specifics of Integration of Islamic Population in Russian Society p. 4 <https://www.norface.net/wp-content/uploads/2017/09/s1-pain-2.pdf>
- Putnam R.* Pluribus Unum: Diversity and Community in the 21 st. Century // Scandinavian Political Studies. 2007 № 30 (2). P. 137–174.
- Redfield R., Linton R., Herskovits M.J.* Memorandum for the study of acculturation // American Anthropologist. 1936. Vol. 38. P. 149–152.
- Reeves M.* Black Work, Green Money: Remittances, Ritual and Domestic Economies in Southern Kyrgyzstan // Slavic Review. 2012. Vol. 71. № 1. P. 108–134.
- Russia's Brain Drain on the Rise Over Economic Woes // Moscow Times. 24 January 2018. URL: <https://www.themoscowtimes.com/news/ussias-brain-drain-on-the-rise-over-economic-woes-report-60263>
- Sennett R.* The Corrosion of Character: The Personal Consequences of Work in the New Capitalism. London, 1998.
- Soliev N.* Central Asia. Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan, Uzbekistan // Counter Terrorist Trends and Analyses. Vol. 11. № 1.
- Stephan W.G., Stephan C.W.* An integrated Threat Theory of Prejudice // Reducing prejudice and discrimination / Ed. by S. Oskamp: Lawrence Erlbaum associates, Mahwah, New Jersey, 2000. P. 23–44.
- The mediating person: Bridges between cultures. Bochner S. (Ed.). Cambridge (Mass), 1981.
- Thousands of Uzbek muslims jailed for “extremism” // Aljazeera [Электронный ресурс]. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2016/01/thousands-uzbek-muslims-jailed-extremism-160107110149439.html> (дата обращения 29.11.2019).
- Trevisani T.* Land and Power in Khorezm: Farmers, Communities, and the State in Uzbekistan's Decollectivisation. Berlin, 2010. 261 p.

- Tucker N. (2015). Islamic State Messaging to Central Asian Migrant Workers in Russia. Central Eurasia – Religion in International Affairs (CERIA) Briefs. G. Washington University Central Asia Program.
- Turaeva R.* Imagined mosque communities in Russia: Central Asian migrants in Moscow <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/14631369.2018.1525529>
- United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division / International migration report 2016.
- Walzer M.* Spheres of justice: a defence of pluralism and equality. Oxford, 1983.
- Ward C., Kennedy F.* The measurement of sociocultural adaptation // International journal of Intercultural Relations. 1999. Vol. 23 (4). P. 659–677.
- Zolberg A.R.* The next waves: migration theory for a changing world // IMR. № 23 (3).

- П78 **Проблемы** адаптации и интеграции трудовых мигрантов в российских мегаполисах (Москва и Санкт-Петербург): Экспертно-аналитический доклад / В.А. Ачкасов, А.И. Аббян, А.А. Андреев, А.А. Никифоров; Отв. ред. М.А. Омаров. М.: РГГУ, 2019. 205 с.
ISBN 978-5-7281-2575-4

Экспертно-аналитический доклад, подготовленный коллективом кафедры этнополитологии Санкт-Петербургского государственного университета, посвящен анализу различных аспектов миграционной политики, реализуемой в двух российских мегаполисах – Москве и Санкт-Петербурге. На основе значительного эмпирического материала авторы исследуют деятельность основных акторов политики адаптации и интеграции иммигрантов, реакцию принимающего общества на рост культурного многообразия и восприятие иммигрантами принимающего общества. В заключении сформулированы выводы и практические рекомендации для городских властей.

Для специалистов в области миграционной политики, ученых гуманитарной сферы, преподавателей, аспирантов, магистров, представителей государственных федеральных и региональных органов власти, общественных организаций этнокультурной направленности.

УДК 325(042.3)
ББК 65.2(48)

Научное издание

Проблемы адаптации и интеграции
трудовых мигрантов в российских мегаполисах
(Москва и Санкт-Петербург)

Экспертно-аналитический доклад

Оформление обложки
М.Е. Заболотникова

Корректор
О.Н. Картамышева

Компьютерная верстка
Н.В. Москвина

Подписано в печать 15.12.2019.
Формат $60 \times 90^1/16$.
Уч.-изд. л. 13,6. Усл. печ. л. 13,0.
Тираж 500 экз. Заказ № 700

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
Тел.: 8-499-973-42-06